

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№27(33)
1991г. 1руб.

БАРХИН Сергей

Атлантида улетает от Палестины. 1989. (Холст, масло, земля островов Корнаты, земля с побережья Кессарии, клей; 112 x 85)

Евгений ПРОШЕЧКИН:

— Умоляю деятелей культуры: все, что вы сделали в те времена, когда политиков у нас вообще не было, мы оценили...

ХВАТИТ!

Теперь — вернитесь к письменному столу, к мольберту, в свои театры и на киностудии. В дело вступают те, кто собирается заниматься политикой профессионально, безраздельно, всецело...

По статусу и уставу мы не являемся ни партией, ни массовым движением. Наша основная задача — изучение правых группировок и противодействие их пропаганде. Активистов на Москву и область примерно человек 300. Мы провели ряд собраний, на которые сходилось по 50—60 человек, познакомили людей друг с другом, выяснили, кто чем может помочь. Раздувать организацию не хотим и не будем. Вы понимаете, в политике очень непросто создать себе хорошую, прочную репутацию, а потерять ее можно в один день. Название у нас хлесткое, и если бы мы стремились к дешевой славе — привлечь тысячи людей ничего бы не стоило. Года два назад можно было выйти с ярким лозунгом, вроде «Горбачев — фашист», — и прославиться... А, кстати, с лозунгом неподсудным, но сходного содержания, скажем, «Горбачев толкает страну к фашизму», я бы вышел! Но, опять же, если бы у меня были вот такие театральные наклонности.

Сам я был и есть человек беспартийный. Правда, член правления московского общества «Мемориал». В мае прошлого года у меня был небольшой флирт с Демократической партией России. Я тогда пришел на конференцию с правом совещательного голоса, а ушел членом правления, но дело не в этом. Там, особенно на местах, очень много замечательных людей, но сам Травкин, к великому сожалению, слишком уж авторитарно себя ведет. Даже когда

говорит по делу, это чрезвычайно трудно воспринимать. Осознав это, я тихо, спокойно, без шумовых эффектов оттуда «слинял». Надеюсь, это первый и последний эпизод моей партийной биографии.

— Мы читали ваше интервью, данное в октябре 1990 года газете «Московский комсомолец». Там было сказано, что наше движение к катастрофе связано с намеренной дестабилизацией, которая имеет целью установление диктатуры. С октября до нынешнего дня направление было именно такое. Дайте качественную оценку ситуации.

— Рассмотрим такой, казалось бы, экономический момент, как создание партийными структурами, я имею в виду КПСС, собственных предприятий, концернов, фирм и тому подобное. Есть мнение, что это замечательно: КПСС пойдет по рыночному пути и постепенно цивилизуется. Тут же, под рукой, пример Южной Кореи, Чили, Тайваня. Марк Захаров недавно нас своеобразно успокаивал в этом духе. Или ноябрьская статья в «Советской культуре» Станислава Говорухина «Мысли с похмелья». Я, как профессионал, начинающий профессионал, предостерегаю: это крайне опасно — когда вчерашние партийные функционеры захватывают собственность. Дело в том, что на свободном рынке действует неоспоримый закон: однажды обманул — больше уже не продашь. А суть в том, что

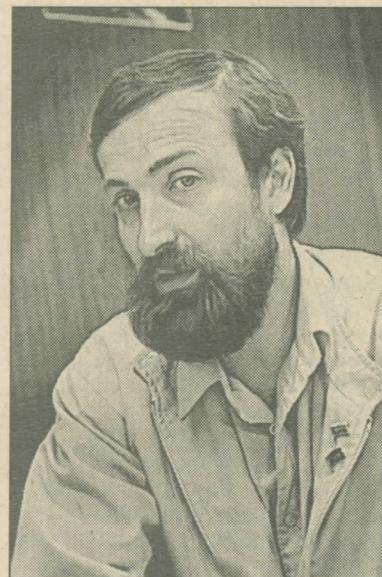

Фото В. Резникова

Евгений ПРОШЕЧКИН родился в 1957 году в Риге в семье военнослужащего. В 1984 году окончил Белорусский государственный университет (философский факультет), получил диплом с отличием. Считает себя приверженцем учения Н.Ф.Федорова; напечатал четыре статьи по федоровской «Философии общего дела».

Активной политической деятельностью занимается с лета 1988 года. 20 февраля 1989 года стал во главе созданного в Москве Всесоюзного антифашистского информационно-издательского центра (так он тогда назывался).

Сейчас «Антифашистский центр» зарегистрирован как общественно-политическая организация — коллективный член движения «Демократическая Россия»... Евгений Прошечкин — член координационного совета «Демократической России», председатель движения «По проблемам политического экстремизма».

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМIRHOV
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Eсоnews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Eсоnews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 05.07.1991

Тираж 150000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. №139

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Хватит!
Е.Прошечкин

ОТРАЖЕНИЕ

- 9 «Яне белорус...»
В.Янкулин

СИЛУЭТ

- 11 Зачем Жириновскому либеральная партия?..
А.Мешков

ОТТУДА

- 20 Рынок — не рынок. И что нам с этим делать?
А.Федосеев

ГОРОД

- 24 Почему эта помощь не скорая
Е.Аверина

АРХИВ

- 30 О Роли градусника в истории
В.Тополянский

ЗЕРКАЛО

- 38 Весенние игры в бисер
Л.Лунина

АРТ-МАСТЕРСКАЯ

- 44 Гомо парадоксум Владимир Кобрин
И.Любарская

ЗОНА

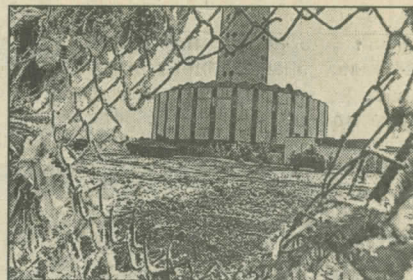
- 57 Версия одной казни
Н.Калашникова

АРТ-САЛОН

- 61 К открытию выставки «Диаспора. Евреи и Россия: XX век»
М.Поздняев, Г.Померанц

На 1-й стр. — фото
Игоря Рогачевского

Заведующий отделом оформления:
Виктор РЕЗНИКОВ

6 Телебашня окружена военной техникой, отгорожена от Литвы сетчатым забором. За забором — иная жизнь, страна. Щиты с надписью на трех языках предупреждают: при переходе границы будут стрелять

16 «Сегодняшней России нужен протестантизм» — эти слова сейчас можно услышать от самых разных людей

48 Ольга Андреева-Карлайл
Солженицын: в круге тайном

Над номером работали:

В.Цыбульский,
А.Пружинина,
Р.Катева.

наши вчерашние партийцы — нынешние бизнесмены честно торговать не могут, не расположены. Они уже идут и всегда будут идти на такой режим, когда будут продавать то, что им надо, по цене, какая их устроит, и в тех количествах, какие они предпишут. Это будет режим удушения честной конкуренции. Торжествовать будет все та же круговая порука. И все последние указы Президента и постановления Кабинета министров это непременно доказывают. Совершается легализация разбоя. В результате такой политики у нас установится самый примитивный, дикий фашизм. Да, с частной собственностью! Но станет ли нам от этого легче?

Никакой «чилийский вариант» у нас не получится, аналогии с Чили, с Южной Кореей неуместны, ибо и там, и там не были уничтожены основы нормальной человеческой жизни — у них сохранялось право собственности, которое из нас совершенно выбито за 70 лет. Наша ситуация абсолютно уникальна! Ведь мы — особая историческая общность, советский народ. Тут брежневская теория, увы, ближе всего к объективной реальности. И вот тут я бы хотел сказать о «невзоровщине». Ведь что показывает Невзоров так называемому советскому простому человеку? наших (хороших) — бьют чужие (плохие). И — никаких тут доказательств! Это — бьет наверняка! Подумайте: власти такую карту бросили — Невзоров, любимец публики, жертва террора! Невзоровым и из Невзорова была создана легенда, и вот настал час применить силу этой легенды на деле, в конкретной работе. Настал час, когда надо звать не к разуму, не к логике, не к морали, но к инстинкту. А это и есть фашизация. ОБЫКНОВЕННЫЙ НАШИЗМ. От слова «наши». Вот что такое «невзоровщина». Вступает в действие то, в чем силен фашизм: поэтизация низменных, иначе говоря — нутряных, позывов. Ты чего-то стесняешься — а ты этим гордишься! Подобного рода идеология — она как СПИД. Распространяется путем приятным и соблазнительным.

Германский нацизм, слава Богу, существовал как государственная система 12 лет. За 12 лет, если продолжить СПИДовскую аналогию, вирус ВИЧ в Германии не развился в глобальную болезнь — и титанических усилий всего мира, и немцев в том числе, хватило, чтобы задушить

недуг. А у нас ведь сроки совсем другие. И стадия заболевания другая.

Вот — беднейший крестьянин. Чем ему особенно гордиться? А коммунистическая власть говорит: это замечательно, по тебе все должны равняться! У нас леность, нищета и убожество стали эталоном гражданского бытия. Похоже, в Германии была та же изначальная мораль. Скажем, люди привыкли стыдиться открытого грабежа. Индейцев конкистадоры грабили, и еще как грабили, но старались прикрываться приобщением аборигенов к цивилизации. А нацисты что сказали? Тебе нравится чужой пиджак, кому он там принадлежит — поляку, еврею? Надо пиджак ариизировать, бери его себе. И такого рода соблазны ужасающим образом действуют на человеческую психику! У нас этот яд будет действовать еще несколько поколений, и как мы будем с этой черной дырой обходиться? И справимся ли мы вообще?

— Всякая политика нуждается в идеологическом, пропагандистском обеспечении. Марксистско-ленинская доктрина, будем считать, рассыпалась уже безвозвратно. Сейчас на роль цементирующей идеологии — сразу несколько претендентов, и трудно угадать, «чья возьмет»...

— Наша жизнь непостижима для иностранца, ибо она совершенно иррациональна. «Умом Россию не понять» — тут необходимо чутье. Вот, пожалуйста, опять пример из Невзорова. С одной стороны, он вроде бы ратует за христианские ценности, афиширует свою религиозность, проливает слезы над захлапанными храмами, борется с сатанизмом (это теперь очень модно), а с другой — проповедует чистый сатанизм: будит зверя в людях. Надо при этом еще учесть традиции, вспомнить историю. Веками поклонялись Перуну, потом низвергли поганого идола и стали примерными христианами. Прошло время, нам объяснили, что Христос — тоже обман трудового народа, и все стали марксистами. То есть на месте нравственного идеала у многих из нас пустота. И поэтому создается опасность манипулирования общественным сознанием — что у нас постоянно и повсеместно происходит.

За исключением емельяновской группировки, которая именуется «Всемирный антиссионистский и ан-

тимасонский фронт «Память», который считает и христианство полностью «жидовским порождением» и в своих листовках пишет: «У нас нет причины доверять обрезанному товарищу Христу», — за исключением этой экзотической группировки, все наши нацисты нацепили сегодня православный камуфляж. (Впрочем, нет, национал-социальный союз Виктора Якушева оригинальничает: исповедует ведический культ.) О том, что это не согласуется ни с какими идеями христианства (для христианина «нет ни эллина, ни иудея»), — и говорить нечего. Но «Память» вполне последовательно, используя невежество людей, делает ставку на такую вот поверхностную христианизацию. А как ведет себя официальная православная церковь, чье руководство на протяжении последних семидесяти лет проходило строжайшую политическую селекцию? Ни одного внятного выступления против антисемитизма. А ведь в нем заключена и для церкви опасность немалая...

Тут бы я хотел вспомнить об отце Александре Мене. Он никогда в политике не участвовал, это историк, богослов, человек академического склада, хотя и с определенным общественным пафосом. Но убили все-таки его, а не, скажем, такого бойца, как отец Глеб Якунин, — фигура необычайно яркая, в политическом смысле чрезвычайно опасная для руководства, и партийного, и церковного. Если мы можем предположить какой-то разумный план у тех группировок, спросим себя: почему удар не направляется против нас, тех, кого они беспрестанно клеймят как «этих так называемых демократов»? Я, например, отлично зная эту публику, почти не опасаясь за свою безопасность. Кому было бы выгодно мое убийство? Очевидно: «Памяти» и родственными ей силам, ну и все. А кто такой отец Александр Мень? Это — средоточие всего. Тут можно подозревать кого угодно: и «памятников», и оголтелых противников экуменизма. Это мог сделать и психически неуравновешенный человек, который взялся «вычищать заразу» из православной веры, и ГБ, и даже... сионисты. Строго говоря, для тех, кто заинтересован в скорейшем переходе СССР к фашистской диктатуре, отец Александр был идеальной мишенью. Его гибель — сильнейший дестабилизирующий фактор. По моему мнению, взрыв в помещении «Дем. России»

в мае с.г. явление такого же порядка. Мы вот с вами перед беседой вспоминали героя книги Войновича «Москва. 2042» — был там такой «генерал религиозной службы». Ужасно смешной! Но ведь русская история знала таких генералов и маршалов. Петр Первый — первый такой генерал. Традиции у нас богатейшие. Тот же генерал Макашов в попытке взять реванш за поражение на выборах в Президенты России, не колеблясь, примет православие!..

— Евгений, вы занимаетесь расшифровкой нацистской казуистики во всех сферах — давайте поговорим о культуре. Насколько широк и глубок у нас фронт культур работников, назовем их так, генерирующих фашистские идеи?

— Еще как широк! Неверно предположение, будто нацисты были сплошь безграмотные люди, а уж идеологи, на творчество которых так или иначе опирались личности, подобные Розенбергу, — это выдающиеся умы. Но будем говорить о наших делах. Нет никакого противоречия в том, что знаменитый русский писатель, страстно выступавший за нравственность и чистоту, за охрану природы и памятников истории, прилюдно защищает «Память». Что удивительного? Человеку по самым разным причинам не пишется, не сочиняется. То ли он перегрузил себя заботой о народном благе, то ли со здоровьем неладит, то ли попросту наступило творческое бесплодие, бывает и так... Инстинктивно человек пытается взвалить вину за все эти неприятности на чуждую силу. Это раз. Во-вторых: на фоне «кастрированной» литературы, дозированной культурной жизни роль элементарно грамотных, способных, одаренных людей деформировалась — и они выглядели исполинами! Корифеями! И сами эти люди уверовали в свое значение. И вдруг — нате! Получается, что ты в наилучшем случае равный среди равных. Представьте, какой это стресс. Многие ли способны трезво оценить свои силы и свое место в культурной традиции и умерить претензии? Почти никто на это не способен.

— Это — если говорить о «псевдокорифеях». Гении обычно склонны к рефлексии, их самооценка бывает самая строгая. Вы не согласны?

— Согласен. Но, раз уж мы заговорили о великой литературе, позвольте высказать несколько нели-

цеприятных суждений.

Русская литература выработала и развивала традиции, которые очень поспособствовали воцарению того, что мы сейчас испытываем на собственной шкуре. Я имею в виду чудовищную экзальтированность, истеричность в отношении «униженных и оскорбленных». Это паразитично — не что произошло с той самой слезой ребенка, на которой невозможно строить храм будущего счастья? Общество, культурное общество, я имею в виду, занятое раздираньем риз и проклятиями, проморгал момент, когда забота о нищих и убогих превратилась в войну со всеми здоровыми и работающими. Заигрывание с «народом» тоже сыграло свою страшную роль. Лев Николаевич Толстой любил повторять, что разговор с простым мужиком часто дает ему больше, чем чтение, к примеру, стихов или пьес. Культура таким образом низводится до здравого смысла. И если даже допустить, что Толстой каким-то неопостижимым образом умудрялся черпать из беседы с крестьянином идеи, сравнимые по важности с размышлениями Гете, то, простите великодушно, это происходило только потому, что сам Толстой — порождение культуры, российской и мировой. Его понимание и проникновение во все — результат действия культуры. Но Толстой — идеолог, а идеология требует упрощения сложного. Лев Николаевич и упрощает, обрывает звенья. Все эти требования — «любить народ» — я воспринимаю как кликушество. У Булгакова в «Собачем сердце» профессор Преображенский говорит: «Я не люблю пролетариата». В России не часто найдешь не только такого профессора, но и такого писателя, который спокойно и без всяких экивоков мог бы так выразиться! Исступленное служение химере «народа» разлагало интеллигенцию. Разлагало оно и тот самый возлюбленный ими простой народ, который со временем подучился грамоте и из чудесных книжек узнал, как ему все из кругом обязаны. Я говорю «вообще», а назвать мог бы и Достоевского, и Куприна, и Горького. Станный перечень? А его можно продолжать и продолжать... Эти вопли, эти причитания и каденция, эта убежденность, что все поголовно должны быть счастливы, привели к тому, что именно Россия пила и пьет эту отравленную чашу, которую по справедливости следо-

вало бы разделить со всем человечеством. Такой вот черный юмор. И я согласен с Бердяевым, с его работой «Истоки и смысл русского коммунизма». Коммунизм принес колоссальное горе России, но не нужно кивать за рубеж и уверять других и себя, что мы тут ни в чем не повинны. Наш коммунизм — исконно русское явление. Как обильно вззошли эти семена на нашей почве! Тут меня кроют патристически настроенные оппоненты: «А ты случайно не помнишь, какой национальности была жена Бердяева?» И — все, вопрос снимается! Порожденное лицо. Это ж в десять раз хуже чистокровного еврейства! Можно сжечь все книги Бердяева, не жалко. Что уж говорить о наших советских гениях, если даже Блоку в свое время застлало глаза: «Пальнем-ка пулей в святую Русь!» А Маяковский? Недавно напечатаны воспоминания Гиппиус. Там написано, что в Петрограде в 19-м году трупами замученных людей кормили зверей в зоопарке. Это проявление гуманизма. Солдаты Саддама Хусейна в Кувейте стреляли зверюшек и сожрали их. Про это узнали все. А тогда — весь Петроград знал и трепетал от ужаса, а Маяковский писал: «Плюнем в лицо той белой слякоти, сюсюкающей о зверствах Чека!» И ведь, как принято считать, Маяковский же был искренен, потом увидел, как все кругом плохо, и застрелился. На самом же деле — за границу не пустили, а он привык к вольной жизни, вот и повод для истерики. А само самоубийство? Это же третьесортная бульварщина! Требовал от Полонской, чтобы бросила мужа, а когда она отказалась — под удаляющиеся шажки любимой женщины... Тьфу! Венок бы из колочей проволоки положить к его подножию... Хотя, конечно, я тут перегибаю. Это я в запале так говорю, а пройдет несколько месяцев — я бы такого не сказал. Нашел бы иную форму...

— Вопрос без прямой связи с предыдущим. С тяжелой руки того же Невзорова пошло гулять по свету выражение «прибалтийский фашизм». Пришедшие к власти национальные силы многими оцениваются как нацистские. Что вы скажете по такому поводу?

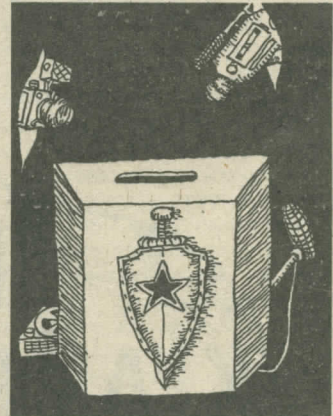
— Существует и другая, гораздо более точная оценка, данная Ельциным: ошибки молодых демократий. Ошибки, о которых вы спрашиваете, характерны для любого национального движения. И тем не ме-

Рязань:

КГБ ПРИХОДИТ В ГОРСОВЕТ

На недавних довыборах в городской Совет народных депутатов победили сразу трое сотрудников местного управления КГБ: С.Дмитриев, В.Терехин и П.Зайцев.

Сессия горсовета, тем не менее, не утвердила полномочия первых двух — из-за многочисленных нарушений закона о выборах. И в этот критический момент к трибуне ринулся чекист Зайцев — отстаивать честь и достоинство коллег. Он открыл глаза депутатам на «заговор» деструктивной мандатной комиссии... Демонстрируя, что не зря ест хлеб в своем управлении, новоиспе-

Рисовал А. Зайцев

ченный депутат скрупулезно, по минутам описал закрытое заседание комиссии (на котором, естественно, не присутствовал), столь же детально поведал, что именно находится в папке члена комиссии Ю.Князева, каковую папку Князев принес с собой на сессию.

Депутаты были поражены осведомленностью Зайцева, а также его простецкими (если не сказать, грубыми) манерами. Ввиду вызывающего поведения чекиста, вопрос о его депутатских полномочиях отложен до следующей сессии.

Что же Зайцев? Он потребовал провести поименное голосование и представить список проголосовавших против него в рязанское управление КГБ. Апофеозом этой трагикомедии стало открытое письмо всей «троицы» — Дмитриева, Терехина, Зайцева — в областную прокуратуру с просьбой наказать непослушный горсовет...

Андрей КУЗНЕЦОВ

нее за три года весьма сложных политических процессов в Литве, например, не было ни одного политического убийства. Но дров наломано изрядно. Возьмем такие акции, как перенос воинских кладбищ. Я могу лишь повторить слова одного известного российского реакционера: польза от этого сомнительна, а вред весьма возможен. Или — поверхностное, невзвешенное отношение к исходу второй мировой войны. Понимаю, что для нормального эстонца или латыша разницы между Гитлером и Сталиным нет. Но, если идти по этой дорожке до логического конца, надо обвинить и американских, английских, французских политических и военных деятелей, солдат и офицеров, да вообще всех участников антигитлеровской коалиции в том, что они были участниками проталинской коалиции, что они активно и последовательно помогали тоталитаризму. Французы тут стоят особняком, их страна была оккупирована, но вот уже канадцы вписываются в нарисованную мною картину. Не дело это. Нельзя, проклиная одного дьявола, пусть косвенно, обелять другого. Тут и у нас своя проблема — отношение к власовцам. Вникая в трагедию этих людей, признавая вину сталинизма и коммунизма, не стоит перегибать палку. Понятно, что любую ошибку национально-демократического движения вовсю раскручивают деятели из таких групп, как «Единство». Пропаганда есть пропаганда, делать из мухи слона — ее прямая обязанность. Но следует помнить, что муха-то была.

Странные действия литовского парламента ставят многих в тупик. Пример? Пожалуйста. Введение смертной казни за политические преступления в то время, когда цивилизованный мир отказывается от подобного варварства, — в первую очередь бесчеловечно, во вторую — неразумно. Что выиграет литовская идея от того, что коммунистические лидеры под страхом смерти станут действовать осторожнее и искуснее? Гонимый приобретает ореол святого — кому это неизвестно! Воюющий Израиль не применяет смертную казнь, хотя там бойцы ООП занимаются отнюдь не политической деятельностью. Нельзя вести себя как попало и ждать понимания и сочувствия. Любой кредит истощается, политики обязаны об этом помнить. И надежды на Запад следует отбросить. Но это уже и

без моих уговоров всем ясно. Требуется великая деликатность... Но время вернуться к вашему вопросу. Я считаю: говорить о законно избранных правительствах Прибалтики как о фашистских могут только ответные демагоги.

— Получается, что одна крайность провоцирует другую? Верно?

— Никаких примитивных ответных реакций нормальное, здоровое руководство не должно допускать. В этом его главная задача на сегодня. Сдержанность, которую литовцы столь долгое время проявляли и проявляют, приносит им и нам много больше пользы, чем всякие всплески и смуты. Нападки на военных должны вообще прекратиться. Силовое противостояние всем пойдет только во вред. Никто в Германии всерьез не озабочен проблемой: как втолковать советскому, американскому, английскому солдату, что он оккупант? «Что делать с армией?» — вот вопрос правительства. А люди с людьми должны налаживать человеческие контакты, чтобы вернувшиеся домой советские солдаты могли спокойно сказать: «Мура это все, что говорят про национализм. К нам нормально относились...»

Я хочу сказать несколько похвальных слов российскому парламенту, какой бы он ни был слабый и разношерстный. Посмотрите, как Россия реагировала на объявление государственного суверенитета Татарией, Башкирией, Якутией? Спокойно! Без криков и поучений. И это было правильно, это был единственный возможный способ сохранить и преумножить доверие друг к другу.

— Два связанных между собой вопроса: какова ваша должность в «Антифашистском центре»? И депутатом какого Совета вы являетесь — мы видим у вас на пиджаке значок...

— Должность моя — выше не бывает. Я — председатель «Антифашистского центра», и в скобках — «московское отделение». Мы же конфедерация. И еще — я депутат Тушинского райсовета Москвы. Благодаря откровенно фашистской, национал-социалистической газете «Пульс Тушина» район приобрел дурную славу. Но все не так страшно. Сам факт моего избрания в райсовет это подтверждает.

Вопросы задавали Георгий ЕФРЕМОВ и Андрей ТАЛЬ

Скромный инженер
в одну ночь становится
директором вильнюсской телебашни

КАРЬЕРА
МОЯ

Фото А. Угробина

«Неожиданно удалось узнать две фамилии членов так называемого Комитета национального спасения. Было так. Сопровождал коллег из центральной газеты, захотели они посетить захваченную телебашню. На удостоверениях у них — орган ЦК КПСС. Может быть, это и расслабило майора МВД «Нужно разрешение, звонок членов Комитета национального спасения — Бурокаявичюса или Субботина». ...Совторым, честно говоря, не знаком: слышал когда-то на митингах «Единства».

В.Заровский. «Комсомольская правда», 7.2.91

Имя Анатолия Субботина известно теперь всей Литве. Скромный инженер Вильнюсского телецентра, он обязан своим возвышением событиям 13 января. Той ночью он ворвался вслед за десанниками в помещение телебашни и с тех пор фактически являлся ее директором, возглавляя коллектив, собранный литовскими коммунистами с бору по сосенке. Сейчас Субботин официально работает за пределами Литвы, в одном из кооперативов. Миссия в вильнюсской телебашне — всего лишь «командировка» из Твери, куда он 12 января, за день до начала путча, увез семью.

Познакомились мы с ним неожиданно...

В пресс-центре ЦК КПЛ меня сразу спросили: что бы вы хотели увидеть? Естественно, я хотел на телебашню. Отговаривали, рассказывали, что там смотреть не на что. Потом представили меня товарищу Евдокимову из идеологического отдела. Он был предельно категоричен: «Режимными объектами занимается Министерство внутренних дел СССР. Нет, здесь их представителей нет. Свяжитесь с Москвой — может, разрешат...»

И тут, как добрый гений, появился Субботин.

— Когда хотите приехать на башню?

— Ну, хотя бы... завтра утром. Ведь пропуск, наверное, надо заказывать...

— Приезжайте сегодня к 17.00.

Ну и дела! После такого поверишь в сверхъестественную силу любого Комитета национального спасения, даже распущенного. Немолодой седоватый мужчина в джинсах и свитере (что особенно бросается в глаза среди половодья цековских пиджаков и галстуков) начальственно, но запросто решает вопросы, относящиеся к компетенции целого союзного министерства!

Неожиданно Субботин спрашивает:

— А как мне с вами говорить?

— В каком смысле? — несколько опешил я.

— Ну, если я даю интервью немцам или японцам, то сразу говорю, что в Литве произошел фашистский пар-

ламентский переворот. Так как мне с вами разговаривать?

— Как с человеком, наверное...

— Ладно, приезжайте.

☆☆☆

Над входом в вильнюсскую телебашню — флаг Литовской ССР. Вообще флагов в городе много. Город словно поделен на множество микрорайонов. Здесь — трехцветный флаг Литвы, чуть дальше — союзное полотнище. Трехцветных знамен больше. Но флаг прежней союзной республики — алый с белой и зеленой полосами — я видел только у телебашни.

Небольшой кабинет. Две кровати, заправленные армейскими одеялами. Разговор с Субботиным начинается без долгого предисловия.

— Итак, Анатолий Сергеевич, как вы идете по счету в «списке иуд» литовского народа?

— По крайней мере, не первым. Первым был тот омоновец — Болеслав. А вторым — я. Потом занесли в этот список и всех членов ЦК, секретарей ЦК КПЛ — Ермалавичюса, Бурокаявичюса...

☆☆☆

...Следующую часть нашей полтора-рачасовой беседы я намеренно опущу, благо Анатолий Сергеевич, как и обещал, начал повествование о фашистском парламентском перевороте в Литве, об истории его, об истории Литвы вообще. Мне иногда было интересно. Пример? Родители Субботина оказались здесь в кон-

це последней войны. Тем не менее сам он очень уверенно рассказывает о довоенных фашистских традициях в Литве, о родственности режимов Гитлера и Сметоны... Впрочем, мы отвлеклись. Слушаем дальше!

☆☆☆

— ...Так на кого же он (Ландсбергис. — А.С.) рассчитывает? Кто его союзник? Бывшая бюрократия, бывший партаппарат, бывшие совслужащие, которые воровали при социализме, отстраивали себе хорошо. Кому он разделит компенсацию на удорожание? Только этим вот, кто на государственной службе. А Гитлер на кого опирался? Тоже на средний слой — лавочников и государственных служащих. Вот вам еще одно подтверждение фашизма... Да что там говорить. Вот советник Ландсберга (Субботин называет его именно так. — А.С.), которого мы недавно выжили отсюда, — некто Эйве...

Кровь пролил именно он, Эйве! Кадровый разведчик ЦРУ, один из организаторов душманского движения в Афганистане... И вот, когда Ландсбергу стало здесь совсем уже худо, когда его через пять минут толпа уже разорвала бы — после повышения цен в 5—7 раз 8 января... И тогда Эйве дал ему в руки микрофон, подтащил его к окну и сказал, что говорить. И Ландсберг сказал: «Люди, я отменяю все! Расходитесь!»

Ну, толпа успокоилась, начала расходиться. А он им вслед: «Люди! Тут толпа пьяных русских мужиков! Рвется, хочет разогнать ваш парламент! Хочет убивать нас всех. Защитите свой парламент, защитите свое правительство!» Это он спровоцировал всех. Спровоцировал!

...Ну, разрабатывали мы эту операцию. Думали, все уляжется, все уляжется, все уляжется. Сколько может народ дурить, сколько народ может бегать, сколько народ может стоять вокруг телебашни?! По во-

семь тысяч человек холодной ночью?! Сколько? А он все подстегивал и подстегибал...

Потом мы взяли Дом печати... Ну, его днем взяли, довольно-таки легко... Потом взяли эту телебашню, взяли под охрану Гостелерадио. Операции были разработаны таким образом, чтобы исключить жертвы, — это первое, и второе — чтобы сохранить технику. Seriously прорабатывалась эта операция, исключалось все, что могло бы в принципе привести к жертвам. То есть лопатки были отброшены сразу, боевые патроны были отброшены сразу. Стреляли вот этим (достает из стола патрон калибра 5,45 миллиметра, с очень необычной пулей).

— Пластиковая пуля?

— Нет, не пластиковая. Эта пуля рассыпается через 5 метров после вылета из ствола. А если попадает в человека... ну, синяк будет, но она не проникающая.

Все первые рожки автоматов были заряжены именно этими патронами. Это я сам лично проверял. И мы свою операцию выполнили на 90 процентов — то есть жертв со стороны военнослужащих не было, то есть мы не убивали, тем не менее трупы есть. Я сам присутствовал здесь, я въехал сюда на броне танка, так сказать... ну, бэтэра... и сам видел, как со второго этажа — или с третьего, темно было, не видно ничего, — сам видел одну очередь — по толпе, не по солдатам.

Вот прокуратуре предъявляли труп. Фотографию. Самого трупа никто не предъявил. Вот — женщина, раздавленная танком. Показывают фотографию. А крови на территории почему-то не находят! Прокуратура была здесь на следующий день — ну куда эту кровь можно было здесь деть? Что такое раздавить человека — это море крови! Это лужа крови! Но ее нет.

Вот и у вас по всей России — я в Твери был, знаю — все считают, что да, военные там пролили кровь. Нет, то есть тут расквашенных морд было достаточно, ребята работали хорошо прикладами, рукопашный бой был хороший. Но это рукопашный бой, но не убийство. Стреляли пушки — холостыми.

...Они были вооружены. Там, на телекомплексе, нашли склад оружия. Ну, они могут говорить сколько угодно, что это бутафорское оружие, только вот одно мне не понятно — был приказ Президента сдать все оружие, в том числе и бутафорское.

Почему оно не сдано?

— Ну, в общем, выбрасывали отсюда — из телебашни — этих подонков и с оружием, и без оружия. Правильно, ни у кого из трех задержанных оружия не нашли. Видимо, оно где-то здесь есть, оружие, — мы не ищем. Полы тут все двойные. Прокуратура нашла здесь еще иностранные патроны...

— Анатолий Сергеевич, вернемся немного назад. Вы говорили — «мы планировали», «мы осуществляли»... А кто «мы»? Комитет национального спасения?

— В первую очередь военные, и я с ними.

— А в какой, извините, ипостаси, в какой должности? Ваши функции?

— Должность? Ну... советника.

— Просто советника? Как человека, который здесь работал и просто знает, что к чему?

— Просто как человека, который заинтересован в том, чтобы все сделать безболезненно. А военные — они что? Привыкли видеть перед собой врага и бороться с врагом. А я в этой толпе врагов не видел. Я видел оболваненных людей, которых нужно спасти от них же самих.

— Городская мэрия считает, что телебашне нанесен ущерб в 3,6 миллиона рублей. Так ли это?

— Ври больше, во что-нибудь поверят — принцип геббельсовской пропаганды, фашистской пропаганды. Никто же даже не пришел. Пришли бы: «Субботин, разреши нам посмотреть, посчитать ущерб...»

Вся башня стоит вместе с оборудованием 11 миллионов рублей. Ну если на три миллиона ущерба, то этот ущерб должен быть ощутимо виден. А оборудование все целое, работает. Стенки все целы, стоят. Никаких выщербин от выстрелов нет...

— У вас, наверное, много личных неприятностей после всего этого?

— Вы знаете, нет.

— То есть все той публикацией (в газете «Республика» — фото и подпись «JUDAS» — Иуда. — А.С.) и ограничилось?

— Они же всегда пугают тех, кто их боится. И они запугали всех людей здесь, очень много запуганных. Особенно тех, кто далек от политики. Сейчас ко мне приходят классные специалисты. Предлагаю: выходи на работу. «Я боюсь». Чего? «Вот мне окна выбьют» и так далее. Что же они меня не преследуют? — я говорю. Что же ты боишься?

— Часто вам здесь приходится ночевать?

— Работы много, очень много. Все организовать надо было. Кроме того, вся эта неустроенность. Телецентр же был связан со всеми городскими службами — мусор вывозили, ремонтные бригады, сантехники там, электрики... Это же все город обслуживал. А сейчас нас никто не обслуживает, мы на самообеспечении.

Ну, они попытались нам вырубить электроэнергию, мы их серьезно предупредили...

— Seriously — это как?

— Есть приказ министра обороны — брать под охрану те объекты, которые являются службами жизнеобеспечения.

— Телецентра?

— Вообще. Энергетика, тепловод, водопровод... Если они не обеспечивают работу — брать под охрану. И мы сказали: мы выполним этот приказ. Минут через 10 будем у вас. Включили.

— Ваш прогноз: когда отсюда уйдут военные? Когда телецентр будет работать в нормальных условиях, по крайней мере, без охраны?

— Если Литва согласится выйти из состава Союза в границах 1939 года, без Клайпеды и Виленского края. Тогда вопрос о телебашне снимается однозначно.

— Других вариантов вы пока не видите?

— Этот вариант был предложен одним из первых... Вы понимаете, что значит вывезти отсюда 700 тысяч русских? Оставить их здесь нельзя, потому что их вырежут или это будет нация рабов. Расстрелянных — по спискам — тоже будет предостаточно. А куда вывозить? Нужно человеческое жилье, нужно еду. То есть это совершенно нереально... А оставлять их здесь тоже нельзя. Здесь — фашизм...

☆☆☆

Телебашня окружена военной техникой, отгорожена от Литвы сетчатым забором. За забором — иная жизнь, страна. Даже в будние дни у забора — сотни людей. Едут отовсюду, чтобы увидеть то место.

Солдат с автоматом за плечами от нечего делать ковыряет носком сапога землю. Щиты с надписью на трех языках предупреждают: при переходе границы будут стрелять.

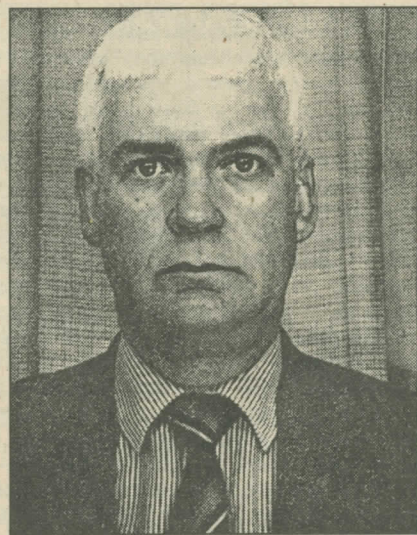
Андрей СМЕРНОВ

«Я — не белорус...»

Сегодня практически нет ни одного региона, где бы не происходило искусственное раздувание так называемых «национальных» проблем. Однако есть и реальные проблемы такого рода, их решение диктуется не крикливыми митингами народных фронтов, не невесть откуда возникающими «комитетами национального спасения», не истериками «Наших бьют!» с экрана ЦТ.

Национальные проблемы — прежде всего в сохранении всех человеческих общностей, носящих имя нации, народности, а также в сохранении в каждой из них неповторимых, именно им присущих качеств и особенностей. Это тот культурный потенциал, который определяет и нравственное здоровье нации, и в конечном счете ее генофонд. Ибо личностями не рождаются, ими становятся в атмосфере духовной и материальной культуры общества.

Пожалуй, именно эта идея и была главной на проходившем недавно в Минске учредительном съезде Международной ассоциации белорусистов, на который приехали специалисты из США, Великобритании, Германии, Австрии, Чехо-Словакии, Венгрии и Болгарии. С одним из его участников — профессором Лондонского университета и председателем Англо-Белорусского общества Джимом ДИНГЛИ, избранным вице-президентом новой ассоциации, беседует наш обозреватель Владислав ЯНКУЛИН.

Д. ДИНГЛИ

— Джим, несколько слов о самой ассоциации, есть ли у нее аналоги у нас в стране и в мире?

— Вообще аналогичные ассоциации существуют во многих странах. У нас в Великобритании есть ассоциации германистов, романистов, короче, всех тех, кто занимается в университетах Германией или Францией. И Франция, и Германия поддерживают эти ассоциации — материально, литературой, информацией. Ассоциация украинистов образована два года назад в Италии.

— Почему в Италии, а не, скажем, в Канаде?

— Думаю, что так вышло достаточно случайным образом. Была такая конференция в Неаполе, где собрались украинские, канадские (украинского происхождения) и итальянские ученые-слависты, которые ее и учредили. В прошлом году в Киеве эта организация украинистов провела свой съезд на родной земле.

Главное здесь — сам факт существования ассоциации. Он свидетельствует о том, что страна имеет какое-то значение, что занимаются ею не только внутри нее, но и за рубежом. И это немаловажный стимул для студентов и аспирантов — заниматься Белоруссией.

— Как известно, в Белоруссии создано общество «Батьковщина» («Отчизна»). Насколько пересекаются интересы и сферы деятельности этих двух объединений?

— «Батьковщина» — организация, призванная объединить под своими знаменами всю белорусскую диаспору. Пересечение сфер интересов здесь неизбежно, но здесь нет проблем. Например, и они, и мы не можем

обойти тему Чернобыля, в которой заключена проблема физического сохранения нации. Однако есть и различие. Скажем, большая часть тех, кто занимается Украиной, по своему происхождению — украинцы. Однако существование международных ассоциаций украинистов и белорусистов позволяет привлечь к их деятельности людей некоренной национальности, которые, естественно, не могут стать членами таких организаций, как «Батьковщина». Я не белорус и не собираюсь стать членом этой организации.

— Каковы первоочередные задачи ассоциации?

— Ближайшие планы будут построены вокруг изучения белорусской эмиграции. Всем ясно — и сегодня из этого не делается секрета, — почему и по каким причинам образовалась эта самая эмиграция.

Издательство «Белорусская Энциклопедия» и Институт истории Академии наук БССР готовы сегодня составить с нами программу исследований и публикаций по истории белорусской эмиграции. Не только в связи с событиями второй мировой войны, но и с другими периодами истории. Как известно, архивы, необходимые для такой работы, находятся в основном в центрах и университетах на Западе. С другой стороны, немало полезных материалов можно было бы найти и в советских организациях: в партийном архиве или архиве КГБ.

Ученые уверены, что в упомянутых советских архивах имеются крайне важные материалы, которые подтвердят не только давно описанные на Западе события и процессы, но и прольют свет на многие «загадочные об-

стоятельства», сменяет краску, которой описывались те или иные люди и события. Например, в Белоруссии недавно появилась публикация, доказывающая, что Кубе был далеко не самым кровавым гауляйтером. И НКВД убрало его, чтобы усилить репрессии против мирного населения и стимулировать партизанскую войну. Возможно, это — спекуляция. Но достаточно вспомнить историю с Катынью, когда в Советском Союзе упорно отрицалось событие, которое было тщательно изучено на Западе и в Польше. И в итоге, когда отрицать очевидное стало бессмысленно, «неожиданно» в архиве конвойных войск обнаружился обстановка расстрела польских офицеров именно советскими военнослужащими. Сейчас высказывается предположение, что для отвлечения общественного мнения от истории с Катынью была придумана пропагандистская акция с белорусской Хатынью и создан там известный мемориал. Фонетическая близость названий определила выбор Хатыни, хотя подобных уничтоженных сел на белорусской земле великое множество...

— Понятно, что сейчас, когда Белоруссия становится суверенным государством, ей необходима и подлинная история, и подлинная оценка всего, что происходило на этой земле за последние десятилетия. Это важно не только для Белоруссии, но и, скажем, для Литвы, с которой уже сейчас возникают различные территориальные споры. В Белоруссии сейчас подлинными бестселлерами стали книги историка и писателя Ермоловича, в которых он воссоздает по сути заново историческую память народа. Но и его можно обвинить в субъективизме — он все-таки белорус и, естественно, смотрит на все глазами человека этой земли. Может быть, спорные главы истории лучше писать перьями зарубежных белорусистов?

— Конечно, любой историк реконструирует свое введение истории, свои исторические схемы. Но здесь, в Союзе, так долго конструировали искусственные, основанные отнюдь не на реальных фактах схемы, что сегодня всякая живая мысль воспринимается либо как нонсенс, либо как откровение.

Если вернуться к изысканиям Ермоловича, то увидишь, насколько они справедливы и интересны. Но многое из того, что сейчас в его книгах воспринимается в Белоруссии как сенсация, западным исследователям давно известно. Скажем, каждому, кто изучал летописи, было видно, что то, что в них называется Литвой, далеко не то же, что представляет собой территориально современная Литовская республика.

Раньше «Литва» было понятием более широким — скорее географическим, нежели этническим — и имело отношение именно к этим, прежде всего белорусским, землям. Косвенные свидетельства тому есть в тех же летописях, где, скажем, рассказывается, как один белорусский князь ехал через «Литву», возвращаясь из похода. Если бы он ехал через настоящую — по тем временам — Литву, то для этого ему пришлось бы совершить непонятный и ненужный круг. И в совсем недавнем прошлом, скажем, в Пинске говорили: «Я поеду завтра в Литву» — и это означало, что человек собирается в Минск, а отнюдь не в Вильнюс...

— Какую помощь культурного характера может принести ассоциация непосредственно населению республики?

— Здесь проблемы несколько иные, чем, скажем, проблемы взаимоотношений между Францией и французами, которые живут за межей (за границей). — В.Я.

Франция очень сильно помогает конкретным людям, университетам, кафедрам и организациям, помогает книгами, кинофильмами, помогает финансово, субсидируя разные акции. Конечно, чем-то может помочь государство и здесь: мы, иностранцы, приехавшие на эту встречу, получили огромное количество книг в подарок за время нашего пребывания в Минске. Кроме того, организаторы оплатили наше пребывание здесь и даже дали деньги на карманные расходы... И все же Украина и Белоруссия — в экономическом смысле — не Германия и не Франция, поэтому их правительства не могут финансировать эмигрантские организации. Здесь скорее обратная ситуация: эмиграция должна в финансовом смысле помочь родине. Зарубежные украинцы уже многое делают — и неудивительно, их много. Белорусов значительно меньше. Тем не менее Янко Запрудник, редактор ежемесячной газеты «Белорус», выходящей в Нью-Йорке, надеется на успех подобных акций. Он хочет достичь, естественно, в более скромных масштабах, но по сути того же, что удалось украинской эмиграции.

— Проявляют ли интерес к белорусскому языку студенты Лондонского университета?

— Пока, к сожалению, нет. Я бы хотел начать вести спецкурс по белорусистике в аспирантуре начиная со следующего года. Но пока не было времени подготовить его: заявить, посмотреть, кого он заинтересует, может, создать некоторую рекламу среди студентов и аспирантов. Ведь никто не знает, что такой курс возможен, — он нуждается в соответствующей рекламе.

— Создание таких учебных мест («рабочих мест» для студентов) позволит проявиться детям эмигрантов, которые не подозревают, что элементы культуры, которыми они владеют с детства, могут им пригодиться, дать профессию, способствовать связям с родной своих родителей?

— Да, конечно. Я, правда, не уверен, что удастся найти много таких молодых людей в Англии, но, создав рекламу, думаю, что найдутся — в той же Америке. В Англии белорусов, сохранивших национальное самосознание и не пожелавших полностью ассимилироваться, не больше двух тысяч. Большая часть эмигрантов в брак вступала с англичанами, а дети считали себя уже англичанами. Конечно, в ком-то, может быть, это тяготение к пращурам еще теплится, и на это мы можем надеяться...

— Интересно, а как ты — стопроцентный англичанин пришел к белорусскому языку, который, как известно, и на своей земле требует усилий для культивирования и возрождения?

— Это — довольно длинная история. Когда я окончил в 1963 году Кембриджский университет, то сначала работал два года в Голландии, а потом перешел в библиотеку Национального музея. И там я познакомился с белорусом — священником отцом Александром Надсоном, который сейчас заведует Белорусским центром в Лондоне. Пригласив меня на обед, он стал рассказывать о Белоруссии, о первопечатнике Скорине, о котором я до того никогда не слышал, о белорусской литературе, о существовании которой также не подозревал. И с той поры я стал читать книги о Белоруссии, о ее истории и культурном наследии. И увидел значительный пласт культуры, которым интересно заниматься и, главное, которым, скажем, у нас в Англии никто не занимался. Это же очень важно — почувствовать себя первопроходцем! И потом — кто-то это должен делать, и я подумал: почему бы это не делать мне?

ЗАЧЕМ ЖИРИНОВСКОМУ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ?

«ЧТОБЫ ЕЕ УНИЧТОЖИТЬ!»

— СЧИТАЕТ БЫВШИЙ ЕГО ПАРТАЙГЕНОССЕ ЛЕОНИД АЛИМОВ

По мнению некоторых политологов, Владимир Жириновский, набравший на недавних президентских выборах в России около 8 процентов голосов избирателей, добился явного успеха. Наверное, успеху этому позавидовал бы лидер французских ультра Ле Пен, который далеко не с первого захода достиг пятипроцентного рубежа... Астрологи пророчат Жириновскому грядущие победы. И хотя их прогнозы уже не один раз терпели фиаско, не худо было бы присмотреться к человеку, который, по словам Амангельды Тулеева, «не имея

ничего за душой», занял третье место по итогам голосования. Что помогло ему? Кто помог? Чего можно ожидать от столь экстравагантного политика в будущем?

Об этом наш корреспондент беседует с недавним соратником Владимира Вольфовича Л.Н.АЛИМОВЫМ. В апреле, во время работы второго съезда «Либерально-демократической партии Советского Союза», бывший инженер-электронщик, а ныне пенсионер оставил пост заместителя председателя ЛДПСС и покинул ее ряды.

Вышел потому, что убедился: та линия, которую проводит В.Жириновский, не имеет ничего общего ни с либерализмом, ни с демократией. Это какая-то смесь великодержавного шовинизма и социальной демагогии. Так думают и многие рядовые члены партии. Спросите любого из них «Вы поддерживаете Жириновского?» — и сами увидите, что вам ответят...

— Но куда не уйти от того факта, что именно съезд этой партии выдвинул Жириновского кандидатом в Президенты России. Именно от ее имени он поносит Ельцина и «Демократическую Россию», дает властям желанный повод вспомнить в программе «Время» о 30 тысячах членов Либерально-демократической партии, которые могли бы в случае чего прийти на Манежную площадь поддержать своего кандидата.

— Жириновский может назвать любую цифру, это его ни к чему не обязывает. Для него главное — иметь вывеску, под которой можно было бы ездить за границу, выдвигаться и т.д. На самом деле, дай Бог, чтобы в его партии состояла одна тысяча человек. Да и из этой тысячи — большая часть не граждане России, а русскоязычное население Прибалтики, Абхазии, южных республик. Впрочем, сомневаюсь, что многие из них знают, что являются членами ЛДПСС. Недавно мне позвонил руководитель Союза демократических сил им. Сахарова (есть такая организация, считающая себя центристской) В.Воронин и рассказал: Жириновский взял список с фамилиями и адресами турок-месхетинцев из общества «Ватан», а потом скопом зачислил их в ЛДПСС. Не исключено, что фамилии этих людей, как и бывших членов этой партии, вышедших из ее рядов и образовавших Российскую либерально-демократическую партию, Жириновский передал в Министерство юстиции СССР для регистрации ЛДПСС. Вот почему Российская либерально-демократическая партия намерена обратиться к Генеральному прокурору СССР Н.С. Трубину с заявлением о необходимости расследования этой странной регистрации.

Как бывший руководитель Московской организации ЛДПСС, замечу, что организация эта — до недавнего времени самая

сильная в партии — распалась. Почти все районные координаторы порвали с Жириновским.

— И все же съезд ЛДПСС выдвинул его кандидатом в Президенты...

— Это только так кажется. Вы, наверное, думаете: есть политическая партия, а значит, в ней должны быть демократические нормы. В действительности же есть Жириновский и несколько десятков его приверженцев. Часть членов партии вышла из ЛДПСС еще в октябре прошлого года, когда попыталась провести свой съезд и отстранить Жириновского. Но решения этого съезда он не признал, собрал конференцию и опять все вернул на круги своя. Тогда я тоже не поддержал оппозиционеров, считал их действия юридически несостоятельными. Но все же находился во внутренней оппозиции к курсу Жириновского. Многие члены партии решили заявить о своей позиции на апрельском съезде. Но Жириновскому стало известно об этих планах, и организацию съезда он взял в свои руки. Естественно, позаботился о том, чтобы там оказались только его сторонники. Председательствующему — члену центрального комитета ЛДПСС В.Шляхову — не давали вести заседание. Жириновский и его верный соратник А.Халитов вырывали у него микрофон и силой усаживали на место. Такая вот «демократия» в партии, назвавшей себя либерально-демократической.

Впрочем, для того, чтобы иметь более ясное представление о Жириновском как политике и человеке, приведу несколько примеров. В начале ноября прошлого года на заседании «центристского блока», куда были приглашены иностранные дипломаты, случился такой казус. Жириновский, как всегда, расточал панегирики самому себе и подобным ему «государственным мужам», которые знают несколько языков и имеют юридическое образование. Вот, мол, кто на самом деле может претендовать на звание политиков, а не разные там «драматургишки» и «писателишки». Выслушав эту тираду, первый секретарь чехо-словацкого посольства посчитал ее оскорбительной для президента ЧСФР Вацлава Гавела и в знак протеста покинул заседание. Раздосадованный Жириновский долго ис-

кал, на ком бы сорвать свое раздражение. Наконец такой повод нашелся. Он набросился с кулаками на бывшего руководителя молодежного крыла ЛДПСС Владимира Тихомирова, который к тому времени вышел из партии. Дескать, нечего тебе здесь делать. Смущенные коллеги по «центристскому блоку» долго пытались разнять их...

Или такой пример. В октябре, как я уже сказал, группа членов ЛДПСС готовилась провести съезд, чтобы снять Жириновского с занимаемого поста и изменить ориентацию партии. Перед этим собранием он позвонил мне из Хельсинки и сказал: «Я вас прошу, подойдите завтра к зданию Краснопресненского райсовета. Там, видимо, соберутся люди. Могу гарантировать, что никто им помещение не даст, а В.Богачев (главный координатор партии) вообще не дойдет до райсовета». Ничего этого не произошло — и помещение дали, и Богачев «дошел»... Я вот думаю, зачем Жириновскому понадобилось мне это говорить? С какой целью? Блефовал? Перед кем — своим ближайшим сподвижником?

А вдруг это не блеф и обещанное им должно было случиться и только непредвиденные обстоятельства помешали этому?

— Леонид Николаевич, но ведь и раньше можно было догадаться, что из себя представляет Жириновский. Помню, я еще в сентябре прошлого года слушал его выступление перед парком им. Горького. Уже тогда он, мало стесняясь в выражениях, обещал: забастовщиков — в тюрьму, ракетиров обучим и пошлем за границу защищать свои национальные интересы, вывезем из-за рубежа дешевую рабсилу и заставим их вкалывать за 100 рублей как миленьких. Неужели все это оставалось незамеченным?

— Вначале все было не так. На учредительном съезде в конце марта звучали либеральные, демократические лозунги, и Жириновский, видимо, остерегался открыто высказывать свои взгляды.

— А не показалось ли вам подозрительным то, что на ваш съезд так активно откликнулись Центральное телевидение и центральная пресса, которые не жаловали вниманием другие политизированные объединения?

— Я не придавал этому большого значения. Подумал: ну, может быть, кто-то из операторов или журналистов симпатизирует новой партии. Конечно, следовавшие затем высказывания Жириновского заставили насторожиться. Но я успокаивал себя: человек он молодой, неопытный, может ошибаться. Но со временем таких высказываний становилось все больше...

— ... И дошло до хвалебных речей в адрес КГБ. Из телепередач с неудачным претендентом в Президенты России, из его выступления на республиканском Съезде народных депутатов граждане республики узнали, что в этом ведомстве работают самые умные люди и сам кандидат просто-таки жаждет с ними встретиться.

— Он явно скромничает. С работниками КГБ Владимир Вольфович встречался не один раз. Например, во время предвыборной кампании. Приехав в Вологду и Инту, Жириновский и Халитов направлялись в первую очередь в местный отдел КГБ. Халитов мне сам рассказывал об этом. Что и говорить, контакты у Владимира Вольфовича весьма специфичны для либерал-демократа. Например, в Прибалтике его встречали доверенные люди Алксниса. А мне до сих пор звонят из ЦК РКП и ЦК КПСС (в последнем случае кто-то из помощников В.Мироненко) — наверное, не знают еще, что я порвал с Жириновским.

— И что говорят эти люди со Старой площади?

— Примерно одно и то же: «Никак не можем найти Владимира Вольфовича. Срочно ждем его на совещании в ЦК».

Конечно, было бы упрощением полагать, что Жириновский — штатный сотрудник КГБ. Его личные качества никак не подходят для работы в этом ведомстве. Из такого субстанта пулю не отольешь. Просто он ведет политическую игру. Специально, как бы это выразиться, подставляется, что ли... Делает экивок в сторону тайной полиции: вы видите, что я делаю? Я — ваш. Я не против с вами сотрудничать. Так не трогайте меня, помогите мне. Ну как, видя такую преданность, на самом деле не пойти навстречу, не помочь? И помогают.

— В чем заключается эта помощь?

— Например, в содействии некоторых членов ЦК КПСС выпуску газеты «Либерал». В определенный момент в нужном месте произносились магические фразы: «Не препятствовать», «Дать бумагу», «Отпечатать».

— Как вы думаете, почему коммунисты так поддерживают и рекламируют Жириновского?

— По-моему, здесь причина стратегическая. У нас в стране, как и во всем мире, идет рост численности интеллигенции. Увеличивается удельный вес «белых воротничков» и снижается количество «воротничков синих» (пролетариев). Интеллигенция, служащие, похоже, скоро станут преобладающей социальной группой. А ведь это сила. И не дай Бог, думает партократия, если она сплотится. Поэтому, пока еще не поздно, надо оказать влияние на умонастроение этого социального слоя!

Настроениям интеллигенции в наибольшей степени отвечает идеология либеральной демократии. Значит, надо как можно больше скомпрометировать ее, отпугнуть от этой идеологии широкие слои интеллигенции. «Вы хотели либеральной демократии? Получайте ее. Вот вам господин Жириновский».

В мире существуют различные виды либерализма. Есть либерализм европейский, классический, с его прагматизмом, индивидуализмом, приматом экономики над другими сферами жизни. Есть либерализм американский — совершенно своеобразный. Скорее его можно назвать социал-демократическим социализмом с такими его неизменными атрибутами, как идея социальной справедливости и роль государства в ее реализации. Есть национал-либерализм — его можно наблюдать в Японии, Румынии. И наконец, существует самый благородный, на мой взгляд, либерализм — российский. Он совершенно не национален, наоборот, космополитичен. Либерализм этот всегда зиждился на духовности, ориентации на взращивание «разумного, доброго, вечного», включал в себя такое понятие, как совесть. Представителями этого течения в России были либеральные народники, Набоков, Милюков, кадеты...

Так вот, Жириновский не представляет ни одно из этих направлений либерализма. И, пожалуй, в наибольшей степени компрометирует традиции именно российского либерализма. Компрометирует своим шовинизмом, пренебрежением к другим народам. Предвыборная кампания показала, что дурно понятый «патриотизм» — любимый конек Жириновского. Вряд ли он его выбрал сам, скорее всего, ему так посоветовали. Своеобразный социальный заказ. Но пришлось на Жириновскому как нельзя кстати. Среди настоящих интеллектуалов ему «не светит». Среди новых предпринимателей и рабочих — тоже. На кого тогда делать ставку?

В отличие от Запада у нас нет сформировавшихся классов, социальных групп с их осознанными интересами. Вот в этих-то условиях социальной маргинальности иные и не прочь опереться на экзальтированные личности, психически неуравновешенных людей, кликуш. А их в нашем обществе немало.

Для этих людей не требуется изысканная логика, система доказательств. Достаточно несколько раз повторить: «Вас обманывают» (фраза, которая у Жириновского играет роль палочки-выручалочки, заполняет паузу в случаях, когда он не знает, что сказать), и это действует безотказно.

Впрочем, лексикон Жириновского даже отдаленно не похож на словарный запас руководителя партии интеллектуалов. Вот некоторые его образчики: «ленинский этап — изнасилование», «сталинский этап — эпоха гомосексуализма», последний период хрущевского этапа — «это форменный онанизм», «брежневский этап — свальный блуд, группуха». Нынешний этап — «политико-экономическая импотенция». (Газета «Либерал», 1990, № 1.)

На кого рассчитаны эти, с позволения сказать, «метафоры»? На интеллигенцию? Не похоже. Скорее на бордель, казарму, на люмпенов.

А возьмите его прямо-таки патологическую ненависть к Ельцину и «Демократической России». Где же толерантность, терпимость, всегда свойственная либеральным демократам? Ведь если последние чем-то и отличаются от других демократов, так именно этими качествами. Либералы никогда бы не заставили Сократа выпить цикуту с ядом, как это сделала афинская демократия.

Характерно, что те, кто и на дух не выносит частной собственности, сквозь пальцы смотрят на «буржуазность» господина Жириновского и рукоплещут его призывам, нагнетающим межнациональные страсти. Диву даешься казалось, ортодоксальный коммунист Макашов должен быть самым рьяным оппонентом «либерального демократа» Жириновского. Ан нет. Они прекрасно понимают друг друга, чувствуют себя почти союзниками... Последней каплей, переполнившей мою чашу терпения, стало дружеское похлопывание меня по плечу членами московской «Памяти»: «Молодцы либерал-демократы! А мы-то думали...»

Это логично: те, кто раздувает национальную исключительность, спекулирует на агрессивных чувствах, вполне находят общий язык с Жириновским...

— Мне кажется, что ставка на темные силы всегда была характерна для диктаторов. На этом пришли к власти Гитлер и Муссолини. Они взвинтили, довели до истерии реальные проблемы, которые существовали тогда, — ущемленное национальное достоинство немцев, пауперизм и т.д. Недавно я взял в руки вышедшую в АПН книгу Д.Мельникова и Л.Черной о нацистском режиме и его фюрере. И поразился: насколько все старо под луной!

Мелким лавочникам Гитлер обещал освобождение из-под ига «судного процента» и закрытие универсальных магазинов, безработным — работу, крестьянам — аграрную реформу, рабочим — гарантированный заработок, предпринимателям — барыши с военных заказов.

Алкоголикам Жириновский обещал продавать водку по 7 рублей за бутылку, предпринимателям — снять все ограничения с частнопредпринимательской деятельности, рабочим гарантировал 60—70 процентов предприятий госсектора в экономике, малым народам и русскоязычному населению в других республиках — защиту, КПСС — ограждение от «антикоммунистической вакханалии».

Гитлер понимал, конечно, что его программу не смогла бы выполнить ни одна политическая партия в мире. Но «как раз в этом, — пишут Д.Мельников и Л.Черная, — и заключается весь фокус фашистской пропаганды». Видимо, у пропаганды этой нашлись достойные продолжатели.

Когда я слышу призывы Жириновского к советской экспансии в страны-соседи Иран, Афганистан, Турцию на том основании, что мы должны «жить сытнее», то невольно вспоминаю заклинания о «расширении жизненного пространства» для Германии, которые обернулись трагедией для миллионов людей, в том числе и немцев...

— Да, аналогии напрашиваются сами собой. Нынешние контрабандисты от политики тоже бьют по самым низменным инстинктам человека, опираются на люмпенское сознание. А сознанию этому льстит, если его берут за точку отсчета. Оно испытывает восторг, когда якобы ученый муж, обладатель двух университетских дипломов, обзывает литовцев у вильнюсской телебашни «чухонцами», которые должны быть «под Россией», кричит, что они получили сполна, и грозит так поступить с каждым, кто захочет обрести для своего народа свободу и независимость.

Провокация — излюбленный метод Жириновского и К°. Правда, в уже названном случае он не сработал — благодаря поддержке прибалтов. Но недооценивать его не стоит. Провокация часто приносит дивиденды. Уже сам факт, что Жириновский назвал «либеральной» на самом деле фашистскую тактику, — провокация. (Это равносильно тому, если бы анархист, скажем, стал проповедовать монархические идеи). Я бы ничего не имел против, если бы то, что ныне проповедует Жириновский, говорил представитель другой партии. Отметил бы только, что эта партия просто компрометирует сама себя. Но когда речь идет о либеральных демократах — тут уж извините... «Благодаря» зубатовской деятельности господина Жириновского и иже с ним оказывается скомпрометированной сама идея либеральной демократии...

Провокация, как это ни странно, может еще обеспечить и известность. Для претендентов в отечественные фюреры вовсе не важно, кто и что о них говорит. Главное — чтобы их имя было на слуху, чтобы люди свыклись с ним, постепенно

смотрели на его «чудачества» как на шалости «своего» парня, который такой же, «как ты да я», живет в двухкомнатной квартире, получает двести рублей и может переплыть реку Кубань.

С этой целью Жириновский затевает судебные процессы со всеми газетами, когда-либо посмеявшимися его «обидеть», походя оскорбляет и унижает нынешних и бывших руководителей, надеясь на плебейское сочувствие к себе тех, кому эти руководители стали костью в горле. В час «икс» взоры людей могут повернуться к таким вот любителям «простых» решений.

Я не однажды отговаривал Жириновского от участия в предвыборной кампании, предвещая ему поражение. Но он считал, что это неважно. Мол, даже если займу третье место, то увеличатся мои шансы занять президентское кресло, если вдруг с Ельциным что-то произойдет...

Мне могут сказать, что я преувеличиваю значение этой маленькой политической фигуры. Но в свое время — вы правы — и Гитлера не воспринимали всерьез. И он никогда бы не пришел к власти, если бы ему не помогли могущественные силы, которые использовали его «неистовый», ноздревско-нахрапистый темперамент, «подвешенный» язык, способность учить конъюнктуру. То есть те же качества, которыми с избытком обладает Жириновский.

Такие могущественные силы, которые не прочь использовать против демократий «темную лошадку», в нашей стране есть. Пока Жириновский им нужен. Сегодня он помог отобрать несколько процентов у демократов. А завтра, глядишь, назначат новые выборы Президента Союза. И опять всплывает фигура Жириновского... Кстати, он уже заявил, что будет выдвигать свою кандидатуру.

Александр МЕШКОВ

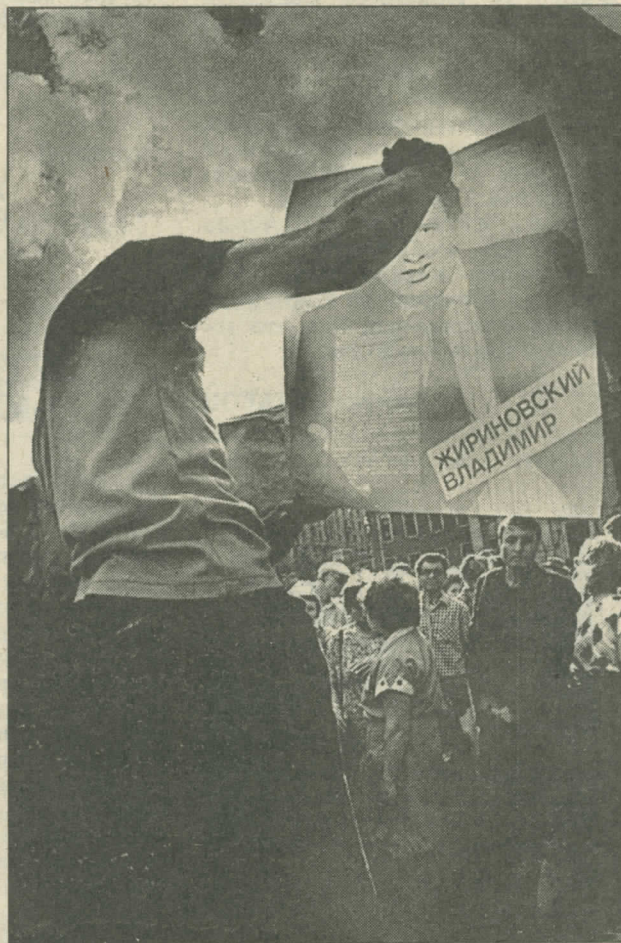

Фото Э. Кудрявицкого

Алма-Ата:

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА — МАГАЗИН

Двадцать пять лет работает и живет в одном месте — в маленьком магазине Алатауского райпищеторга города Алма-Аты грузчик Ахметжан Аюпов. За четверть века сменилось восемь заведующих, около пятидесяти продавцов, невыясненное количество напарников.

Хоромы у Аюпова небогатые: коптерка-пенал (три метра в ширину да пять в длину), деревянные нары, бетонный пол, дырявая крыша, доисторическая электроплитка, на которой хозяин готовит пищу. Десяток почетных грамот на стене: «За успехи...». Туалета и душа — нет.

Ахметжану сейчас около пятидесяти. Ни жены, ни детей, ни собственного угла. А привезли его в Казахстан из китайского Синьцзяна (там проживают и уйгуры, и казахи) родители, когда он был еще подростком. Читать и писать не умеет до сих пор. Паспорт получил в позапрошлом году совершенно случайно, когда выяснилось, что сей документ необходим для оформления какой-то бумажки.

Теперь, после того как Аюпов собрал все необходимые справки и заявления, в райисполкоме его поставили в очередь на квартиру — на общих основаниях. Так что хэппи-энда ждать еще долго...

Валерий РУДАКОВ

Нижний Новгород —
Казань:

ВЗРОСЛЫЕ ПЬЮТ ЩЕЛОЧЬ...

Работники завода «Теплообменник» решили после работы побаловаться пивком. В автозаводском универсаме как раз давали «Московское». Гражданин М. открыл бутылку, хлебнул... и вместо привычного божественного вкуса свежего пива ощутил на языке что-то непонятное и чрезвычайно жгучее. Полость рта была обожжена, начались приступы рвоты. Коллеги гражданина М. не растерялись и, доставив обожженного куда следует, отправились с бутылкой на родной завод, в лабораторию. Проведенный анализ показал, что вместо пива в бутылке находится щелочь чистойшей пробы. Не иначе как работники пивзавода решили, наконец, внести свой вклад в святое дело борьбы с пьянством и алкоголизмом.

Олег КАПИТАНОВ

... А ДЕТИ ИГРАЮТ РТУТЬЮ

В нескольких дворах по улице Комлева на детских площадках обнаружено большое количество ртутных шариков. Причем обнаружено самими детьми. Взрослые, впрочем, вовремя заметили эти опасные игрушки и отобрали их. Они же сообщили о ЧП в местную санэпидстанцию. Эпидемиологи Вахитовского района не смогли толком объяснить происхождение ртути на детских площадках. Все, что они смогли сделать, — собрать шарики и на всякий случай взять пробу воздуха. Гарантировать безопасность малышей санэпидстанция пока не может.

Елена КАПИТОНОВА

Ярославль:

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ ЗАПИСАЛСЯ В «КУЛАКИ»

Наконец-то ярославцев удостоил своим визитом небезызвестный лидер национально-патриотического фронта «Память» Дмитрий Дмитриевич Васильев (в местном просторечии — Дим Димыч).

Жаждавших посмотреть документальный фильм о «Памяти» и задать вопросы Васильеву, предварительно уплатив 2,50 за вход в зал клуба «Гигант», набралось, правда, едва ли три сотни. Но это не помешало Дим Димычу с жаром излагать свои новые концепции...

Как стало ясно из его ответов, более всего волнуют теперь душу Васильева (ставшего еще и председателем сельхозкооператива «Теремок») дела крестьянские. «Теремок», оказывается, получил возле Переславля-Залесского целых 400 гектаров земли и теперь намеревается эти земли усиленно осваивать.

Всем находившимся в зале Дим Димыч посоветовал поскорее брать землю-кормилицу в личное пользование. А на случай, если не будут давать, пообещал прислать две-три сотни молодых в официальной униформе «Памяти». Как увидят это войско бюрократы, враз испугаются и землю отдадут. На вопрос же: что, дескать, будете делать, ежели землю у «Теремка» захотят отобрать, Васильев ответил: «Пулеметные гнезда поставим, если надо».

Видно, крепко решил Дим Димыч вращать ногами в землю. Как заправский кулак. И вертится в голове кра-

мольная мыслишка: брось иные «борцы» и «деятели» свои политические игры, займись они всерьез хлебопашеством — глядишь, и надобность в политике отпала бы ввиду всеобщей и поголовной сытости населения...

Сергей КИСЕЛЕВ

Запорожье:

С НАШИМИ ГРАЖДАНАМИ ЛУЧШЕ НЕ ШУТИТЕ

У матери-проститутки родился уродливый младенец со звериными челюстями. И, не дрогнув сердцем, мать выбросила дитя на свалку. Ребенок-мутант не умер. Сначала пытался отбросами, а потом перешел к каннибализму. Очевидцы свидетельствовали, как хрустели косточки их приятелей, а пастухи из окрестных колхозов пересчитывали рожки да ножки, оставшиеся от коровьего поголовья. Происходило все это в двадцати семи километрах от города Запорожье...

Не беспокойся, читатель. Чудиче-мутант, вот уже полгода бесчинствующее по деревням и весям, — всего лишь плод фантазии молодого журналиста Владимира Сергеева из местной газеты «Миг».

До чего же все-таки легковверны наши сограждане! Газета уже несколько раз заявляла, что журналист просто пошутил, а область все еще под впечатлением...

В отделе рекламы газеты «Миг» — сотни объявлений о продаже и обмене домов в «гиблых» местах. Имеются сведения о срыве занятий в нескольких школах, о том, что детей не выпускают из дому. Возмущенные директора совхозов сообщают о неявке людей на сельскохозяйственные работы. А заключенные из ближайшей зоны наперегонки ходатайствуют о переводе в места еще более отдаленные: хоть на Колыму, лишь бы подальше от чудовища.

Кто-то даже всерьез интересовался а не мутант ли, случаем, объедает население, не он ли опустошает машины со снедью по пути в магазины?

Виктор ОЛЕНЧУК

Ростовская область: ЗАЧЕМ КАЗАКУ ОРУЖИЕ?

Как сообщил атаман Черкасского казачьего округа В.Лагутов, им достигнута договоренность с одним из кооперативов об изготовлении тысячи настоящих казацких шашек. Предполагаемая стоимость одного изделия — триста рублей. Дефицитный металл для выполнения заказа у кооператива имеется в достаточном количестве, но... Сделка не состоялась по не зависящим от кооператива обстоятельствам. Казаки не желают вооружаться.

По словам самого атамана, среди войска донского он не смог отыскать тысячи волонтеров, готовых купить холодное оружие. То ли у казаков деньги перевелись, то ли страшит давнишний приказ о разоружении незаконных военных формирований.

А ведь как красиво звучит: «Войско донское насчитывает тысячу клинков!» Намного лучше, чем просто: «... тысячу казаков»...

Сергей СИНЕОК

Брянск:

УТРОМ — ДИВАНЫ, ВЕЧЕРОМ — ДЕНЬГИ

Почти по Ильфу и Петрову развивались события в мебельном магазине № 16. Правда, фигурировали здесь не стулья, а диван-кровати производства Журовской мебельной фабрики. Дело в том, что вышеупомянутые изделия были проданы не по 554 рубля, как полагалось, а всего-навсего по 462 рубля. Как пояснила заведующая магазином, продавцы просто забыли «накинуть» 20%, которые плюсоются к стоимости всех договорных товаров.

Короче говоря, работники магазина попали в бендеровскую ситуацию: им пришлось отправиться по следам проданных диванов. В трансгентстве раздобыли адреса счастливых обладателей «льготных» диванов и сделали их чуточку менее счастливыми (на 92 рубля плюс пять процентов президентских).

Впрочем, отыскать всех пока не удалось. По четырем адресам, зна-

чимшимся у транспортников, искомая мебель и даже сведения о ней обнаружены не были. Куда «ушли» диваны — догадывайтесь сами. А «виновным» пришлось возместить ущерб из собственного кармана. Вышло по сотне рубликов на брата.

Александр СТОКЛАСКА

Тольятти:

ЕДЫ НА ВСЕХ НЕ ХВАТАЕТ

Исполком тольяттинского горсовета решил наконец покончить со всякими незаконными привилегиями. Разработан проект решения, которое предполагает, что из списков льготного обслуживания населения продовольственными товарами будут исключены ветераны КПСС (благо до них дотянуться легче, чем до рай- и горкомовских аппаратчиков), персональные пенсионеры союзного и республиканского значения. А заодно — отменять так отменять на всю катушку — от

магазинов заказов отлучили вдов, инвалидов войны и матерей-героинь.

Может, и впрямь «фонды» микроскопические, продуктов на всех не хватает? Тогда как объяснить тот факт, что городские власти включили в список «льготников» участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, лиц, награжденных медалью «За оборону Ленинграда» или знаком жителя блокадного Ленинграда? Воистину, правая рука не знает, что творит левая!

В.К.

Осколки собирал
Кирилл РЫБАК
Рисовал В.Иванов
Наш телефон: 921-52-78

— Экономисты в аудиториях и по радио поговаривают, что, поскольку в России никогда не были в почете «протестантские ценности» — трудолюбие, расчетливость, честность в деловых отношениях, уважение к собственности, мы все и оказались там, где оказались. А в подземных переходах продается «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера. И, говорят, расходится неплохо. И так, появился соцзаказ на протестантскую мораль?

— Мне бы не хотелось подчеркивать преимущества какого-то одного христианского учения. У каждого из них свои достоинства и, свои недостатки... Тут дело в ином. Россия традиционно имеет монархическое устройство, а во главе Русской православной церкви стоит патриарх. Но ведь давно замечено, что там, где церковное устройство основано

«Сегодняшней России нужен протестантизм» — эти слова сейчас можно услышать от самых разных людей. Новая идеологическая «ветрянка»? Или выражение действительной нужды? необходимости? На вопросы корреспондента «Столицы» отвечает редактор газеты «Протестант», член Совета директоров Ассоциации предпринимателей-христиан Александр СЕМЧЕНКО.

на единоначалии, народы тяготеют к диктатуре. Россия всегда была «под царем»... отсюда и поговорка — «без царя в голове», означающая, что человек не привык подчиняться кому-то одному — «главному». Что же касается протестантов... Те уже давно живут «без царя в голове» и научились жить своим умом. Они знают, что никто не решит их проблем, кроме них самих. Это обстоя-

тельство побудило их сделать внутреннее обустройство своих стран таким, чтобы каждый человек имел социальную защищенность, другие гарантии. Этим и объясняется то, что протестантские страны достигли наибольших успехов в развитии демократии и в экономической сфере.

— Что бы вы сказали тем, кто упрекает протестантов в том, что

они смотрят только в землю и на счеты, тогда как православные и католики смотрят еще и на небо? Можно сказать, что это стереотип, но не на пустом же месте он возник?

— Оставим эти упреки как упреки. Если говорить о России, то действительно остается только смотреть на небо и ждать оттуда помощи. И если говорить о современном российском устройстве, восстановлении отечественных религиозных традиций, то здесь надо сказать, что православие в России уже было. И оно отметило свое тысячелетие. Но то, что мы в конце этого тысячелетия видим... это печальная картина. Мне не хотелось бы сказать, что православие плохо как вероучение: оно замечательно. Но то, как оно проводилось в жизнь конкретными людьми в предреволюционный период, и привело к социальному взрыву. Это редкость, когда народ отвергает своих священников и религию как таковую вообще. Такое не случается в одночасье: значит, что-то этому предшествовало. Главная ошибка церковных иерархов заключалась в том, что они занимались государственными вопросами, а вмешательство церкви в государственные дела ни к чему хорошему не приводит.

— Борьба протестантских церквей и православной церкви «за сферы влияния», похоже, уже началась? Чувствуете ли вы себя «конкурентоспособными»? Что нового протестантизм может принести на русскую почву?

— Православие здесь «дома», и сказать, что оно исчезнет и останется протестантизм, было бы глупостью. Православие было здесь тысячу лет и еще, наверное, останется на тысячу лет, и мы желаем православной церкви процветания... Но сегодняшней России нужен протестантизм. Он дает человеку новую мотивацию для работы и, в первую очередь, несет самостоятельность мышления.

Устройство протестантских церквей очень демократично: у нас нет деления на мир и клир. Священник — выборный. Конечно, и этот принцип несовершенен и есть масса проблем: каждый хочет выбрать того проповедника, который ему нравится, протестантские церкви чаще делятся, возникает много разных толков и учений. В протестант-

ской церкви каждый сам себе священник: не понравился людям пастор — они собрались вдвоем-втроем и организовали новую церковь. Но тем не менее этот принцип церковного устройства и ведет к демократии.

В нашей стране яркий пример экономического процветания показали немецкие колонисты-протестанты, приехавшие в Россию в XVIII веке. Они организовали свои коммуны и достигли больших успехов в хозяйствовании; по их примеру после революции начали организовывать коммуны и русские протестанты. Но дальнейший ход истории помешал распространению таких коммун.

— Тем не менее число протестантских сект после революции постоянно увеличивалось, что, по официальной точке зрения, связано с «оживлением мелкобуржуазной идеологии» во времена нэпа, а также с «бездуховностью и нравственной эрозией» периода застоя. Как все это время складывались отношения протестантских церквей с государством?

— Неофициально протестантские церкви рассматривались как самостоятельные политические партии. Это объясняется отчасти тем, что наши церкви, в отличие от традиционных церковных структур, организованы как «общества». Поэтому протестантские церкви и рассматривали как партиячки, а их центр — как центральный аппарат этих ячеек, способный повести куда-нибудь людей, объединившихся по признаку общности убеждений. И, конечно, государство хотело в первую очередь разрушить такие организованные структуры: оно боялось, что в таких ячейках — которые, объединившись, создали чуть ли не особые «народцы» — зародится что-то антигосударственное.

— Макс Вебер сравнивал американские протестантские общины с клубами; в отечественном варианте общины — партиячки?

— На Западе общины, может быть, ближе к клубу; мы же люди политизированные не только в последнее время. Отсюда и слова: «партия», «идеология» — мы других слов не знаем. Если бы у нас в России были клубы, то, наверное, и мы нашли бы сравнение с гольф-клубом, с теннисным клубом...

— В газете «Протестант» была

опубликована статья об Ассоциации предпринимателей-христиан. Что представляет эта организация и какие цели она ставит перед собой?

— Членами ассоциации являются 140 действующих предприятий-кооперативов, колхозов, совхозов, возглавляемых христианами. Ассоциация, и издательство в том числе, старается помогать предпринимателям, входящим в ассоциацию.

— Вы — им?

— Да, мы помогаем им безвозмездно и без процентов. Мы учредили банк — христианский банк «Надежда» — и будем давать ссуды организациям, нуждающимся в помощи. Мы помогаем нашим предприятиям завязать международные контакты, ищем партнеров, и успешно: уже есть совместные предприятия.

Принадлежность к протестантской общине является в данном случае гарантией добросовестности и честности предпринимателя. К примеру, два человека встретились в церкви, и оказалось, что оба они — начинающие предприниматели. У них есть полное основание продолжить разговор за чашечкой кофе и найти что-то общее, помочь друг другу. Так возникает клуб деловых людей, который взял начало в церкви. И каждый из членов этого клуба может быть уверен в том, что партнер не обманет его, потому что он дорожит своей репутацией в церкви. Больше причин доверять единомышленнику, чем человеку со стороны.

Все это в конце концов служит экономическому развитию общества, а в этом и есть успех протестантизма.

— Сколько сейчас протестантов в нашей стране и откуда вы ждете пополнения?

— Сейчас в России около миллиона протестантов. Численность протестантов растет, строятся, открываются новые церкви, наши братья и сестры, живущие за рубежом, оказывают нам помощь...

Мы обращаемся, в первую очередь, к молодежи. Люди старшего поколения, конечно, будут придерживаться традиций. А молодежь пойдет к нам.

Интервью взяла
Елена БЕРДНИКОВА

Фото Г.Бодрова

НАЛИЧНЫЕ ДЕНЬГИ — ЭТО БЫВАЕТ И НЕВЫГОДНО

На диком Западе в прошлом веке объектом нападений со стороны бандитов были дилижансы. В сегодняшней моторизованной Италии преступники взяли на мушку многочисленные фургоны, колесящие по стране с ценным грузом: деньги, золото и ценности все чаще улетучиваются в результате ограблений, нередко сопровождающихся кровопролитием. Дело в том, что в Италии в обращении находится много наличных денег, так как итальянцы все еще тяготеют к оплате наличными и очень неохотно прибегают к альтернативным способам платежей, например кредитным карточкам. Поэтому и возникает необходимость в транспортировке денег, чем и пользуются бандиты, которые с начала этого года провели уже немало налетов на почтовые фургоны, унеся с собой добычу на многие миллиарды лир.

«Фамилья Кристиана», Италия

«АХ, МОЙ МИЛЫЙ АВГУСТИН!»

Создание музыкальных шкатулок всегда было делом — вернее, искусством — весьма тонким. Одна из наиболее старых и, пожалуй, немногих фабрик по производству музыкальных шкатулок находится в Швейцарии, в местечке Сан-Круа. Но все же слово «фабрика» не вполне уместно здесь, так как труд в основном ручной и требует большой точности. Сейчас здесь изготавливается около 300 самых разнообразных моделей, многие из которых являются точными копиями знаменитых шкатулок XIX века. На отсутствие покупателей никто не жалуется, несмотря на довольно высокую цену. Американские и японские коллекционеры готовы выложить круглую сумму за шкатулку, сделанную в Сан-Круа.

«Донна модерна», Италия

Дайджест зарубежной прессы

СЛИШКОМ ПРЕКРАСНЫЕ ДЛЯ ВИНА

На вопрос, где хранятся самые выдающиеся образцы серебряной утвари и ювелирных изделий эпохи королевы Елизаветы I и династии Тюдоров, хочется ответить: конечно, в Таузере или — на худой конец — в британских кафедральных соборах. Ничего подобного — в Москве! Оружейной палате Кремля принадлежит богатейшее в мире музейное собрание художественного серебра, в том числе два сосуда для вина в виде огромных барсов, которые, по мнению эксперта лондонской фирмы «Сотби» Джона Калма, не имеют себе равных в мире. «Попытка оценить их так же бессмысленна, как и попытка оценить Букингемский дворец», — утверждает он.

Недавно Кремль представил 21 экспонат из коллекции английского художественного серебра на выставке в залах «Сотби» на Бонд-стрит.

Серебро сохранилось прекрасно; по словам Калма, «когда видишь, в каком оно потрясающем состоянии, невольно приходишь в волнение».

Большинство серебряных изделий, привезенных в Россию, носили чисто декоративный характер: они слишком массивны для применения в быту.

Газета «ЭХО», Израиль

НАРКОМАНЫ РАЗОЧАРОВАЛИСЬ

В Соединенных Штатах наблюдается заметное сокращение потребления наркотических веществ: если в 1985 году 23 миллиона американцев употребляли наркотики, то сейчас — 13 миллионов. Об этом заявил Боб Мартинес, министр, ведающий вопросами борьбы с наркомагией, который напомнил, однако, что США остаются крупнейшим мировым рынком наркотиков, где ежегодно совершаются сделки на 50 миллиардов долларов.

Особенно значительно сократилось число нерегулярных потребителей марихуаны и кокаина: активизация общественного мнения и ужесточение законодательных мер отбили охоту у многих любителей этого зелья употреблять его время от времени для «снятия напряжения». Например, как явствует из ежегодного опроса, проводимого Мичиганским университетом, процент вузовских студентов, которые нюхали кокаин по меньшей мере один раз за последний месяц, снизился с 6,7 процента в 1985 году до всего лишь 2,8 в 1989 году; что касается марихуаны, то здесь процент употреблявших ее упал с 25,7 процента в 1985 году до 16,7 в 1989 году.

«Република», Италия

МУЖЧИНАМ — РАННЮЮ ПЕНСИЮ

Учеными установлено, что женщины дольше сохраняют умственные способности, чем мужчины. Клетки левого полушария головного мозга мужчины отмирают в три раза быстрее, чем у женщины. В «ведении» этих клеток находится речь человека, здравый смысл и чувство радости.

Профессор Рабин Гур из университета штата Пенсильвания высказывает мнение, что именно по этой причине с годами мужчины начинают брызжать гораздо больше женщин. Он также считает, что мужчины должны уходить на пенсию раньше женщин.

«САН», Великобритания

«ИЗМЕННИК РОДИНЫ»

ПЕЧЕТСЯ О ЕЕ БЛАГЕ

Статью, которую читатель найдет на следующих страницах «Столицы», прислал в редакцию Анатолий Павлович Федосеев — имя, мало знакомое большинству читателей. Однако те, кто имел отношение к электронной промышленности, помнят, какой скандал разразился 20 лет назад, когда в мае 1971 года один из крупнейших разработчиков электронной военной техники А.Федосеев исчез из парижского отеля «Карлтон», где он проживал в одном номере с присматривавшим за ним генералом КГБ.

В Париж Федосеев приехал на авиационную выставку, выпустили его под личную ответственность тогдашнего министра электронной промышленности А.Шокина. Справедливости ради заметим, что КГБ был против каких-либо поездок ученого в капиталистические страны: несмотря на звание Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, множество высших орденов, званий и должностей, несмотря даже на то, что провел два года в США накануне войны, а затем участвовал в демонтаже германского оборудования на занятой нашими войсками территории, доверия ему компетентные органы не оказывали. Может быть, настораживало, что он так и не удостоился вступить в партию, или осведомители доносили о его скрытном характере, любви к странным путешествиям по стране, вместо того чтобы ехать в полагающийся по рангу закрытый санаторий. Так или иначе, накануне поездки в Париж его «вынули» из двух делегаций на международные конгрессы, которые, если говорить всерьез, были ему необходимы чисто с профессиональной точки зрения.

После его побега пошли слухи, что это обойдется нашему государству во многие миллионы рублей на переоборудование советских локаторных станций, так как все частоты и коды, на которых они работали, были Федосееву известны. Однако ни по публикациям западной прессы, ни по достаточно искренним книгам самого Федосеева не следовало, что он действительно передал какие-то наши секреты. Сколько-нибудь существенно не пострадал и всесильный министр Шокин, что также свидетельствовало о порядочности ученого. Впрочем, в те времена не был наказан и Андрей Громыко за то, что его прямой ставленник Аркадий Шевченко оказался, ни много ни мало, агентом ЦРУ. Притом, что он был и членом КПСС, и, судя по всему, уважаемым человеком во всех компетентных органах.

Оказавшись в Англии, предоставившей ему политическое убежище, Федосеев, как сказано в аннотации к его книге «Западня», «продолжает свою научную деятельность». Эта книга вышла первым изданием в 1976 году, в ней ученый со всей строгостью системщика высокого уровня доказал: «Никакое усовершенствование социализма принципиально не может привести к жизни, приемлемой для человека. Социализм есть система государственного планирования, а совершенствование планирования вполне логически и приводит к тому, что мы переживаем в СССР, включая и террор, и насилие». Интересно, что прогноз вероятного хода событий, данный Федосеевым в этой книге, совпадает с реальностью наших дней практически на 100 процентов! И эти предсказания сделаны

15 лет назад, за 10 лет до начала «перестройки», в самый разгар «застоя».

В последующих работах Федосеев пытается найти конструктивные схемы перехода страны от плановой к рыночной экономике. Задолго до сегодняшних проектов приватизации государственной собственности, когда о них никто не помышлял, он предложил раздать каждому гражданину СССР по 30—40 тысяч рублей (именно такой суммой исчислялись, по его мнению, основные фонды страны в расчете на одного взрослого трудящегося). Это должно было бы создать равные стартовые условия для большинства, а уж как каждый распорядится ими — это его личное дело.

Судя по статье, которую он прислал нам, автор рассчитывает все-таки, что большинство пожелает стать предпринимателями. Идея выдачи каждому его части «богатства страны» (это могут быть не обязательно наличные деньги, а скажем, облигации на данную сумму, которые также могут приниматься как ценные бумаги при покупке недвижимости) получила широкое хождение, ее, в частности, пропагандируют известные экономисты Б.Пинскер и Л.Пияшева. Впрочем, с той поры, как она была высказана Федосеевым, указанная им сумма заметно изменилась в своей покупательной способности...

Конечно, далеко не все бесспорно в суждениях бывшего советского гражданина, которому не дают покоя наши проблемы. Кстати, если вы обратите внимание, он их также называет «нашими», значит, они ему по-настоящему близки. Мне, например, сомнительным кажется утверждение, что у нас легко можно избежать и роста налогов, и роста заработной платы в случае тотальной приватизации. И то и другое — пока экономика и благосостояние трудящихся не достигнут определенного минимального по человеческим понятиям уровня — скорее всего будет расти. Государству без налогов не обеспечить решения экологических проблем и поддержки тех, кто займется перевооружением отечественной промышленности, населению же без более высоких доходов просто не распрямиться: чтобы труд был, как призывает Федосеев, высокопроизводительным, необходимо во время работы думать о деле, а не о том, как купить для своих детей одежду и фрукты.

Только что Анатолию Федосееву исполнился 81 год. И, судя по присланной статье, он еще вовсю трудится, его так же, как Солженицына, волнует вопрос: как нам обустроить Россию? В отличие от великого писателя с него еще не снят ярлык «изменника», думаю, что это несправедливо. Ведь предатель вряд ли будет с такой страстью и искренностью говорить о будущем своей Родины. И хотя обратный адрес ученого скрыт за безличным боксом в одном из почтовых отделений Лондона, сам факт его раскрытия (он просит прислать ему по этому адресу журнал с его статьей) — свидетельство известного мужества. Хотелось бы, чтобы лучшие надежды «изменника» и патриота Федосеева оправдались при его жизни.

Владислав ЯНКУЛИН

Анатолий ФЕДОСЕЕВ

РЫНОК — НЕ РЫНОК.

И ЧТО НАМ С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?

Советское население в ужасе от так называемых «признаков рынка». В виде цен, взлетающих в небеса. В виде надвигающейся безработицы. В ужасе от обесценения рубля и своих сбережений, от «рыночных» реформ, влекущих за собой нищету и страдания. Оно уже готово броситься в объятия «социалистического выбора», лишь бы избавиться от «шокового лечения» и неизвестного чудовища, которое называется рынком.

За время «гласности и перестройки» ни в одной доступной мне газете или журнале я не нашел достаточно точного описания того, что такое рынок. Я постараюсь заполнить этот пробел. Начнем с того, что все указанные выше «признаки рынка» ими не являются. Спекуляция означает, что рынка нет. Существование «теневой» экономики означает, что рынка нет. «Черный рынок» означает, что рынка нет. Всеобщий дефицит потребительских товаров и услуг означает, что рынка нет. Государственная собственность на тяжелую и оборонную промышленность означает, что рынка нет. Рост нищеты означает, что рынка нет. Бушевание страстей национализма и сепаратизма означает, что рынка нет. Даже чрезмерная гражданская преступность означает, что рынка нет, а есть все тот же социализм, сковывающий население по рукам и ногам. Вот и приходится многим вполне нормальным, но активным людям нарушать тюремные законы и правила социализма. «Шоковая терапия» не ведет к рынку. Горбачевские реформы тоже не ведут к рынку. Все, что сейчас можно наблюдать в стране, есть лишь конвульсии системы господства государственной собственности, конвульсии «социалистического выбора».

Представьте себе, что производительность труда всех трудящихся СССР (миллионов ученых, инженеров, рабочих, крестьян, ремесленников, врачей, учителей, актеров, режиссеров, художников, торговцев и т.д., и т.п.) чудом резко увеличилась, т.е. они стали производить много больше продовольствия, товаров и услуг широкого потребления и много лучше предохранять их от порчи и распыления. Ясно, что полки всех магазинов наполнятся и всеобщий дефицит исчезнет. Иначе говоря, пустые полки, колоссальные очереди, всеобщий дефицит есть прямой результат чрезвычайно низкой и падающей производительности Советского государства. Задача выхода из социалистической катастрофы в том, чтобы резко поднять производительность.

Резкий подъем производительности резко сократит «теневую» экономику и «черный рынок». Обесценение рубля и сбережений населения резко замедлится, так как и рубль, и сбережения будут обеспечены товарами и услугами; спекуляция резко сократится и отойдет на задний план. Для ликвидации всех устрашающих «признаков рынка» нужны еще некоторые обязательные условия.

Во-первых, высокая производительность должна сопровождаться высокой же конкуренцией производителей. Их должно быть много миллионов, чтобы покупатель мог придирчиво выбирать у них товар или услугу, наиболее приемлемые по цене, сорту и качеству. (Заметьте, что только в этом случае производитель будет оплачен потребителем в точности по количеству и качеству его труда. Осуществится впервые неосуществимый при социализме знаменитый лозунг «каждому по его труду».) Жестокая конкуренция между производителями за потребителя заставит производителей стараться изо всех сил, изобретая множество способов, понижать цены на свою продукцию и повышать ее ассортимент и качество. Во-вторых, воздействие покупателя на производителя должно быть непосредственным — не через Госплан. Производители, плохо удовлетворяющие потребителя, должны либо улучшить свою работу, либо разориться. Такой процесс отбора только наилучших производителей есть единственно возможный путь к высокому уровню жизни населения и к процветанию страны.

Однако осуществление такого рынка возможно только в том случае, когда производителей — миллионы и миллионы частных предпринимателей, экономически и финансово зависимых только от свободного, конкурентного рынка, иначе говоря, управляемых самим населением. Рынок есть наиболее производительная и целесообразная система производства и распределения, известная людям многие тысячи лет. К сожалению, вместо того чтобы отработать и усовершенствовать систему рынка, кое-где вообразили, что разум и наука могут заменить автоматику конкурентного рынка государственным планом. Увлечлись идеей, отвергли весь многотысячелетний опыт постепенного и преемственного развития и сами устроили себе катастрофу социализма.

Почему государственная собственность на тяжелую промышленность означает, что рынка нет? Дело в том, что невозможно производить товары и услуги для населения без продукции тяжелой промышленности — сырья, топлива, электроэнергии, строительных и других материалов, транспортных средств, машин, инструментов, химикалий, пластмасс и т.д., и т.п. Тяжелая промышленность есть ключ ко всему народному хозяйству. Если она останется в руках государства, все хозяйство страны будет по-прежнему регулироваться бюрократически и бездарно разумом государственных чиновников. Ясно, что вся тяжелая промышленность должна быть передана в полную собственность тех трудящихся, которые являются сейчас ее работниками. Государство, которое своим бездарным управлением довело нас до катастрофы, должно быть лишено всякого права вмешиваться в дела коллективов трудящихся.

Кроме тяжелой промышленности есть еще и оборонная про-

А. Федосеев

мышленность. Она тоже должна быть на таких же условиях передана в полную собственность тех, кто в ней работает. Оборонная промышленность представляет собой столь огромный кусок народного хозяйства, что, будучи оставленной в руках государства, она, как гиря, привязанная к ногам, не даст всем остальным отраслям перейти на регулирование конкурентным рынком и выйти из катастрофы. Если, как везде на Западе, оборонная промышленность будет также приватизирована, рынок станет возможным. Государство будет заказывать и покупать все, что нужно для обороны, у вышеуказанных коллективов трудящихся, причем только в том случае, когда их продукция будет приемлема по цене и иметь должное качество. Военная тайна должна охраняться законом.

Когда все народное хозяйство будет приватизировано и будет осуществлен переход к рынку, спрашивается, почему рынок исключит инфляцию и безработицу, почему население будет иметь высокую «социальную защищенность»? Дело в том, что советское население имеет некоторые системные преимущества перед западным. На Западе существует и застойная инфляция, и застойная капиталистическая безработица. На Западе у многих и многих неуверенность в завтрашнем дне. Все объясняется тем, что на Западе рынок в действительности не является свободным. Он регулируется чиновниками государства, банками, корпоративными гигантами и монополиями. Если быть точным, на Западе рынка и его высококонкурентной автоматика нет. Капитализм Западе определяется господством коллективной (миллионов акционеров) собственности корпораций. (Заметьте, что западные экономисты называют все негосударственные корпорации частными, т.е. частной собственностью. Это портит их экономические теории и запутывает советского человека, который думает, что капитализм есть господство частной собственности, когда в действительности он — господство коллективной собственности корпораций.) Коллективная и государственная собственность родственны. Поэтому корпоративное производство, хотя много эффективнее государственного, оставляет желать лучшего. Если бы не остатки частного предпринимательства, дела на Западе были бы не так уж много лучше наших.

Капитализм есть экономический строй, управляемый с помощью капитала, т.е. денег. Инфляция расстраивает весь механизм управления государством с помощью денег. Инфляция поэтому является главной опасностью для капитализма. На Западе борются с инфляцией, придушивая экономику высокими процентами за кредит и создавая тем увеличенную безработицу, чтобы уменьшить аппетиты трудящихся к высоким зарплатам. Не оправданный ростом продуктивности в стране рост совокупности зарплат — одна из причин инфляции. (Другая

причина — неоправданный рост совокупности всех налогов.) Многомиллионная безработица (в Англии больше 2 миллионов, в США около 7) и создает у людей неуверенность в завтрашнем дне и много других несчастий. «Шоковая терапия» с помощью большой безработицы и есть способ борьбы с инфляцией, рекомендуемый нам Западом. Если наше рыночное народное хозяйство будет господством частных собственников-предпринимателей, а не корпораций, не возникнет необходимости бороться с инфляцией, придушивая намеренно экономику и создавая тем самым безработицу. Предприниматель в условиях высококонкурентного рынка всегда находится в опасности разориться. Поэтому он будет повышать зарплаты своих работников только в соответствии с ростом производительности труда. Больше продукции — больше зарплата, таким образом, рост цен исключается. Иначе говоря, подлинно частный предприниматель — надежный барьер против инфляции. Это значит, что «шоковая терапия», настойчиво рекомендуемая Западом, нам не нужна. (Для Запада «шоковая терапия» есть необходимость, так как частное предпринимательство на Западе не играет большой роли в сдерживании инфляции: господствует коллективная собственность корпораций. Безудержный рост налогов на Западе, в свою очередь, также увеличивает инфляцию.) Поскольку душить экономику, чтобы создать лекарство против инфляции — безработицу, нам будет не нужно, число частных предпринимателей сможет вырасти настолько, чтобы исключить безработицу. Любопытно, что до капитализма и до корпоративного господства на Западе инфляции тоже практически не было. Например, в Англии суммарная инфляция за период в 1149 лет — от 760 года до 1909 года — была в 49 раз меньше, чем суммарная инфляция всего за 80 лет — от 1909 года до настоящего времени.

Почему корпорации неизбежно создают инфляцию? Потому, что управляют корпорациями не собственники, а наемные трудящиеся (менеджеры). Наемный трудящийся, управляющий чужой (акционеров) собственностью корпорации, мало отличается от наемного трудящегося, управляющего чужой государственной собственностью в СССР. Оба лично эгоистически заинтересованы получать побольше зарплаты и иметь поменьше работы. Это есть нормальная в тысячелетиях психология наемного работника. Эта психология была известна и обрисована около двух тысяч лет назад в Евангелии: «Наемник, а не пастырь, тот, кому овцы не свои, видит, как волк приходит, и оставляет овец и бежит (и волк их похищает и разгоняет), потому что он наемник и нет ему дела до овец». (Евангелие от Иоанна 10, 11—12).

Против эгоизма наемного работника действует всегда только более слабый мотив долга, если нет более мощного противодействия эгоизму наемника со стороны такого же эгоизма частного предпринимателя. Поэтому менеджеры корпораций ставят рекорды своей зарплате, назначая ее себе сами. Лет 10 назад рекорд был 2 миллиона долларов в год. Два года назад — уже 34 миллиона, а год тому назад — 54 миллиона. (Смотрите, например, журнал «International Business Week».) Менеджерам корпораций и их приближенным инфляция не страшна. Они ее опережают и создают. Частный собственник-предприниматель, управляющий своими собственными имуществом и деньгами, не назначит ни себе, ни своим приближенным таких огромных зарплат. Это его разорит.

Чтобы управлять народным хозяйством с помощью капитала (денег), нужно концентрировать деньги в руках правителей (банков) и нужно иметь максимум долгов у населения и у народного хозяйства. Если бы население и экономика имели свои деньги в достатке, управлять ими с помощью денег было бы невозможно. Поэтому капитализм и характеризуется колоссальными долгами. По оценке журнала «World Press Review» от 10.1990, суммарный (государства, корпораций и частных граждан) долг США своим и иностранным банкам достиг 10 тысяч миллиардов долларов, т.е. 40 тысяч долларов на душу населения.

Автоматическое рыночное управление ведет к процветающей и сбалансированной по расходам и доходам экономике. Такая экономика даст возможность кормить государство без дефицита в бюджете, резко уменьшит необходимость населения влезать в большие долги. Частный же предприниматель

тоже не будет склонен к большим долгам. Они могут его разорить.

Внимательный наблюдатель может обнаружить и на Западе безошибочные признаки эволюции капитализма к новой формации именно такого рынка, о котором шла речь выше. Эта эволюция вызывается постепенным снижением прибылей корпораций из-за пониженной экономической эффективности их коллективной собственности. Эта эволюция питается также постепенным осознанием разрушительной роли государственного регулирования экономики разумом государственных чиновников. Дерегуляция находится на повестке дня.

Любопытно, что зависимость блага трудящихся (производителей) от удовлетворения ими нужд населения (покупателей) приводит к осознанию ими и всеми остальными тесной связи своего личного блага с благом всего государства и даже с благом для природы, сохранения ее ресурсов. Люди начинают лучше понимать свое место в обществе, в природе и Вселенной. Они становятся гораздо более нравственными, понимающими, что их эгоизм должен включать в себя не только свое благо, но благо и ближних, и благо природы, в которой мы все живем. Настоящее рыночное, конкурентное хозяйство есть школа нравственности. Не вложив свой труд на благо других людей, не получишь блага и себе. Прочтите снова заповеди религии — и вы убедитесь, что они хорошо сформулировали правила процветания общества: «трудись в поте лица», «не лги», «не воруй», «возлюби ближнего» и т.д. Конкуренция рыночного хозяйства воспитывает именно в таких правилах население много не обманешь — разорит, перестав покупать. Внимательный исследователь может найти этому подтверждение в истории человечества: конкурентное рыночное хозяйство всегда было мощным фактором в развитии человечества, заставляя эгоизм каждого служить всем, а не только себе.

Чтобы осуществить переход к рынку, нужно в ходе всеобщей приватизации во что бы то ни стало создать миллионы и миллионы собственников — предпринимателей и фермеров. Это позволит не снижать, как при «шоковой терапии», а повышать производство, не допуская безработицы: миллионы предпринимателей в принципе могут с лихвой поглотить всю рабочую силу, освобождающуюся в результате приватизации. Для этого нужно отменить все социалистические законы, ограничивающие свободу торговли, свободу частной собственности и частного предпринимательства в любых областях человеческой деятельности, с наемной рабочей силой и без. Нужно отменить все прямые налоги на фермеров и предпринимателей, заменив их только налогами на товары и услуги. Нужно обеспечить дешевым кредитом начинающих фермеров и предпринимателей. Все это, конечно, увеличит и дефицит бюджетов республик, и инфляцию, но на это необходимо пой-

ти, чтобы обеспечить возможность 280-миллионному населению вытащить себя из катастрофы и создать себе своим трудом процветание. (Чтобы не допустить дальнейшего обнищания беднейшей части населения, необходимо обеспечить только ей, а не уже зажиточным индексацию зарплат, пособий, пенсий.)

Когда экономика заработает усилиями миллионов предпринимателей и всего населения, дефициты бюджетов будут ликвидированы сами собой, рубль станет полноценной валютой и можно будет легко заменить инфляционные бумажки на новые, полновесные рубли. Эта стратегия временного залезания в дефициты, долги и инфляцию для обеспечения массового дешевого кредита предпринимательства не представляет собой ничего нового. Так поднимались Япония и Германия из руин второй мировой войны, осуществляя экономическое чудо. Так поднимались из военных потрясений и Англия, и Франция, и многие другие страны. Суть стратегии в том, чтобы запустить «на всю катушку» огромные запасы труда, талантов и способностей всего населения. Только оно, если обретет свободу и поощрение, а не государственные чиновники или вожди, способно совершить экономическое чудо своим трудом и талантами.

Бушевание страстей национализма и сепаратизма есть естественная, накопившаяся за 70 лет реакция на насилие над душами людей. Вот теперь каждый и хочет объявить даже свой угол в коммунальной квартире суверенной национальной республикой. Появления свободы предпринимательства и конкурентного рынка будет достаточно, чтобы все суверенные республики начали искать между собой торговые, экономические связи и дружбу, забыв о национализме и сепаратизме. Свобода — самое превосходное лекарство против разгула национализма и сепаратизма.

Итак, рынок есть народнохозяйственная система господства миллионов и миллионов собственников-предпринимателей, действующих в условиях свободного (не регулируемого государством, гигантами и монополиями) высококонкурентного рынка. Такая хозяйственная система обеспечит вовлечение в индивидуальную, творческую и созидательную деятельность всего населения, а также максимальное использование всех индивидуальных талантов и способностей каждого гражданина. Это, в свою очередь, даст наивысшую производительность труда и наивысший уровень жизни, наивысший уровень «социальной защищенности» без необходимости выпрашивать ее, как милость, у государства. Рынок обеспечит также наивысшую возможную нравственность населения, т.е. понимание людьми, что нельзя обеспечить благо себе, если не побеспокоиться о благе для всех и для природы, глубоко осознав свое место во Вселенной.

Еще не поздно выписать

«СТОЛИЦУ»

на IV квартал 1991 года.

Наш индекс: 73746.

Стоимость подписки на 3 месяца 12 р. 35 к.

Это значительно дешевле, чем
покупать журнал в розницу.

Подписка принимается во всех отделениях
связи страны. О случаях отказа в подписке
просим сообщать в редакцию.

Костенецкий
и сыновья

«КОСТЕНЕЦКИЙ И СЫН»

Брокерская фирма

*Профессиональное и честное
представление
ваших интересов
на любых
рынках*

Телефон Телефакс
271-25-10

Фоторепортаж Э. Кудрявицкого

ПОЧЕМУ ЭТА ПОМОЩЬ НЕСКОРАЯ

В катастрофах гибнут люди. И всегда выясняется, что любую катастрофу можно было бы предотвратить.

Вот если московская «Скорая помощь» в течение хотя бы получаса не будет выезжать на вызовы, почти четыреста человек окажутся в критическом положении. В основ-

ном люди, пострадавшие в результате несчастного случая, инфаркта, нарушения мозгового кровообращения... Вот тогда случится самая настоящая катастрофа, с невинными жертвами и, возможно, паникой. И такое — или почти такое — рано или поздно может произойти. Только эту катастрофу никто предотвра-

щать не собирается.

«Скорую помощь» принято ругать за нескорость. Ее запаздывание стало традицией, и некоторые вызывающие нарочно дурным голосом кричат в трубку: дескать, кто-то умирает, надеясь, что из-за этого происшествия красок машина придет быстрее. Но недаром нас с детства

учат оказывать первую медицинскую помощь, делать прямой массаж сердца и искусственное дыхание. А тем, кто не знает таких полезных вещей, следует исправить ошибку, поскольку от суммы, тюрьмы и «Скорой помощи» не зарекаются, а опаздывать она будет и впредь — причем все чаще по не зависящим от нее причинам. Если раньше не хватало врачей и автомобилей, то те-

перь не хватает еще и водителей: каждый день из-за этого простаивает по сто машин. Объяснение очень простое: водителям мало платят. Поэтому хорошие водители бегут с этой нервной и низкооплачиваемой работы в — назовем это объединяющим словом — кооперативы: туда, где платят полторы тысячи, а работать надо по четыре часа через день. А чтобы, будучи водителем

«Скорой», получать хотя бы 500 рублей и иметь возможность на эти деньги иногда кушать мясо, надо брать почти две ставки. При этом сами знаете, какие у нас дороги и «замечательные» гаишники. Ночью в Москве исчезают правила движения, и машины «Скорой» давно уже на улицах никто не пропускает — даже днем.

И водители уходят, и, возможно,

их мучает совесть. Но этим делу не поможешь. А руководство автокомбината «Скорой» вынуждено принимать на работу тех, кого раньше к машине с красным крестом подпускали лишь в качестве пострадавшего: водителей третьего класса и чуть ли не с любительскими правами. Которые, вместо того чтобы в целости и сохранности доездить до больницы человека и при этом не особо его растрясать, сплошь и рядом попадают в аварии, калеча врачей, себя и машины.

О тяжелой судьбе врача «Скорой помощи» знают, кажется, уже все. Получают мало (повышенная в марте зарплата выглядела более-менее прилично лишь до второго апреля), отдохнуть между вызовами нигде, гастрит — профессиональная болезнь, постоянно приходится ез-

дить на вызовы к хроническим больным и делать то, что не сделали врачи из поликлиники...

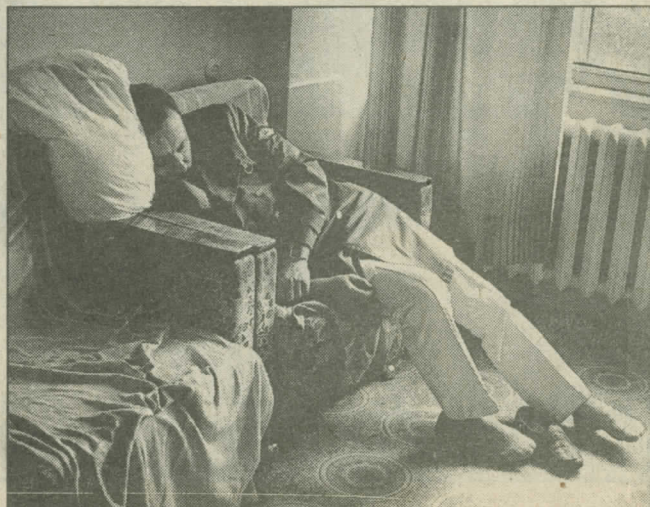
Одно слово в защиту «управленцев»: у врачей набегает так называемые колесные проценты — за то, что они какое-то количество лет выезжали на вызовы. Но если врач выбился в общественные работники или стал, скажем, главврачом подстанции, он тут же теряет свой «колесный» стаж — даже если вскоре снова начинает ездить на вызовы.

Работать на «Скорой» лучше всего тому, у кого вместо нервов каналы. В подстанции бесконечным потоком идут жалобы на медперсонал: не то сказали, не так укололи, что-то украли. Никого не волнует, что большинство жалоб — от склерозных старух с богатым воображением. Начинаются «разборки»,

унизительные объяснения, которые отнимают все душевные силы.

Каждому врачу или фельдшеру в пору писать философский роман: столько они видят за одно дежурство социальных контрастов — от нищей интеллигентнейшей учительницы прямо к сияющим вершинам «коммунизма». Причем на вершинах врача вполне могут оскорбить, ударить, а тот ничем не вправе ответить — или ответить тем же, но при отсутствии свидетелей, чтобы потом не выгнали с работы. На врачей нападают с оружием и отнимают у них лекарства с содержанием наркотиков. Врачи ничем и никем не защищены.

Почему же они работают на «Скорой»? Как ни странно — потому что считают себя ответственными за жизни людей. Это энтузиасты и про-

сто честные люди, которых бессовестно использует государство, ничего взамен их безумной работы не давая — ни денег, ни льгот, ни жилья. Жилья для работников «Скорой» нет и не будет, а кооперативные квартиры ни подстанции, ни врачи купить не в состоянии. О маленькой зарплате доктору твердят с института в патетическом тоне, противопоставляя этому недостатку профессии счастье борьбы с недугами. Как будто нормальная зарплата исключает честность и добросовестность при оказании первой помощи.

И я было совсем уже посчитала врачей «Скорой» пасынками советской медицины, но С.Головешко из отдела развития социальной сферы города и бытовых услуг населению исполкома Моссовета сообщил мне,

что они очень даже неплохо устроены. «Московские хирурги, — сказал Сергей Николаевич, — живут в среднем всего пятьдесят два года. А врачи «Скорой» — больше».

Запомните этот адрес: Ясенево, улица Голубинская, дом 2. Здесь находится единственная в Москве подстанция № 38, которая отвечает всем требованиям. Из 45 только 12 подстанций в Москве были построены для своих прямых целей. Остальные располагаются в квартирах жилого дома, бывших конюшнях, гаражах, прачечных — очень часто без отопления, санузла и элементарных удобств.

По типу показательной тридцать восьмой начали было строить пять подстанций — в Кунцево, Строгино, Железнодорожном и Люблинском районах, но при нынешнем руко-

водстве Моссовета бросили, так и не достроив. Возводить медицинские учреждения невыгодно. В Октябрьском районе рухнула древняя конюшня, в которой располагалась подстанция. Нового здания, естественно, не построили.

Администрация «Скорой» имеет полное моральное право остановить медицинские бригады только там, где есть подходящие условия, но никогда этого не сделает: почему из-за чиновничьей упертости и порочного круга «город—район», когда непонятно, кто кому подчиняется, должны страдать люди.

Будут ли изменения? Будут, сказали в горисполкоме — с изменением структуры управления городом. С оптимизмом сказали.

Елена АБЕРИНА

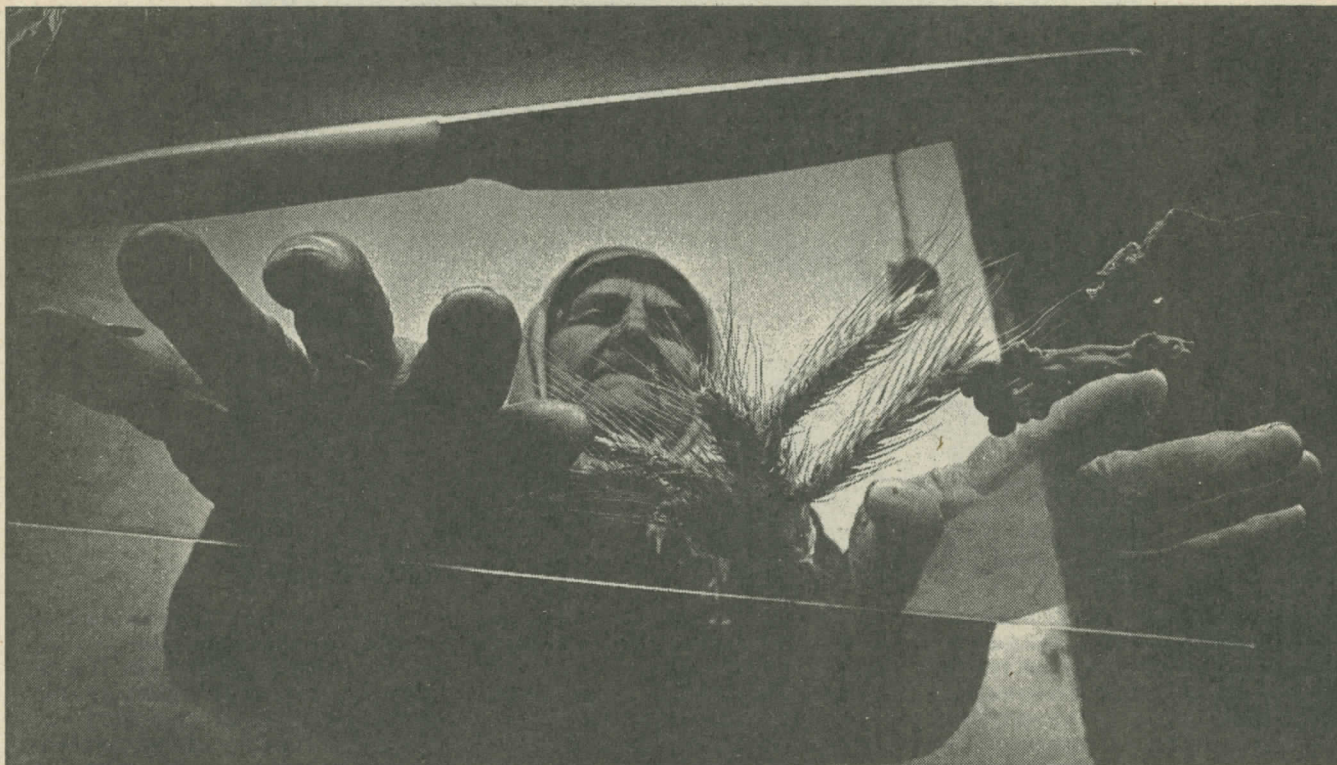

Фото О. Литвинова

ДВА НАЧИНАЮЩИХ И ОДИН МАСТИТЫЙ КОЛДУН

откликнулись на призыв МВД России ко всем прорицателям, экстрасенсам, ясновидящим, колдунам, гадалкам и т.д. помочь в розыске без вести пропавших людей, опубликованный в N 1 «Столицы» за этот год. Тогда же небезызвестный разоблачитель черных и белых магов Юрий Горный пообещал каждому, кто продемонстрирует истинные чудеса человеческой проницательности, 50 тысяч чистыми (без налога).

Скромное число соискателей на фоне великого разнообразия имен, заполонивших телевидение, прессу и уличные афиши, на фоне целых кооперативов, все работники которых накоротке с нечистой силой, на фоне массовой истерии по поводу

провидения и исцеления наводит на грустные мысли. Одна мысль (кстати, неплохо сформулированная в Уголовном кодексе) проступает особенно рельефно. Кому нужен чистый эксперимент, даже и за 50 тысяч, если есть возможность получить гораздо больше вне зависимости от результата? А удачные попадания случаются в любом деле.

Теперь о соискателях.

Двое мужчин — один молодой, другой постарше — пришли, чтобы проверить свои способности и потренироваться. Дескать, ощущают в себе нечто, хотели бы попробовать. Но на околонучные исследования у милиции сил нет. Задача ставилась иначе: можешь реально помочь в розыске — помоги.

Позвонил знаменитый ясновидец Сафонов, интересовался результатами. Тут как раз представился случай испытать его в деле. Сафонов не отказался. А дело было такое.

В Новосибирске объявился странный человек. Сам пришел в милицию и заявил, что не знает, кто он и откуда родом. Мол, потерял память. В экономике разбирается, с компьютером знаком, английским владеет прилично, а имя свое забыл. Феномен.

Стали его врачи крутить-вертеть, ничего не нашли. Поселили в гостиницу за казенный счет до выясне-

ния личности, собирались уже выдать новый паспорт.

Посмотрел Сафонов на фотографию и вынес свой вердикт, правда, весьма расплывчатый, но все же: травма левой части головы, поэтому потеря памяти возможна. Еще повреждены или отсутствуют зубы слева, остеохондроз, неприятности с мочеполовой системой.

А оперативник возьми да и позвони по соседнему телефону в Новосибирск: посмотрите, мол, зубы и вообще медицинское заключение. Оказалось, зубы целехоньки и даже не болят, прошлых травм не наблюдается, все системы в порядке, короче, здоров как бык.

Тут и матушка незнакомца объявилась, узнала сына на фотографии в газете. И дружки, точнее, подельники, узнали. Сколько-то он им задолжал, а чтобы избежать суровой разборки, придумал сверхоригинальный способ — отсидеться под крылом в милиции и выйти «на свободу» с чистым паспортом.

Между тем в министерство продолжают идти жалобы: «Обращалась к экстрасенсу. Он мне сказал точно... Почему же милиция не может найти?»

Господа экстрасенсы. Пожалуйста, поаккуратнее. Все-таки работаете с людьми.

Елена САЛИНА

Письма мистера «Х»

После публикаций нескольких писем Мистера «Х» в журнале, анонимок в редакционной почте значительно прибавилось. Прибавилось и смелости у их авторов: многие письма с фамилиями, но без адреса или с адресом, но без фамилии. Кажется, еще чуть-чуть, и Мистер «Х» снимет маску.

Но в самых ругательных письмах соблюдены все правила анонимности. Мутный поток ругательств раздваивается: один направлен в адрес редакции (это хорошо, значит, живы, бьем и попадаем в цель), другой обрушивается на коммунистов (и это радует еще больше).

«Если бы вы думали иногда о своей участи, то вы никогда не стали бы касаться в своей дерьмопрессе Вооруженных Сил, МВД, КГБ. Ведь еще неизвестно, что будет завтра, кто будет завтра стоять у руля. Сила оружия — главный и последний аргумент политики», — предупреждает доблестный рыцарь с Лубянки. И заканчивает так: «Места на Магадане всем хватит».

Нашей магаданской каторге позавидовали бы коммунисты, которых Мистер «Х» предлагает просто «пустить в расход». Он считает, что лучше всего с этим справится полковник Алкснис. «Нам нужен именно такой руководитель сейчас». В другом письме предлагается даже эпитафия главному коммунисту страны, Горбачеву: «При переходе от слов к делу утонул в потоке обещаний».

А вот письмо рядового коммуниста из Подольска: «Надрело, выхожу из партии, презирая ее руководство, и особенно Полозкова. Опять декларативные призывы, опять социалистический выбор, опять защита интересов трудящихся. Ну сколько можно? Отличительная черта КПСС — безответственность. Никакого угрызения совести у теперешних руководителей партии за страшные ошибки прошлого! Поэтому и повторение пройденного. Поэтому и пухленькие мужички, являясь членами Кабинета

Рыжкова, теперь, став во главе Правительства страны начали не с анализа ошибок, а с критики Правительства России». Заканчивается послание несколько неожиданно:

«Я — Союз,
я своих провожаю питомцев,
молдован, латышей.
Заживете не хуже японцев,
лишь лапшу отряхнувши с ушей!

С уважением! Представляться не буду — сын еще не кончил институт».

Вся политическая жизнь страны за прошедшие пять месяцев отражена в анонимных письмах, иногда

самым причудливым образом. Например, вот так:

«Демократы, тише. Тише!
По Вселенной — звон:
Юбилей у деда Миши —
Жданный пенсион!»

Очень много тревожных писем:

«Я хочу рассказать вам о первых признаках нарастающей реакции в нашем институте. После выступления Б.Н.Ельцина 19 февраля по стране прокатилась волна поддержки этого выступления. У нас в НИИ приборостроения тоже собирали подписи две активистки. Недавно выяснилось, что их уволили. И еще: те коммунисты, которые наконец поняли всю преступность политики партии, не могут из нее выйти, т.к. этого не допустит наш генеральный директор Л.И.Гусев».

«Друзья! На днях получен приказ в Саваслейском гарнизоне Московского ПВО: голосовать только за Рыжкова. Военные — это рабы. Мы — бессильны! Защитите Россию и Ельцина.

Кулебакский р-н, Нижегородская обл.»

Не только политика интересует Мистера «Х». Он сообщает, что Ю.В.Андропов писал интересные стихи. Просит зайти в магазин «Ветеран», что на Рождественском бульваре, который снабжает сотрудников КГБ и партактив Дзержинского района, а ветераны, оказывается, здесь совершенно ни при чем. Советует заняться Управлением Союзспортлото, по назначению ли идут их огромные прибыли. Спрашивает: «Будут ли наши дети жить лучше, чем мы?»

И вот такое письмо:

«У меня отец погиб в 1941 г. в ополчении под Ельней. Сама коренная москвичка, труженица тыла, ветеран труда, работающая пенсионерка, 67 лет. И всю жизнь живу в коммуналке, сейчас в комнатке 10,5 кв.м».

И нечего добавять...

Рис. К.Рыбалко

Миссис «Х».

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

О РОЛИ ГРАДУСНИКА В ИСТОРИИ

В 1815 году, согласно легенде, насморк помешал Бонапарту выиграть сражение при Ватерлоо. Чуть более ста лет спустя Лев Давидович Троцкий, перенеся заурядную простуду... потерял реальную политическую власть.

Добротные легенды напоминают специи, умело добавленные к историческому блюду. Но рассказы о Троцком содержат явный переизбыток перца и соли...

Современники были убеждены, что только Ленин и Троцкий обладают умом, энергией и престижем, достаточным для победы в революции и гражданской войне. Портреты обоих вождей соседствовали в кабинетах и на демонстрациях. Отмечая незаурядное мужество Троцкого, восторженные романтики называли его великим организатором, вождем и даже отцом Красной Армии. Люди приходили в экстаз у подножия трибун, с которых этот «идол красногвардейцев» и «демон революции» провозглашал зажигательные речи. «С Троцким — умереть в бою, выпустив последнюю пулю, в упоении не чувствуя ран, с Троцким — святой пафос борьбы, слова и жесты, напоминающие лучшие страницы Великой французской революции», — писала Лариса Рейснер.

Личность необычайной яркости и бесспорной одаренности, он довольно легко вербовал себе нестойких друзей, но еще быстрее создавал преданных врагов, растивших свой страх и ненависть к нему еще со времен гражданской войны. Участь его была фактически predetermined, когда так называемая «тройка» (Сталин, Зиновьев, Каменев) получила в свои руки власть и поставила целью устранение опасного конкурента — Троцкого — с политической арены.

Сначала пошли в ход слухи о его бонапартизме и якобы возглавляемой им особой военной партии. Одновременно нажали на экономические рычаги, беспощадно урезав финансирование военных расходов. Правда, сразу же после отстранения Троцкого от руководства армией военное ведомство получило крупные дополнительные ассигнования и значительно повысило жалованье командному составу...

Не ясно, когда именно «тройка» сочла полезным для своих комбинаций впервые разыграть медицинскую карту. Можно лишь проследить, как она воспользовалась для этого непреднамеренными, по-видимому, услугами доктора Ф.А.Гетье, лечившего семью Ленина и руководившего до революции Солдатенковской (ныне Боткинской) больницей, а в 20-е годы — закрытым санаторием в Химках.

В начале января 1924 года Троцкий жестоко простудился. Гетье, его постоянный врач и, по мнению Троцкого, «друг дома», тут же уложил его в свой санаторий, где лечил диетой и сном на открытой веранде. Через месяц Н.А.Семашко проговорился, что у наркомвоенмора ожидали развития пневмонии. Оказалось, продолжал нарком здравоохранения, что «у него на редкость здоровые легкие, крепости которых удивились врачи, и поэтому болезнь на них не перекинулась. Но она, обойдя легкие, проникла в бронхиальную железу, находящуюся между ними, благодаря чему начался катаральный процесс желез». Несмотря на уникальное своеобразие и примитивизм подобного изложения клинической картины, можно сделать заключение, что Троцкий перенес острый бронхит. В современных условиях больницы лист таким больным продлевают обычно не более месяца, хотя выздоровление от острого бронхита при отсутствии пневмонии наступает нередко через 2—3 недели. Гетье же посчитал состояние своего пациента настолько тяжелым, что настоятельно рекомендовал продолжить лечение в Сухуми. И за 2 дня до смерти Ленина Троцкий (по сообщению Д.З.Мануильского) проехал через Харьков. Таким образом, из Москвы он должен был выехать не позднее 18 января.

В тихом лесу всего в 30 километрах от центра столицы Троцкий благополучно проспал пленум ЦК РКП(б) 14—15 января, осудивший его «линию» о легализации в партии фракций и группировок, и XIII конференцию РКП(б), открывшуюся 16 января. С нападками Сталина, прозвучавшими 17 января, познакомился уже в поезде. Приветствие XI съезда Советов РСФСР, начавшегося 19 января и сразу пославшего пожелания скорейшего выздоровления Ленину, Троцкому и Бухарину, благосклонно принял в спальном вагоне. И лишь на тифлисском перроне получил телеграмму о кончине вожда.

Через 15 лет он попробовал заново осмыслить происшедшее в очерке «Иосиф Сталин. Опыт характеристики»: «Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухуми, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застигла ме-

ня в пути. Согласно широко распространенной версии, я потерял власть по той причине, что не присутствовал на похоронах Ленина. Вряд ли можно принимать это объяснение всерьез. Но самый факт моего отсутствия на траурном чувствовании произвел на многих друзей тяжелое впечатление. В письме старшего сына, которому в то время шел 18-й год, звучала нота юношеского отчаяния: надо было во что бы то ни стало приехать! Таковы были и мои собственные намерения, несмотря на тяжелое болезненное состояние. Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе. Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку: «Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?» Ответ прибыл из Москвы примерно через час: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть во-время. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. Сталин». Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санаториума, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье».

Разбирая сталинские маневры после смерти Ленина, Троцкий выпустил из внимания одну существенную деталь — дату своего временного отстранения от участия в последующих событиях. По свидетельству близких и врачей, самочувствие Ленина оставалось стабильным на протяжении последних месяцев; намечалась даже тенденция к улучшению состояния. К новогодним праздникам Зиновьев сделал радостное заявление: «Третьего дня тов. Ленин был на охоте, пробыл там 3 1/2 часа, вчера второй раз выехал на охоту». Предвестником катастрофы О.Ферстер назвал ухудшение зрения, возникшее у Ленина 19 января, — на следующий день после отъезда Троцкого. Если отбросить возможность случайного совпадения этих дат, то, чтобы отправить своего политического соперника с такой филигранной точностью на расстояние в 3 суток железнодорожного пути, Сталину нужно было обладать необыкновенной интуицией. В связи с этим закономерен вопрос: не корректировал ли Сталин рекомендации Гетье относительно лечения Троцкого на Черноморском побережье, может, даже не посвящая доктора в свои планы?

По словам Мануильского, наркомвоенмор не вернулся в Москву из-за телеграммы, присланной сопровождавшим его врачом. Неизвестный доктор утверждал, что столь продолжительная поездка может очень тяжело отразиться на здоровье Троцкого, у которого имеется «общее истощение организма и упадок деятельности сердца, туберкулез бронхов и недомогание в области желудка». Существование этой телеграммы сомнительно хотя бы потому, что спутник заболевшего наркома не мог отослать ее по прямому проводу без предварительного запроса из Москвы и незаметно для Троцкого в течение того часа, пока последний обменивался шифрограммами со Сталиным. Опытный практический врач Гетье просто не мог составить такой в лучшем случае фельдшерский диагноз; вряд ли он вообще отлучался из Москвы (или, вернее, Подмосковья), поскольку его подпись стояла под официальным бюллетенем о смерти Ленина. Вероятнее всего, триумvirат ссылался на общепризнанный авторитет Гетье, по-своему цитируя его явно преувеличенные опасения относительно здоровья Троцкого и объясняя окружающим недопустимость потери двух основных вождей сразу.

Троцкий охотно подчинился партийной дисциплине и отправился дремать дальше на веранде сухумского санатория. Провести его на самом деле было не очень трудно. К своему здоровью демон революции относился с почитительной бережливостью, болел часто и вкусно, всякий раз героически сопротивляясь недугам, а наставления популярных докторов воспринимал с полной серьезностью. Какими-либо воспалительными заболеваниями и в то время, и в последующие годы он не страдал. Под «таинственной инфекцией», преследовавшей его многие годы, скрывалась скорее всего неинфекционная лихорадка — чисто психосоматический феномен, нередко наблюдаемый у лиц крайне впечатлительных и эмоционально неустойчивых. Не случайно Ж.Садуль в своих «Записках о большевистской революции» заметил, что «люди, подобные Троцкому, обладают страшной силой самовнушения». Функциональные нарушения терморегуляции (термоневроз, по терминологии того времени) Гетье расценивал как признак туберкулеза, практически внушая своему пациенту стремление к всемерной заботе о собственном организме.

Свою власть Троцкий потерял воз-

се не оттого, что отсутствовал на похоронах Ленина. Он сам беззаботно выронил ее из рук, внимая советам лечащего врача, сумевшего продержать его в своеобразной изоляции почти до середины апреля. За это время «тройка» успела заменить в руководстве РККА многих верных Троцкому людей на своих выдвиженцев. К моменту своего возвращения в Москву 17 апреля Троцкий уже утратил по существу влияние в армии. Ему оставалось лишь согласиться с новыми кадровыми перестановками.

Со своим лечащим врачом Троцкий расстался в 1926 году, когда Гетье вернулся в Боткинскую больницу заведовать терапевтическим отделением в корпусе, которому присвоили его имя. Через 2 года их пути разошлись окончательно: Троцкого выслали в Среднюю Азию, а его личному врачу и «другу дома» вручили орден Трудового Красного Знамени. В разгар борьбы с троцкизмом Гетье был причислен к лику врачей, имеющих «особые заслуги перед партией и правительством». К тому времени таинственная болезнь опального вождя окончилась, а в тактику борьбы за власть вошел прием, который можно назвать сегодня «феномен термометра».

Рис. А. Шахгел'dяна

CHANGING REALITY

By Leah Bendavid-Val

RECENT SOVIET PHOTOGRAPHY

Игорь Мухин. Серия «Город»

Пока все, что мы делаем совместно, выглядит довольно убого. Прежде всего, разумеется, как процесс. Но и результат тоже, прямо скажем... Однако бывают и исключения. Что обнадеживает.

Сегодня в рубрике «Фотовернисаж» мы представляем итог совместной деятельности фоторедактора Национального Географического общества США Ли

Бендавид-Вал и советских мастеров — представителей отечественного фотоандерграунда. Альбом «Меняющаяся реальность», подготовленный Ли Бендавид-Вал в Союзе, отпечатанный в Японии и представленный в означенный срок на выставке этих самых фотомастеров в США, — вещь, в общем, уникальная. Потому что в этом совместном произведении все было иначе. И в смысле процесса. И в результате.

Живая реальность Ли

*Михаил Насберг.
Женщина на улице*

За автором альбома не стояла никакая мощная организация, от него не ждал здесь никто миллионов долларов, сам он их не имел и получить в результате своей рискованной акции не рассчитывал. В сущности, Бендавид-Вал работала в Советском Союзе на свой страх и риск, проворачивала огромную организационную работу, просматривала тысячи фоторабот и сумела подготовить свой фотоальбом в срок и с весьма благосклонной оценкой прессы, потому что просто хотела и привыкла хорошо делать дело. И это было удивительно для тех, кто встречался с Ли, потому что именно представители творческих профессий убедились на своем опыте, что оттуда люди приезжают всякие. Могут набрать работ и ничего не сделать. Могут выпустить альбом и авторам не запла-

тить. С «Меняющейся реальностью» было все иначе. Люди, работавшие для альбома, чувствовали себя людьми.

Едва ли можно сказать, что с выходом в США этого альбома американцы открыли для себя какую-то другую Россию. Хотя бы в фотографии. Потому что едва ли можно утверждать, что они ее вообще знали. В том числе и в фотографии. Процесс постижения друг друга идет, и эта работа — только ступень. Работы отбирались конкретные — в альбоме почти полностью отсутствует «салон». В то же время ценилось мастерство фотохудожника, свой взгляд на людей и жизнь. Подобный подход знакомству американского зрителя с фотоандерграундом России явно не помешал.

Владимир Семин. Пульс жизни

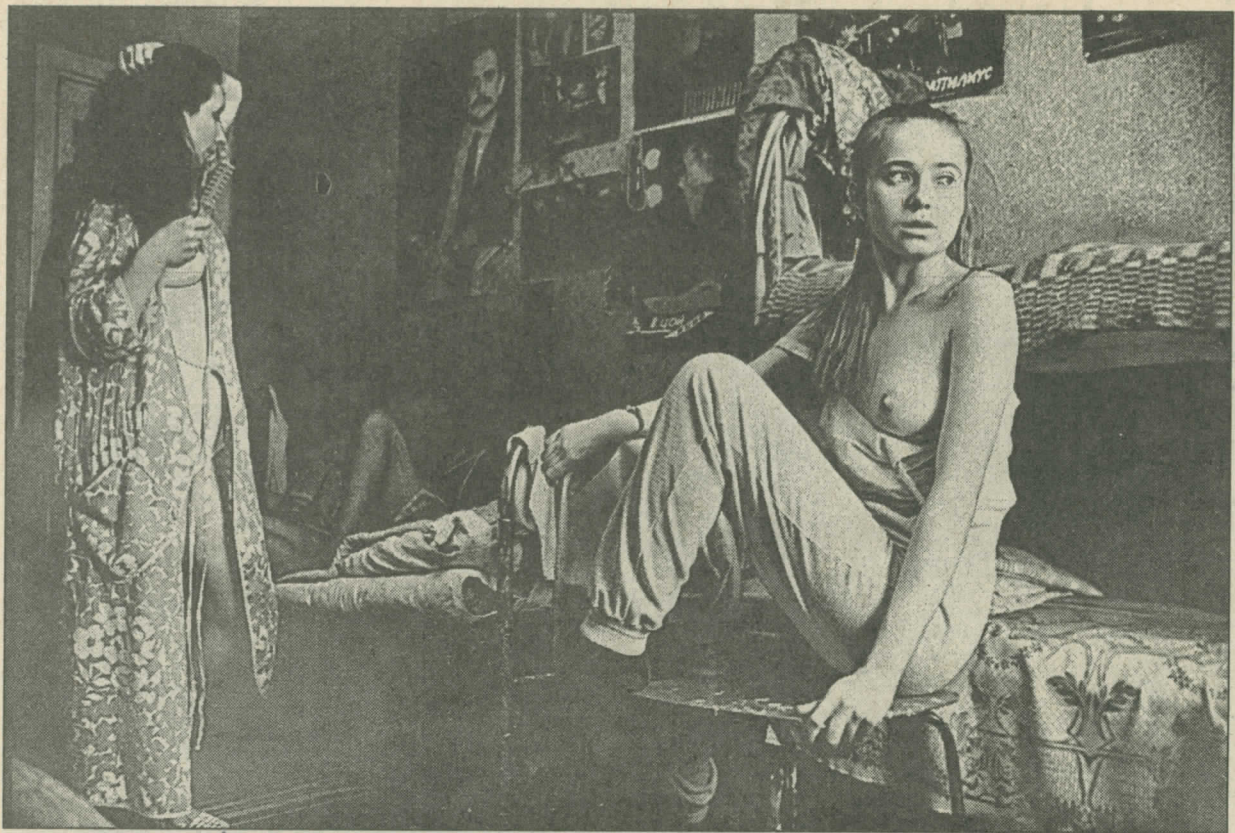
Геннадий Бодров. Новое время

Виктор Шуров. Без названия

Ну а мы, узнавая работы наших отечественных мастеров, многие из которых, между прочим, постоянные авторы еженедельника «Столица», что откроем для себя?

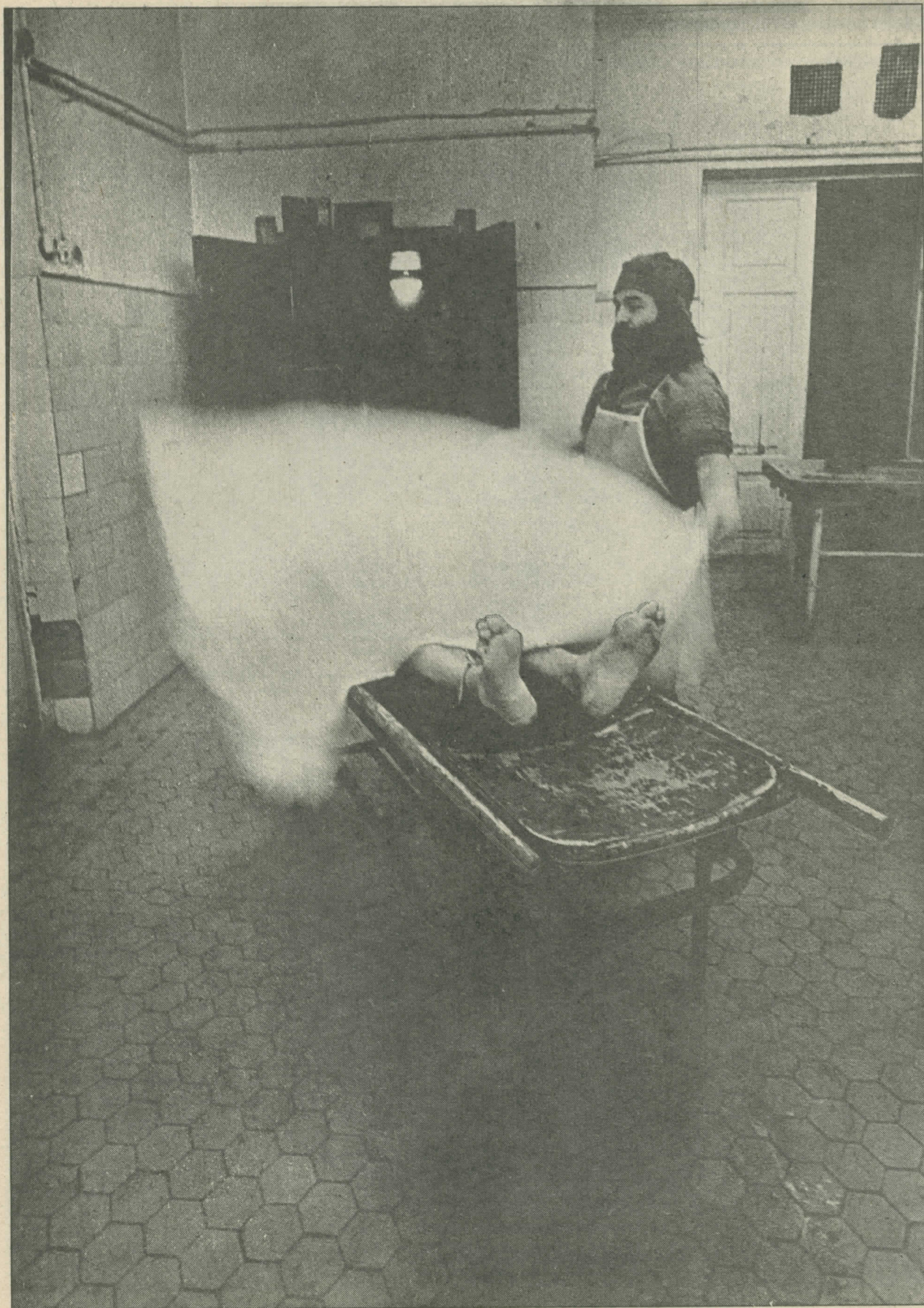

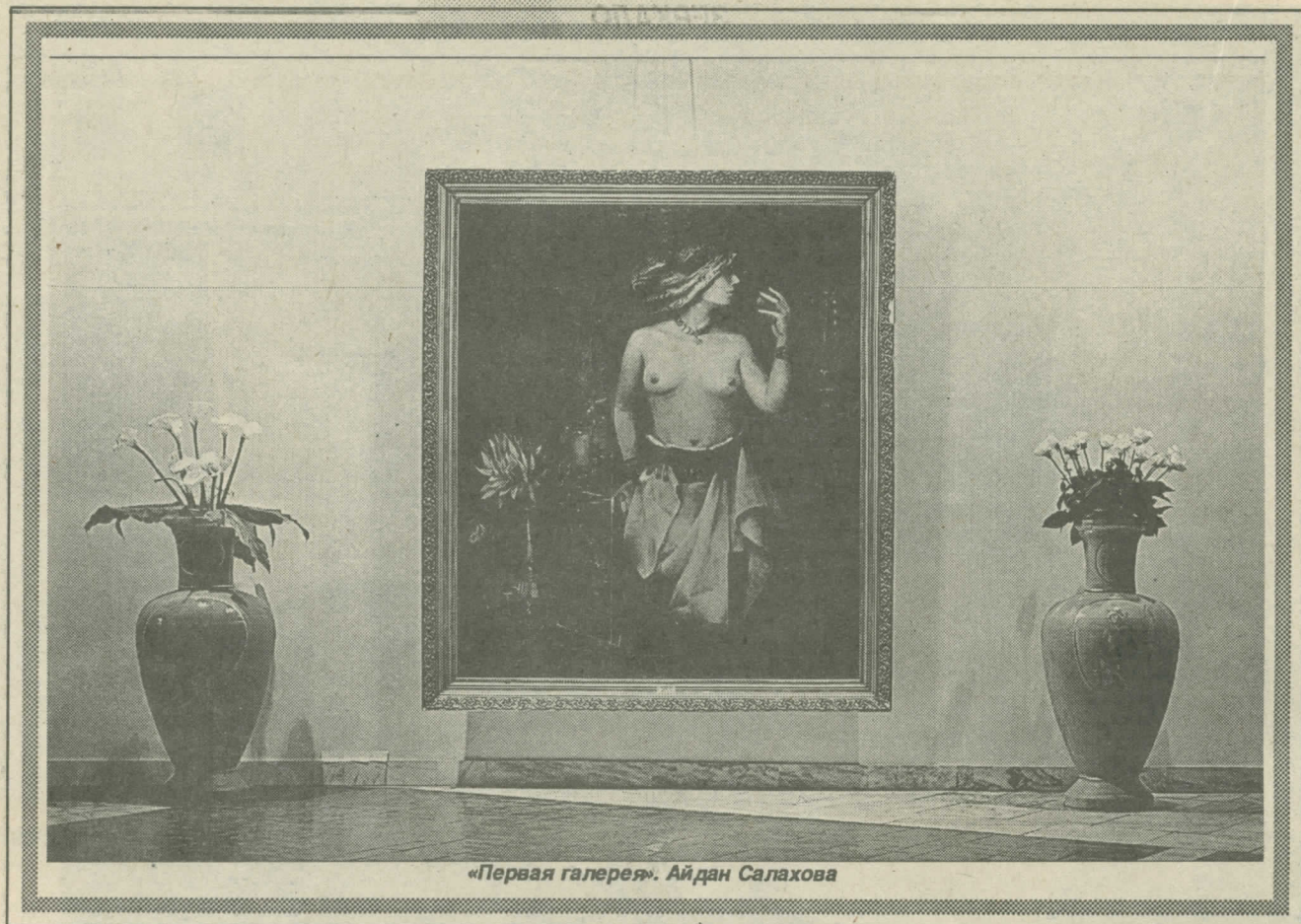
Фарид Губаев. Общежитие

Юрий Рыбчинский. Ветер

Игорь Гаврилов. Морг

«Первая галерея». Айдан Салахова

ВЕСЕННИЕ ИГРЫ В БИСЕР

Рубеж апреля и мая был ознаменован чередой прелестных выставок. Все — персональные. В выставочном зале на Тверской, 25, под эгидой «Domipus'a» были показаны картины Сергея Шутова; «Первая галерея» представляла Айдан Салахову; «Приватные занятия» Галереи 01 открылись в зале на Солянке (последняя выставка, хотя и включала нескольких художников, может быть отнесена к ряду персональных, ибо выглядела личным высказыванием ее организаторов — Екатерины Деготь и Владимира Левашова). Проведенные в разных местах разными галереями, все три, тем не менее, воспринимались единым циклом, тремя сериями «Рабыни Изаурь».

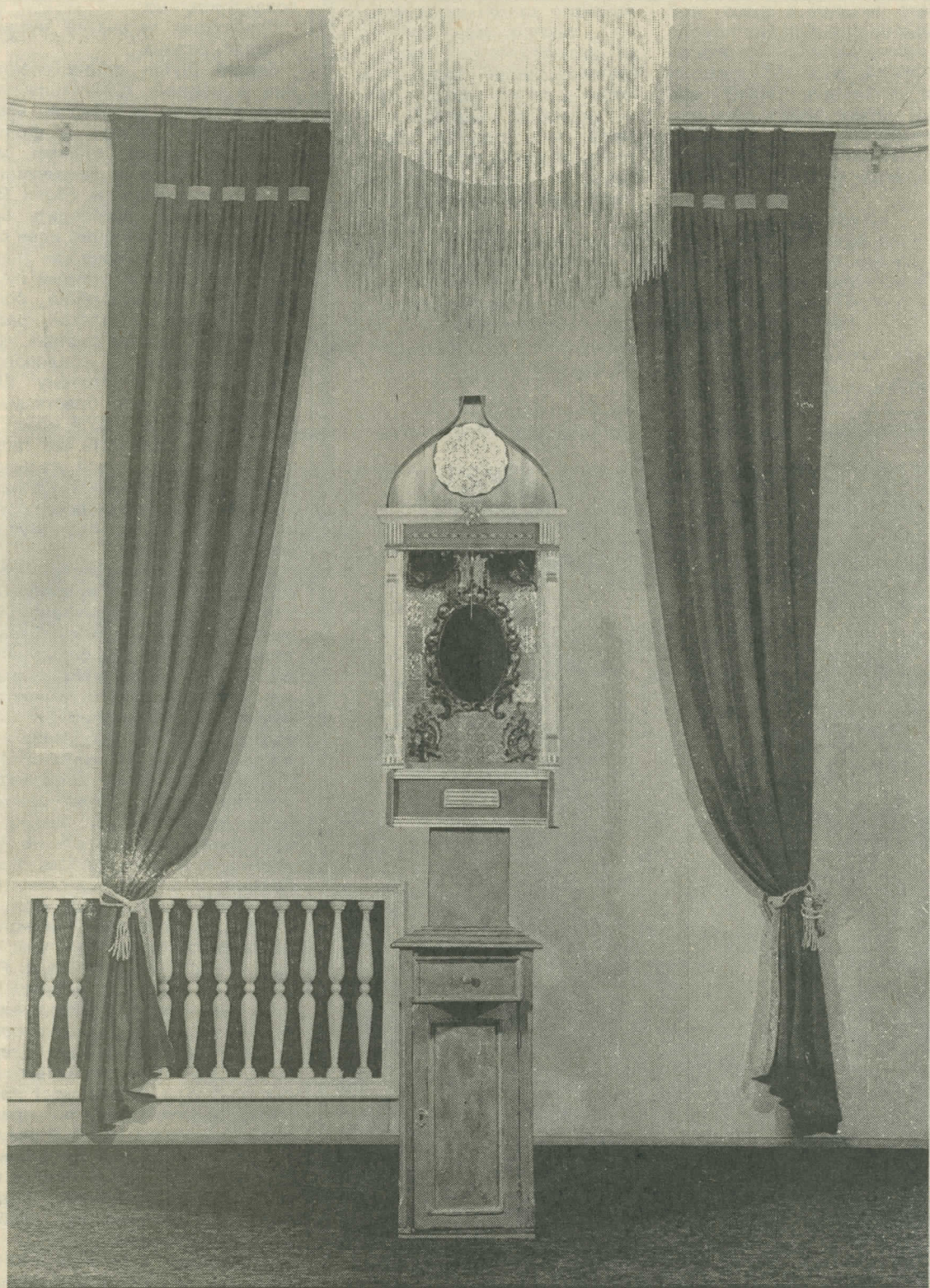
Вроде бы от московских «понт-

вых» выставок последних лет они мало отличались: заумный концептуализм, структурирование идеи в образ и вечная рефлексия — все, как прежде. Иная — тональность.

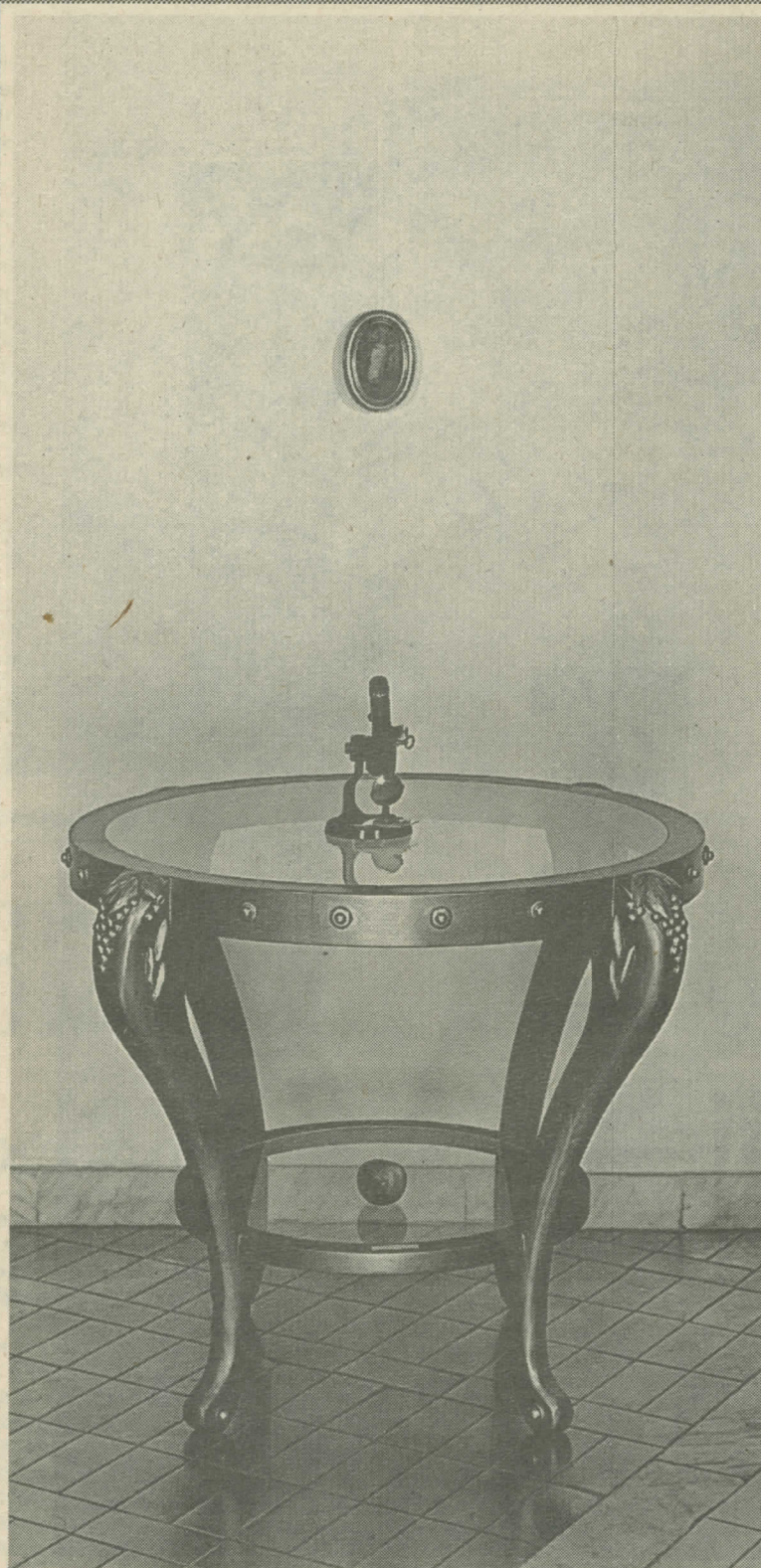
Лев Шестов как-то заметил, что на смену какофонии приходит мелодичность, а в мелодии струнные преобладают над духовыми. Сейчас в поисках параллелей из прошлого обращаются не к балаганной наглости «Бубнового валета», но к элегической печали «Голубой розы». Красота понимается теперь буквально. Если недавно для выставок были обязательны грязь, мусор, чердачно-подвальные интерьеры, то теперь возобладали изыск и изящество, пусть игрушечные, декорационные, «из бижутерии», но достаточно демонстративные. Вектор

«вечного возвращения» повернулся от убогости катакомб первых христиан к пышности и вычурности барочных церквей.

Очарование этих выставок — в наивности повторения вопроса: «Что есть красота?» Сейчас модно по поводу и без бряцать зацелованной фразой Достоевского, что красота мир спасет. В действительности же категория красоты не имеет никакого значения: ведь красота не только неопределяема практически, но и мало свойственна нашей жизни. Красота, доступная абсолютному большинству, — это музей, прошлое. И выставки, о которых идет речь, претендовали на роль музея слепков с прежде «живой» красоты. Они стали для нее изящной рамой,

«Приватные занятия». Константин Звездочетов

«Первая галерея». Айдан Салахова

и мотив обрамления был акцентирован буквально.

При общей установке музея получились разные.

Сергей Шутов сублимировал явные и неявные представления советской эпохи о роскоши, красоте и богатстве, начиная с фонтанов ВДНХ и мозаик станции метро «Комсомольская» и заканчивая золотыми разводами на обоях. В его работах можно проследить сегодняшнюю трансформацию идеи света: золотой ореол в иконе как знак божьей благодати, солнечный луч как метафора проникновения бога в лоно Данаи и — золотая краска у Шутова как золотая сметана, приобретающая оттенок «совдеповской» сакральности. И поэтому Шутов, безусловно, самый блестящий советский художник. Хотя может смутить ортодоксальность его творческого жеста, за которой угадывается еще один «золотой» прообраз — желтая блуза Маяковского. Да и выставка смотрится как визуальный эквивалент «Нате!».

Айдан — по контрасту — благородно сдержанна. Ее живопись — почти гризайль, черно-белое фото. Мотивы — из позднего Делакруа, темы — разные, все больше о своем, о девичьем: цветы, женщины, картинки из учебника гинекологии. «Феминистская» экспозиция создавалась словно в дополнение к предыдущей серии из мужских гениталий в преломлении всевозможных «измов». Теперь к уже явленному «инь» добавили недостающее «ян». Суть выставки оказалась не в том, «что нарисовано», а в том, «как обрамлено». Основательность бронзово-багетных рам так бросалась в глаза, что казалось — вначале рамы были повешены на стены, а уж потом наполнены живописью. Рамой стал и сам интерьер. «Первой галереи»: белые стены и кафельный пол как убедительная иллюзия операционной, где больничная стерильность способна свести на нет любую пикантность, а любой жест превращается в необходимость, оправданную пожеланиями врача. В результате откровенная чувственность Востока, данная сквозь призму европейской романтической традиции, была преподнесена как гербарий, как восковая маска.

И наконец, изысканные и воздушные, как ранняя поэзия Мандельштама, с вечно тонкими пальцами, сухим бисквитом, тихой печалью и совершенно неопределяемым «о

чем» — «Приватные занятия». Деготь и Левашову удалось невозможное: они «победили» зал на Солянке, который сам по себе — выставка. Его роскошные интерьеры так однозначно ресторанны, что все предыдущие экспозиции выглядели в нем приправой, не более. Организаторы обыграли случайно предоставленную им «раму», создав внутри нее застывший спектакль, лубочный роман красавицы графини из того же раннего Мандельштама. В зале не хватало лишь живой героини, которая связала бы экспонаты сюжетно... «Приватные занятия» надо было смотреть с конца, где в дальнем углу стоял стол Творца с брошенным на спинку стула пиджаком. Потому что именно то, что гре-

зилось ему — Творцу, — проявлялось в интерьере, давая зримый образ объективации потока сознания, которое легко перескакивает с пирамид и руин античных храмов на детскую площадку. Немое действие венчал трагический финал с пистолетом и прощальным письмом. Пересказывать выставку — затея тщетная. Надо дожидаться каталога, как правило, его текст — самый важный экспонат, самая значительная рама.

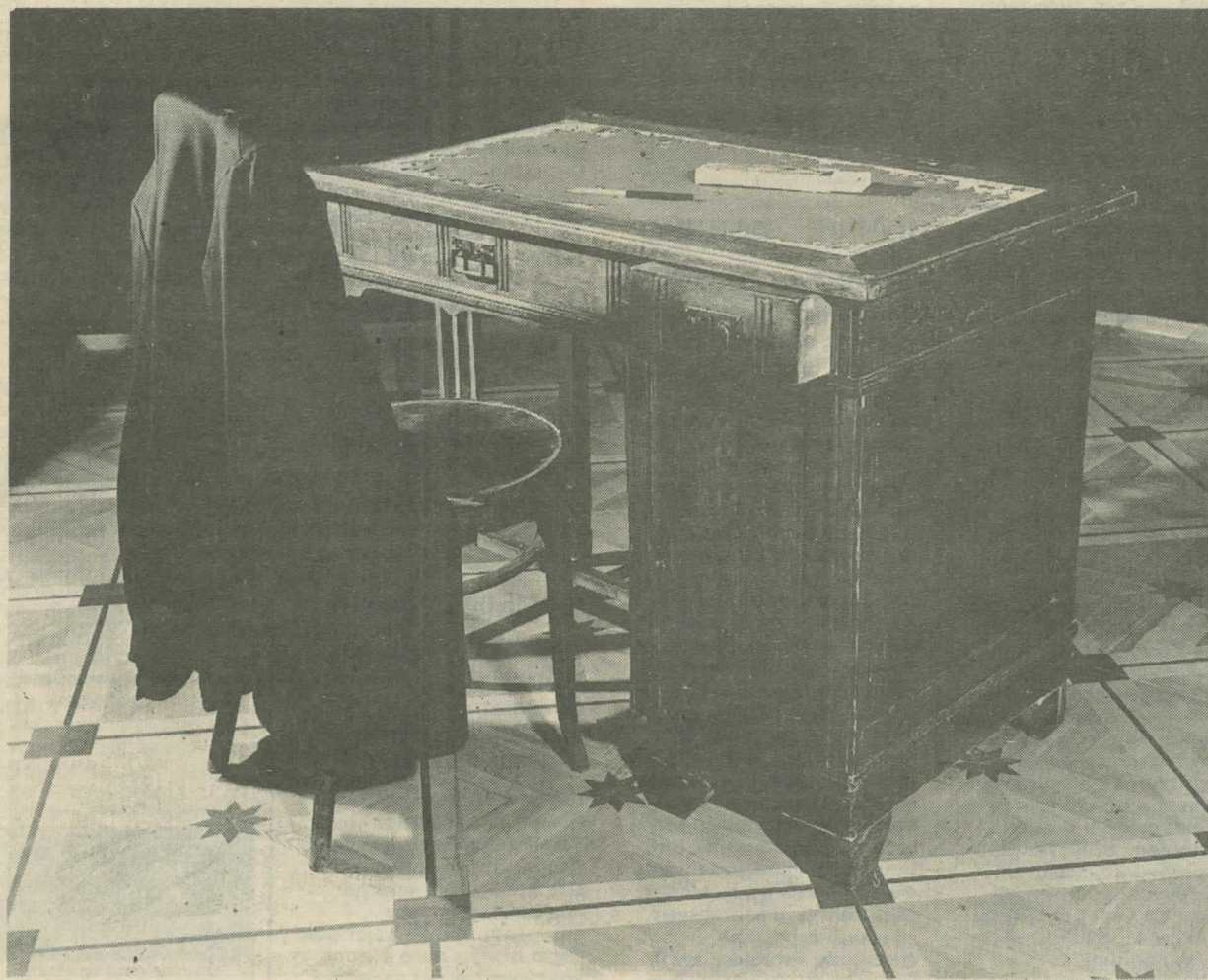
Очевидна усталость искусства от социальной детерминированности с любым знаком. Началась игра только в эстетику, причем преобладает тенденция маньеристической пышности. Маньеризм стал осознанным, и художники приходят к единому ка-

честву, к общему знаменателю. Да и остались ли художники? Смелостью творца в большей степени обладают критики, искусствоведы, организаторы выставок, как Кусков, Мизиано, Бажанов, Деготь и Левашов. Своим творческим потенциалом они «уничтожают» художника, который становится исходным материалом и ценится способностью войти в структуру экспозиции, став в ней незаметным.

Игра продолжается. Интригует будущий сюжет: игра ли это в классики, игра ли в бисер? Занятно, что благодаря фразе из Евангелия название романа Гессе приобретает оттенок самоиронии.

Людмила ЛУНИНА

Фото В.Ефимова и В.Луганского

«Приватные занятия». Антон Ольшванг

Дневник И.

БОЕВИК В РУССКОМ ПОЛЕ

«РУССКАЯ РУЛЕТКА»

ГТПО «Мосфильм»
(студия «Курьер»),
реж. В. Чиков

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной вступил он в этот свет, завистливый и именно что душный — в захлавленных, пыльных городах и всеях? Хочется этими словами М. Ю. Лермонтова обратиться к актеру Николаю Бурляеву, прославившемуся в последние несколько лет слегка оголтелым русофильством и сыгравшему не главного, но яркого героя в фильме «Русская рулетка». И зачем он идентифицировал свою давнюю роль в «Андрее Рублеве» с нынешними тенденционными убеждениями? Впрочем, это его дело.

Фильм же, о котором теперь идет речь, повествует о страданиях в меру юного рэкетира и о его не первой, но оттого не менее сентиментальной любви к матери-одиночке; повествует по накатанной схеме: с потасовками и натюрмортами из банкнотов. Все мирно до тех пор, пока в кадре и фабуле не возникает издевавший всю меру отчаяния россиянин в исполнении Бурляева — и незамысловатый боевик отечественного разлива превращается в поле брани за судьбы русского народа. Хорошая русская женщина, себе на беду, обнаруживает припрятанный заповедный трояк мужа, деревенского алкаша. Он (герой Бурляева) — вне себя и пристреливает невесту рэкетира, которая заслоняет своей грудью несчастную. Исполнительский пафос, с которым, видимо, не сдюжил

постановщик, возводит «то, что при желании можно считать триллером», в ранг национальной психодрамы. Один — в сетях мафии бьется как рыба об лед, хотя в нем (и его подруге) тлеют души прекрасные порывы. Другой — за трояк девку укокошил и обороняется от расплаты со стойкостью «зеленого берета». Довели народ, нехристи! — зажигается в глазах Бурляева. Сюжет боевика падает к его ногам. Вот такое противостояние человека и жанра.

Марина ДРОЗДОВА

ЛУЧШЕ ПОЗДНО

«ЖАННА АГУЗАРОВА» Пластинка фирмы «Синтез рекордз»

Довольно трудно определить с ходу, кто же выпустил первую сольную пластинку Жанны Агузаровой. На конверте перечислены четыре разные организации, причастные к выходу диска, но все же есть основания заключить, что официальным издателем является именно СП «Синтез корпорейшн» в лице своего подразделения «Синтез рекордз». Пластинка Жанны Агузаровой могла бы появиться чуть пораньше — все-таки предыдущий диск с ее песнями, еще в составе группы «Браво», вышел добрых четыре года назад, но, увы, «Мелодия» приучила нас к тому, что каждой новой работы практически любого музыканта приходится ждать очень и очень долго. Может быть, теперь, с появлением по самым скромным подсчетам четырнадцати (!) новых фирм, занимающихся изданием грампластинок, дело пойдет побыстрее. Практически все девять

песен, представленные в сольном альбоме певицы, уже «раскручены» радио, телевидением, звукозаписывающими кооперативами, так что поклонников певицы никакие неожиданности — приятные или неприятные — не ждут. Есть здесь и ТВ-хит «Мне хорошо рядом с тобой», и близкие к фольклору «Зимушка» и «Прикосновение к Есенину». Наверное, те, кто особенно любит песни Агузаровой периода «Браво», будут разочарованы — рок-интонаций в ее песнях, по крайней мере в тех, что представлены на пластинке, практически не осталось. Очевидно, надо забыть привычные определения: рок, поп, советская песня, когда слушаешь Агузарову — певица создает свой стиль, и даже если, судя по диску, возникает впечатление, что она сама еще не очень его нашла, все равно выход пластинки можно только приветствовать. Не исключено, что для Жанны он в итоге окажется важнее, чем для слушателей.

А.Г.

ШУМЕЛКА МЫШЬ

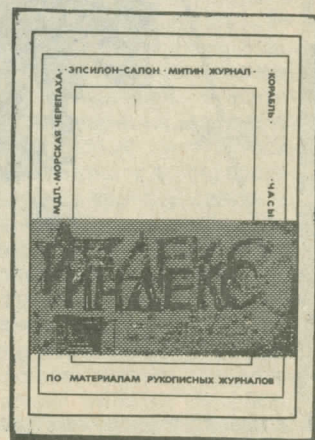
Альманах «ИНДЕКС» Издательство «ЭФА» Всесоюзного гуманитарного фонда имени А.С.Пушкина

Дмитрий Александрович Пригов, Лев Рубинштейн, Татьяна Щербина, Аркадий Драгомощенко, Алексей Цветков — этих некогда подпольных авторов самиздата теперь знают все. Свою лепту в дело вывода контркультуры из подполья внесло и издательство «ЭФА», подготовив свою первую книгу — альманах

«Индекс» — по материалам рукописных журналов «Часы», «Корабль», «Эпсилон-салон», «Морская черепаха», «Митин журнал», «М.Д.П.» («Парадигма»). Кроме стихов и прозы в альманахе присутствует и теоретический раздел — по докладам прошедшей в Москве конференции «Хаос и тексты».

Презентация альманаха, она же — фиеста самиздатских журналов «Шумелка мышь», прошла в уютном зале музея В. Маяковского и ознаменовалась кроме выступлений авторов и редакторов альманаха показом фильма братьев Алейниковых «Машинистка» и акцией поэта Павла Митюшева «Иголка в стоге сена», состоявшей в надувании огромной полиэтиленовой «иголки» и пропускании в ее ушко такой же чудовищной «нитки». Сейчас готовится к печати «Индекс-2». Издатели хотят сделать альманах периодическим информационным изданием по новинкам самиздата, который, как выяснилось, вовсе не собирается отдавать концы в связи с пресловутой гласностью. Не говоря уже о том, что наступление на демократию может начаться в любой момент и известно чем может закончиться... Бешеные цены на типографские услуги и бумагу и проблемы с реализацией заставляют задуматься о том, издавать ли журнал большим тиражом или ограничиться пятью экземплярами на машинке.

Вероника БОДЕ

ГДЕ УЖ НАМ...

«ВЛАДИМИР III СТЕПЕНИ»

Учебный театр ГИТИС,
реж. С. Женовач

Бросьте болтать о духовной нищете да о бессмысленной жизни пустячных людей. Это все высокомерие: «Нам бы Тициана с Шостаковичем — лишь тогда жизнь одухотворена и наполнена». Чуть. В замечательном спектакле Сергея Женовача вдруг с совершенной ясностью открылось, что гоголевские косноязычные болтуны из сценок, легко сложившихся в пьесу, на самом деле живут напряженной и наполненной духовной жизнью, а если причины их глубоких переживаний, мучительных раздумий и душевных воспарений вы посчитаете пустяковыми, то это, извините, ваша слесь. Была у Лукьяна Тимофеевича вчера в висте семерка пик или нет? Спор принципиальный, пожалуй, даже философский. «А как вчера пела Мелас?» — «Как она ловко берет вот это!» И все долго с упоением заливаются колоратурой. Как Мелас. И на что бы ни перескакивал разговор у этих людей — все важно, все — событие. И ни одна пауза не пуста — идет работа мысли! Вот вбежал чиновник, сказал горничной между прочим: «Какие воровские глазки!» — и убежал. Может быть, вам покажется — пустяк, ваша жена на такое и внимания не обратила бы, ей нужна тяжелая артиллерия; но здесь, в лакейской, это становится трагедией: «Поматросил и бросил», соблазнил и оставил с ребенком, это бедная Лиза,

наконец — впору кинуться в пруд. Есть здесь и Гамлет, полный сомнений и душевных борений, — враль Собачкин: «Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, или выбрать все гольем, а под губой завести что-нибудь, а?» Боже мой, как это важно, каждый вопрос грандиозен, всякое переживание глубоко и драматично! Нам, отупевшим среди великого, далеко до такой остроты чувств...

Дина ГОДЕР

ЛЕСБИЯНКИ, ВПЕРЕД!

«ФЕНИКС-ВОИН, ИЛИ
ВОЙНА АМАЗОНК»
США, реж. П. Хайес

Западная мусорная кинокорзина, за счет запасов которой пополняется наш зарубежный репертуар, освободилась еще от одного произведения, в высшей степени экзотического. Действие разворачивается в будущем после бактериологической, кажется, катастрофы, в результате которой на Земле вымерли все мужчины. Образовалось ужасно тоталитарное женское сообщество...

Сюжет далеко не нов. Боевики о борьбе с будущим тоталитаризмом снимались на Западе всегда. Да и ситуация с вымиранием мужчин тоже не у нас придумана. Скажем, поляки в «Сексиссии» («Новых амазонках») использовали безмужчинное пространство, чтобы отчаянно поиздеваться над развитым социализмом... А сей фильм? Во имя чего и для кого он сделан? Для подростков, обожающих приключения в стиле «фэнтэзи»? Вряд ли.

Подросткам нужен герой, пример для подражания. Феникс-воин таким быть не может, потому что он — женщина. Очаровательная, стройная, длинноногая и — все время с автоматом. Ни герой, ни героиня. Она, правда, пытается прикинуться этаким суперменом-супервуменом. Метко стреляет, отчаянно дерется, ловко водит машину и трогательно оберегает свою подругу, которая незаконно забеременела и родила — о, ужас! — мальчика.

Стойте-ка. Женщина-воин, отважная и смелая. Ее подруга, нежная и трогательная, нуждающаяся в постоянном покровительстве. Опять же — безмужчинное пространство. Ну конечно же! Картина снята в расчете на зрительниц, предпочитающих однополую любовь. И немужко — на мужчин-мазохистов, обожающих, чтобы подруги в кожаных ремнях и сапогах лупили их плеткой. Вообще-то в самом факте выпуска на наш экран лесбийской картины нет, по-моему, ничего плохого. Каждый человек волен получать удовольствие. Смешно то, что многомудрые дистрибьюторы пытаются прокатывать «Феникса...», будто это какой-нибудь «Конан-варвар».

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ЧТО ТАКОЕ «КОКА-КОЛА»?

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФОРДА ФЕРЛЕЙНА»
США, реж. Р. Харлин

Ренни Харлин снял детективную комедию. Хотя слово «комедия», казалось бы, неприменимо к человеку, в активе которого — «Тюрьма», «Неистребимый-2» и четвертый фильм бессмертного сериала «Кошмар на улице Вязов». Однако «Форд Ферлейн» местами действительно очень смешная лента, хотя, боюсь, в полной мере мы этого не ощутим. Картина щедро пересыпана пародиями на то, чего мы практически не знаем, — на представителей и явления американского кино и музыкальной индустрии. Мы уже свыклись с мыслью, что оторваны от мировой культуры. Это трагично. Но то, что мы оторваны и от сиюсекундной, низкой, столь ругаемой «масс-культуры», — это обидно. Так же, как не знать, что такое «Кока-кола» или жевательная резинка.

КТО ТЫ, БИЛЛИ?

«ЮНЫЕ МСТИТЕЛИ»,
часть 2
США, реж. Дж. Мерфи

Новозеландский режиссер Джофф Мерфи стал известен в 1985 году очень неплохим фантастическим фильмом «Затихшая Земля» и прекрасной исторической лентой «УТУ» («Месть»). И вот сейчас он появился на наших видеозэкранах уже как американский кинематографист с продолжением нашумевшей картины «Юные мстители». Картина предлагает новую — по крайней мере для нас — версию жизни и предполагаемой кончины известного бандита «Малыша» Билли, в корне отличную от той, что выдвигал в свое время Сэм Пэкинпа в фильме «Пэт Гаррет и Билли «Малыш»».

Дневник И.

ГОМО ПАРАДОКСУМ ВЛАДИМИР КОБРИН

Имя этого кинорежиссера до недавнего времени было известно лишь узкому кругу интеллектуалов. Он получал призы на фестивалях за фильмы с такими вот названиями: «Явление радиоактивности», «Предмет и задачи биофизики», «Биопотенциалы». Да, почти всю жизнь он работает на студии «Центрнаучфильм» как оператор и режиссер «учебного общеобразовательного кино». Последние

его картины — «Презент континуус», «Последний сон Анатолия Васильевича», цикл «Гомо парадоксум» — по сути являются философскими эссе, написанными изящным и сугубо кинематографическим языком. В этом году под крышей Всесоюзного центра кино и телевидения для детей и юношества создана его мастерская — Школа-студия Владимира Кобрин.

Те, кто пытался меня отговорить от руководства школой-студией, главным доводом считали, что школа — это слишком серьезное дело, чтобы заниматься им в промежутках между фильмами. Конечно, работая в школе, я буду продолжать снимать кино, и залогом нашего сосуществования со студентами должна стать взаимная потребность друг к другу: не только их во мне, но и моя — в них. Для меня это учительство-ученичество не просто почва, окультуриванию которой я готов отдать часть своей жизни, но и надежда на то, что ее всходами я сам захотел бы и смог воспользоваться. В идеале я думаю о совместной работе.

Эти ребята принадлежат к поколению, которое постепенно забывает чувство страха, неотделимое от советского человека долгие годы. Именно поэтому они в хорошем смысле слова не ведают границ между «можно» и «нельзя». Они самой природой нацелены на творчество и не заботятся о том, насколько оно будет синхронизировано с социальными штампами и авторитетами.

Одна из главных проблем для меня сейчас — как сохранить вокруг школы больше, чем те десять человек, которых Центр дает возможность «прокормить». Интересных, одаренных ребят оказалось много, и очень жаль, найдя, их терять. Так что те, кто сегодня приходит к нам, оказываются в ситуации зайцев, а я — в роли деда Мазая, хотя такая «детская» аналогия здесь не совсем уместна. Потому что это люди духовно и душевно уже зрелые. Это видно в их прозе, рисунках. А то, что начало, синтезирующее их способности, они находят в феномене кино, для меня как для кинорежиссера факт обнадеживающий.

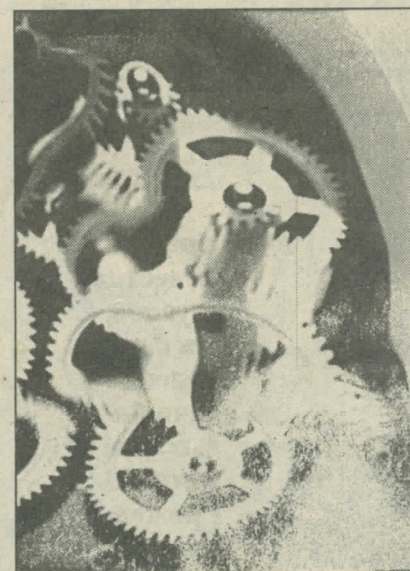
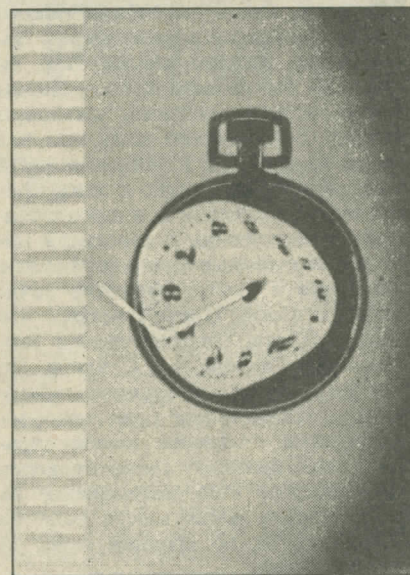
XX век был достаточно переменчив в своих сверхценностных идеях. Кинематограф — дитяще этого столетия — возник как зрелище. Слово в определенной мере противоречит его природе, особенно звучащее слово. «Чистое» кино, подлинный фильм, по-моему, смотрится даже с выключенной фонограммой. Такое торжество визуальности — очень важный итог развития человеческой культуры. Если возникновение языка было одним из главных этапов в становлении homo sapiens, то появление кинематографа стало своего рода постмодернистским актом по отношению к прежней языковой культуре. Я не думаю, что грядет но-

вая эра, которая полностью перечеркнет вербальную культуру, но несомненно, что в нынешнем формировании и развитии принципиально иных типов коммуникаций повинна и психоделическая природа кинематографа, лежащая в иной плоскости, чем словесная выразительность.

Существующее жанрово-видовое разделение кино на документальное, мультипликационное и игровое совершенно не отражает подлинную его природу. Ведь любой фильм неизбежно становится документом. И так же в основе любого фильма лежит игра — не важно, осуществляется она на съемочной площадке или в иной части жизненного пространства, включая в него нашу мысль и фантазию. При этом не только живой человек, но и кукла, и любой предмет могут с равным успехом и равной претензией на так называемую «правду поведения» играть и действовать на экране. Поэтому отнесение фильма к одному из этих видов мало о чем говорит.

Кинематограф, которым я занимаюсь, можно назвать психоделическим кукольным действием, персонажи которого — живые и неживые — ведут себя по законам некоего космического театра. Пусть это не покажется заумью или претензией на глубокомысленность. Художник, по-моему, — это тот человек, который призван замкнуть собой пространство между землей и космосом. Иначе ему не следует называться художником. Поэтому я вижу свою задачу режиссера в том, чтобы протереть зеркало, в которое смотрится человек и человечество в целом, и показать, что этот мир, этот «спектакль» без Бога, то есть без той точки, куда сходятся все наши кукольные нити, бессмыслен и не достоин ни симпатии, ни сожаления.

Эту идею я пытаюсь осуществить всю жизнь. Пока в наибольшей степени она выражена в фильме «Гомо парадоксум три». В Оберхаузене в этом году была показана другая недавняя работа — «Последний сон Анатолия Васильевича», где исследуется некое промежуточное состояние между человеком и нечеловеком: недочеловек, лишенный божественной искры. В этих и других фильмах я пытаюсь показать аномалии, которые называют хроническими болезнями человечества: страсть к потребительству, бесплодное истечение времени, косность некоторых социальных «норм» жиз-

ТРЯХНЕМ СТАРИНОЙ

Сегодня почти каждое политическое движение в нашей стране имеет свой печатный орган. Но все-таки есть такая категория людей, у которых нет своей прессы. Эти люди — заключенные.

А между тем такая пресса была, и не когда-нибудь, а на заре советской власти, в 20-е годы.

Самой масштабной была газета одесского допра «Жизнь заключенного», выходявшая два раза в неделю. Там было все, как в настоящих, серьезных газетах, — передовицы, специальные рубрики: «По допрам СССР», «Наши насущные вопросы», «На воле».

Журналист А.Казачинский пишет в одном из журналов тех лет: «Все как в обычной редакции: пишущие машинки, горы папок, посетители, заводилом, отчитывающий репортера: «Ты проворонил, что в сапожной украли подметки. Весь допр об этом говорит, а мы ничего не знаем».

В газете была даже трибуна тюркора, который ополчался против матерной ругани, клопов, решеток в камере свиданий. К примеру, были такие заметки: «Мы просим обратить внимание тому, кому это надлежит ведать, что в последнее время кипятки в 4-е отделение доставляют в дырявом баке. Нужно чище вымывать баки после каши, так как часто кипятки мутный и с дурным запахом».

«Жизнь заключенного» старалась воспитывать заключенных, проповедовала трудотерапию: «В Пензе 60 заключенных вступили в МОПР. В Сокольниках установили радиоприемник». Не худо бы и нам...

Любопытное издание представлял собой журнал Орловского допра «Всюду жизнь». Он также занимался своеобразной социальной защитой арестантов. «Иногда вы не замечаете некоторых мелочей, — обращался он к начальству, — мы будем указывать на язвы и недостатки нашей жизни, чем облегчим вашу и нашу жизнь».

Журнал печатал и мемуары бывших политических и анонсировал такие романы, как «Похождение шайки «Золотой зуб». Учитывая, так сказать, социальный заказ.

Поскольку тюрьма — идеальное место для сочинения душещипательных виршей, они регулярно появлялись на его страницах:

Будешь скоро ты опять на воле,
Быстро месяцы в допре летят.
Просчитаешь раз пять ты, не боле —
Лето, зиму и лето опять...

И эку, верно, было легче коротать вечера с такими газетами. Кто знает, может, и сегодня какая-то зона тряхнет стариной?

Николай АШИРОВ

ни. Показать, чтобы преодолеть.

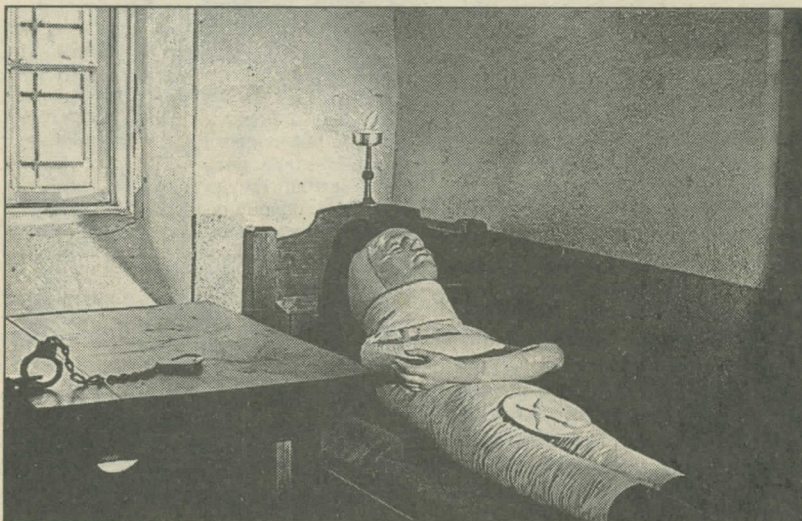
На мой взгляд, на становлении психоделического поля кинематографа сильно сказался комплекс идей и образов, возникший в такой, казалось бы, далекой от искусства области, как теоретическая физика. Конечно, я не утверждаю, что физические модели сформировали вкусы и пристрастия кинозрителя, но все же в нашем веке возник принципиально новый взгляд на мироустройство. Даже на уровне массового сознания мир предстал перед людьми фатально состоящим из отдельных частиц, принципиально парадоксальным. Потребовались интеллектуальное мужество и большая интуиция, чтобы увидеть в очередном парадоксе жизни смысл и надежду. И в этом новом для человеческого сознания периоде кинематограф занял очень важное место. Как ни странно, но, на мой взгляд, рядом с ним можно поставить джазовую музыку. Ведь именно джаз приучил людей к внешней и эмоциональной раскованности и вместе с этим привил вкус и уважение к импровизационному мышлению. В известной мере и современные демократические тенденции в нашем обществе начались с джаза. Примечательно, что джаз был под идеологическим запретом и у Гитлера, и у Сталина. По тем же причинам вчерашние чиновники, выступавшие за расово-культурную «чистоту» нашей страны, так яростно сопротивлялись рок-культуре. Рок, несомненно, на своем уровне несет мысль если не о свободе, то, по крайней мере, об освобождении.

Культура, как всякий организм,

развивается в противодействии: стремление оградить от «растления» традиционно табуированные ценности, законы и правила всегда сопровождается бесконечными посягательствами на эти запреты — тем, что не очень точно принято называть авангардом или, более осторожно, экспериментом. И только взаимодействие этих исключаящих друг друга тенденций может обеспечить культуре шанс жить и развиваться.

Все эти общие и достаточно известные мысли очень важны для меня. Проблема «нужного» и «ненужного», «хорошего» и «плохого», конечно, может быть осмыслена в контексте пройденных этапов культуры, но ни в коем случае не должна вести к идеологическим запретам. Если современным огромным сообществам суждено будущее без угрозы впасть в тяжелые формы шизофрении и паранойи, то им неизбежно придется решать не только задачи обобществления, но и проблему сохранения единичных, личных, интимных ареалов духовной неприкосновенности. В связи с этим общество в целях собственной жизнеспособности обязано предоставить каждому возможность того или иного варианта творческого осуществления. Поэтому, возвращаясь к моим собственным проблемам, я уверен, что и режиссерами могут стать не только те десять человек, которых приходится отбирать, руководствуясь нашей сегодняшней скудостью.

Записала Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Кадры из фильмов.

Бит-квартет «Секрет» был необычайно популярен у нас в стране в течение десяти лет. За это время группа записала две пластинки, организовала несколько телевизионных передач, отсняла кучу видеоклипов, создала рок-театр «Секрет»... Около года тому назад от бит-квартета осталось трио — ушел Максим Леонидов, поэтому в беседе принимают участие Николай ФОМЕНКО, Андрей ЗАБЛУДОВСКИЙ и Алексей МУРАШЕВ.

«Вдруг один из нас сказал: «Хочу жить там»»

— Уход Леонидова для многих был полной неожиданностью. А для вас?

Андрей Заблудовский: Для нас тоже.

Алексей Мурашев: Вдруг один из нас ни с того ни с сего говорит. «А я еврей! У меня есть вторая родина, и я хочу жить там». Поэтому сейчас Макс вместе со всей своей семьей живет в городке-спутнике Тель-Авива. Собирается заниматься шоу-бизнесом.

Его поступок можно понять — мы были измотаны работой: 400 концертов в год, в котором, как известно, 365 дней...

Николай Фоменко: Он измотался вконец и принял такое решение. Может быть, если бы мы потеряли месяц-другой, пришли к нему и сказали: «Успокойся, старик!», — то он бы остался. Но нас ошарашило его заявление и последовавшие за ним слова: «Давайте все распродадим, поделим бабки и разбежимся — все, хватит!» И вот тогда мы посмотрели друг на друга и задумались: а ради чего мы корячились столько лет?

— У вас не было искушения во время гастролей остаться за границей?

Н.Ф.: На то, что мы имеем здесь, там рассчитывать не приходится. Кроме того, даже если проживешь в другой стране долгое время — до самой смерти будешь думать по-русски. Ну что поделаешь, если ты родился здесь...

— Как принимают «Секрет» на Западе?

Н.Ф.: наших музыкантов воспринимают там, как медведей с гитарами. И, как это ни прискорбно, никто из пытающихся покорить Запад успеха не добился и, наоборот, не добьется.

А.З.: мода на перестройку и гласность уже прошла. Серп и молот стали неинте-

ресны. Сейчас коммерческий успех зависит от профессионализма группы, от богатых спонсоров, от людей, которые занимаются музыкальным маркетингом, — короче, от всего того, что называется шоу-бизнесом.

— Считается, что вы пишете коммерческую музыку. Вы с этим согласны?

А.З.: Все, что продается, коммерческое. Если человек хочет создать что-то некоммерческое, он должен посадить зрителей на сцену, а сам сойти в неосвещенный зал и там петь на каком-нибудь забытом, мертвом языке.

Н.Ф.: Раньше мы играли поп-рок, но, откровенно говоря, наплевать, как нас назовут. Если бы мы думали о коммерции, то давно написали бы «Не сыпь мне соль на рану».

А.М.: Когда мы только начинали свою деятельность, наш жанр определили как музыкальную эксцентрику: нужно было хоть как-то назвать. А сейчас мы приходим к тому, что мы действительно музыкальные эксцентрики: потому что мы музыканты — раз и потому что мы делаем все эксцентрично — два.

— Некоторые песни «Секрета» воспринимались как смелые откровения: к примеру, «Ленинградское время» или последняя — «Шаг за шагом».

Н.Ф.: Мы никогда не пытались и не будем пытаться играть роли каких-то пророков. Получилась песня «Шаг за шагом» — ну и что? Завтра напишется другая и про другое. Сейчас любой нормальный человек многое понимает и чувствует так же, как мы. Мы просто обращаем это в свою форму.

— Скажите, вы богатые люди?

Н.Ф.: Богатым человеком у нас в стра-

не в принципе быть невозможно. Богатый человек должен, к примеру, по утрам делать пробежку за спиной телохранителя в парке своего собственного особняка. И если у тебя часы «Ролекс» на руке, значит, ты обладатель «Роллс-ройса», на «Мицубиси» ты ездить не можешь. На Западе все разложено по полкам, и это правильно. У наших людей нет этой табели о рангах — своеобразной культуры, ее и не может быть после 17-го года. Президент нашей страны не может понять, почему Буш играет в гольф, почему на него жена надевает костюм от Кардена... Он заперся в четырех стенах, у него есть телевизор, видео, персональная машина и, что самое главное, — власть. И он, наоборот, считает, что он — крутой и респектабельный. А он и не подозревает, что такое респект на самом деле. Респект не деньги, это состояние души, широта, возможности. Самое печальное, что вся страна движется вслед за Президентом. Я имею в виду образ мышления. Да что говорить, если у нас за 70 лет не было ни одного руководителя государства, который бы правильно говорил по-русски...

— А на музыку революция в обществе, по-вашему, отразилась?

А.М.: Естественно. Во время всех социальных катаклизмов на сцену вылезает «хам». В двадцатые годы это были «Конфетки, бараночки...», сейчас — атаманско-анархистская тематика. Кто более раздет, кто кого «перехамит»...

— Итак, период бит-квартета «Секрет» закончился?

Н.Ф.: Нам кажется, что это был не самый важный период, а только разминка.

Беседу вел Андрей БОЛТЕНКО

Ольга АНДРЕЕВА-КАРЛАЙЛ

СОЛЖЕНИЦЫН:

В КРУГЕ ТАЙНОМ

Однажды я был прямо-таки ошеломлен, обнаружив, что моя записная книжка вмещает т ы с я ч у имен. И ведь — не случайных! Многие — по голосу в телефонной трубке узнаваемые.

За каждым человеком тянется инверсионный шлейф — сноп искр, высеченных при соприкосновении с другими судьбами. За кем-то — ярче, за кем-то — тусклее. И никому из нас не избавиться от него — до последней черты.

Для нас это всего лишь «продукты сгорания». Но задумаемся: и наша собственная судьба — всего лишь яркая искра на чьем-то пути... Надо ценить и уважать — придавать важность — каждой встрече.

Кто-то из христианских подвижников сказал: каждая встреча, кто бы ни был перед нами, — это встреча с Самим Христом.

Слова высокие, но вполне уместные в данном случае. Предлагаемый читателям сюжет — своеобразная «Love Story» (если иметь в виду любовь к литературе, словесности) известной переводчицы и эссеистки, историка русской поэзии — внучки Леонида Андреева, и великого русского писателя, Нобелевского лауреата, автора «Архипелага ГУЛАГ».

«Love Story» с, увы, не happy end'ом... Неожиданным образом мемуары Ольги Карлайл «рифмуются» с мемуарами первой жены Солженицына Наталии Решетовской — обе книги совершенно правдивы и, вместе с тем, крайне субъективны, как может быть субъективна любая история,

рассказанная (случайному ли попутчику, многотысячному ли читателю) женщиной с уязвленным самолюбием.

«Я чувствовала, что становлюсь компьютером, запрограммированным на Солженицына. Глядя, как развешивают мои картины в Парижской Галерее на набережной де Конти, я думала: когда же я снова вернусь к живописи, к литературе, к свободной жизни?..» — сказано, согласимся, очень по-женски! Но не будем сбрасывать со счетов, что сказано — женщиной, исполнявшей в течение шести лет обязанности литературного представителя Александра Исаевича за рубежом, защищавшей в самом прямом смысле слова его авторские права на Западе, в то время как ему практически в одиночку приходилось этим заниматься в России.

Книга О.В.Андреевой-Карлайл, мягко говоря, не вызвала большой радости у ее героя: публикации сопутствовала судебная тяжба, вылившаяся в круглую сумму. Нам, однако, представляется правомочным издание этих мемуаров в СССР в ту пору, когда все написанное Солженицыным становится наконец достоянием нашего народа. Мы имеем право на знакомство с этой книгой — осознавая историчность нашей встречи с солженицынскими книгами, в драматической судьбе которых сыграла свою, единственную, роль Ольга Карлайл.

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

1969 год вспоминается мне как год напряженнейшей работы, слухов и страхов. В этот самый год нам сообщили такое, что сначала показалось невероятным. Я просматриваю записи тех лет, и в памяти встают бесконечные бессонные ночи. Начал распространяться слух, будто где-то на Западе некое издательство собирается выпустить «последнюю книгу Александра Солженицына о советских концентрационных лагерях». Подобный слух долетал из Лондона и из Нью-Йорка, из Германии и из Италии, то просачиваясь в прессу, то передаваясь из уст в уста. По всей видимости, до Западе через отдельных лиц дошла весть о «лагерной книге», и это стало достоянием общественности. Было неясно, имел ли этот слух отношение к публикации «ГУЛАГа», которую готовили мы с «Харпер энд Роу». А может, подразумевалось еще какое-либо издательство?

Солженицын заверял нас, что другого экземпляра в обращении нет, ну а если за это время что-то вышло из-под его контроля? Возможно, был предпринят еще один «арест» его рукописей КГБ. Возможно, именно КГБ намеренно распространяет экземпляры книги по каким-то темным каналам европейской разведки, чтобы затем обвинить Солженицына в государственной измене? Правда, едва ли они осмелятся учинить такое с подобного рода книгой; хотя — кто их знает...

Основываясь на пожелании Солженицына, переданном нам еще в январе 1968 года, мы сообщили Кэссу Кэнфилду, что скоро получим новую рукопись Солженицына, но что непосредственно изданием займемся только по сигналу автора. Мы полагали, что коммерческий интерес издательства к опубликованию главной книги такого автора и заинтересованность в его безопасности в равной мере важны для «Харпер энд Роу», а значит — тайна будет сохранена.

Размышляя сейчас обо всех слухах того времени, я думаю, что кое-какие, возможно, возникли в результате заявлений, сделанных в США Аркадием Белинковым, советским литерату-

роведом, некогда узником лагеря и одним из тех 227 человек, рассказы которых составили материал для солженицынского «ГУЛАГа». В то время мы считали, что из известных нам лиц только Белинков знал о существовании «лагерной книги». Он узнал о ней от самого Солженицына перед своим отъездом из СССР в Нью-Хейвен, штат Коннектикут, где прожил вплоть до своей гибели в 1970 году.

Эти слухи должны были незамедлительно долететь и до Москвы. Солженицына, возможно, примутся уверять, что утечка информации произошла где-то у нас, а подобное известие было бы для него мало приятно.

Не менее серьезным было и то, какое воздействие окажут эти слухи на наших друзей из «Харпер энд Роу», как, впрочем, и на остальных участников нашего «тайного круга». Нас одолевали телефонные звонки, предложения встретиться. Сильно сковывала и договоренность с автором о его сигнале к публикации «ГУЛАГа».

— Всем уже все известно, дальше ждать невозможно!

— Нельзя без видимых причин терять время!

— В сложившихся обстоятельствах в интересах самого Солженицына надо издавать его книгу как можно скорее!

Сколько раз слышала я подобные доводы — и почти с ними соглашалась.

Все это создавало летом 1969 года невыносимую для нас обстановку. К тому времени Гаррисон Солсбери, чьи добрые советы мы постоянно ценили и кто являлся главным нашим консультантом, проникся убеждением, что рукопись «ГУЛАГа» есть не только у «Харпер энд Роу», но и у других западных издательств. Вместе с Тони и Аланом мы набросали проект контракта, чтобы, лишь только поступит сигнал, немедленно подписать контракт и приступить к выпуску книги.

... Теперь, оглядываясь назад, я могу трезво оценить позицию Гаррисона, которая оказалась гораздо сильнее, чем мне тогда представлялось. Он был не одинок в своих прогнозах. Сейчас

Ольга Андреева-Карлайл

Репродукция со снимка известного фотографа Инги Морат (журнал «Америка», 1970, сент.)

ясно, что и для Солженицына в тот период срок выхода «ГУЛАГа» был предметом постоянных раздумий. И ему мало радости принесло то, что он тогда решил попридержать рукопись...

Однажды, в конце сентября, когда леса вокруг нашего конектикутского дома запылали невероятными оранжево-красными красками, я направилась к нашему почтовому ящику в самом конце длинной подъездной аллеи и обнаружила среди писем белый конверт с европейским штампом без обратного адреса.

По дороге обратно я вскрыла конверт и пробежала глазами текст без подписи, отпечатанный по-французски на листке папиросной бумаги. Это была инструкция из восьми пунктов, в основном достаточно ясных.

Надо было в Москве срочно получить поправки к тексту «ГУЛАГа»; до весны не входить в контакт ни с одним иностранным издателем (кроме американского); включить в текст кое-какие фотографии.

Но содержание одного из пунктов меня попросту озадачило: «Все предусмотренные и не предусмотренные договором издания на английском языке должны считаться согласованными с автором, даже без выплаты автору вознаграждения, но при условии, что они не будут претендовать на приобретение авторских прав, поскольку есть основания отдать предпочтение издательству «ИМКА»...»

Неужто до сих пор между нами и Солженицыным так и не возникло взаимопонимания? Или он забыл, что просил нас предложить «ГУЛАГ» в «Харпер энд Роу»? Ведь теперь он как бы утверждал, что любое издательство может публиковать на английском языке его книги и что все подобные публикации будут рассматриваться как «согласованные с автором», хотя ни одно из издательств не может претендовать на авторские права. Они закрепляются за «ИМКА-пресс». Но тут же явное противоречие! Если «ИМКА» не может контролировать выход других изданий, бессмысленно наделять его авторскими правами. Разве Солженицын до сих пор этого не понимает?

Может, под давлением новых обстоятельств он вынужден изменить тактику, искать новые пути для распространения своих книг? Но, если так, зачем же он просит нас забрать в Москве поправки к рукописи и фотоиллюстрации?!

Я показала письмо Генри. Он прочел и впервые за все время нашего участия в делах Солженицына пришел в негодование: — Что же это такое?! Как же так можно?! Одно дело — борьба вокруг «Ракового корпуса», но если пойдет открытая борьба вокруг «ГУЛАГа», тайна выплеснется наружу. Его тут же привлекут к суду за измену родине!

Впервые за все это время мы начали понимать, что не вольны отказаться от своих обязательств по отношению к этому бывшему «зэку». Отступить от него в тот самый момент, когда он в нас нуждается, пусть даже навязывая нам условия, которые, возможно, грозят бедой, казалось нам немислимым.

Надо было пытаться снова и как можно скорей попасть в Россию.

В декабре 1969 года мы с Генри трудились над редактурой первой части «ГУЛАГа», а Том энергично форсировал перевод всего произведения. Помимо рождественских подарков я готовила лекарства и сувениры для России: я написала своим московским знакомым, что приеду с Робертом Лоуэллом и его другом.

Вдруг как-то утром в январе, когда до отъезда оставалось меньше недели, позвонил мой литературный агент и обескураженно известил меня, что советское консульство, выдав визы мистру Лоуэллу и мистру Кларку, мне в визе отказало. Агент запросил советское посольство в Вашингтоне, где ему сообщили, что отказ окончателен и обжалованию не подлежит.

Я позвонила Лоуэллу. Узнав, что мне не дают визы, он так возмутился, что решил отказаться от поездки в Москву. Сказал, что сейчас же позвонит Блэру Кларку.

Я повесила трубку, и только тут до меня дошло, что значит для меня этот отказ в визе. Позвонил Блэр Кларк. Встретивший, он все время спрашивал почему все-таки не дали визы? Что я сама думаю на этот счет? Разве не странно все это?

Я сидела на кровати, смотрела в окно на березы и заснеженный луг перед домом, сознавая, что теперь не увижу своих

русских друзей долго... быть может, не увижу никогда. Не мигая я глядела на застывший зимний пейзаж, силясь не расплакаться, чтобы Блэр не почувствовал, как я огорчена. Попрошавшись с Блэром, я уронила взгляд на раскрытый чемодан на полу в углу спальни. Он был наполнен подарками: теплый халат для Надежды Мандельштам, детские вещи для новорожденного сыночки Бродского, книга Сэлинджера для Корнея Чуковского — оставалось лишь закрыть крышку... Я рыдалась.

От того, что Лоуэлл и Блэр Кларк решили без меня не ехать, мне сделалось еще горше. Я знала, с каким нетерпением ждет Надежда Мандельштам встречи с Лоуэллом. Ей уже передали, что мы едем, и это новое известие очень ее огорчит.

Теперь придется искать иные пути для связи с Солженицыным. Посылать Генри в очередной раз было бы неразумно. Давать повод для подозрений никак нельзя. Надо найти другого гонца, человека верного и никак не связанного с проблемами Солженицына.

Я вспомнила, что в Париже у меня остался друг — Марсель, человек молодой, чрезвычайно интересующийся русским искусством и к тому же немного говорящий по-русски.* Мы давно не общались, но когда-то были очень дружны. Человек надежный, очень обязательный, хотя, как и я, весьма эмоционален. Я написала ему письмо, где спрашивала, не уделит ли он нам с Генри немного времени для чрезвычайно важного конфиденциального разговора «литературного свойства». Марсель ответил, что в ближайшие месяцы относительно свободен и готов принять и выслушать нас, когда это будет нам угодно.

В начале весны мы вылетели в Париж к Марселю и в течение нескольких часов подробно излагали ему все, что мы предпринимали ради Солженицына, описав ситуацию, в которой оказались сейчас, получив «имковское послание». После долгих раздумий Марсель дал согласие отправиться в СССР. Вскоре мы провожали его в «Орли», откуда он вылетал в Москву с моим чемоданом... а сами задержались в Париже, продолжая редактировать «ГУЛАГ» и моля Бога, чтобы в Москве все сошло гладко и чтобы ни Солженицын, ни Марсель не оказались жертвами злополучного «Архипелага».

Через несколько дней мы снова спешили в «Орли», чтобы встретить нашего друга.

По его сияющему виду мы сразу же поняли, что с поручением он справился успешно. Я не забыла, какое впечатление произвела на меня моя первая встреча с Солженицыным, и теперь во взгляде Марселя я ощущала солженицынское присутствие.

— Он вам обоим шлет сердечный привет! — провозгласил Марсель, видя, что мы сгораем от нетерпения услышать его рассказ о встрече с Солженицыным. — И вам, и вашим американским друзьям!

— Как он там? — спросила я.

— Великолепно! Полон новых планов, новых идей. Удивительная стойкость в таком тяжелейшем положении!

— И каковы теперь его планы? — спросил Генри.

Взгляд Марселя скользнул с меня на Генри, в глазах его я уловила беспокойство. И Марсель со смешком заметил, что надо бы хоть дух перевести — ведь ему предстоит так много, да-да, так много нам рассказать.

— Ах, какой необыкновенный, какой удивительный это человек!

По дороге к машине Марсель занимал нас своими рассказами о Москве. И лишь только тогда, когда мы сели и тронулись, он продолжил свой рассказ о Солженицыне.

Первым делом Марсель сообщил нам, что публикацию «Архипелага ГУЛАГ» придется отложить, и надолго. Теперь Солженицын работал над воплощением очередной своей идеи — многотомного романа-эпопеи о первой мировой войне и революции в России. Решение попридержать «ГУЛАГ» созрело, видимо, отчасти из желания получить возможность завершить

*Здесь и далее: Марсель — это Степан Дмитриевич Татищев, близкий друг автора книги, который вскоре после описываемых событий был назначен атташе по культуре посольства Франции в Москве и смог оказывать значительную помощь многим советским диссидентам.

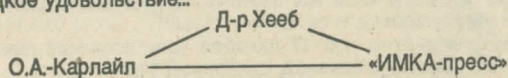
новую работу, которую теперь Солженицын считал своим главным деянием.

Не без удивления выслушали мы слова Марселя о том, что отныне учреждается новый порядок распространения и охраны прав литературных произведений Солженицына.

Своим представителем на Западе Солженицын назначил некоего швейцарского адвоката, доктора Фрица Хееба, наделив его полномочиями официально и открыто охранять его интересы, подписывать контракты на предстоящие издания его книг и надзирать за качеством всех переводов его произведений. Вместе с тем «Архипелаг ГУЛАГ» по-прежнему сохранялся за нами, и полномочия д-ра Хееба на эту книгу не распространялись. Возможно, адвокат даже не был осведомлен на данный момент о существовании «ГУЛАГа». Словом, нам надлежало действовать по плану, редактировать русское издание и завершать английский перевод, держа при этом все дела в строжайшем секрете.

Сюжет с д-ром Хеебом оказался лишь частью нововведений.

Третий пункт послания Солженицына в изложении Марселя содержал информацию, никак не укладывавшуюся в моем сознании. Для наглядности Марсель изобразил схему. Он чертил — и я видела, что участие в делах Солженицына доставляет ему редкое удовольствие...

Таков был «треугольник полномочий», посредством которого Солженицын теперь намеревался тайно осуществлять свои дела на Западе. Его книги будут издаваться усилиями некой трехглавой организации, включавшей его официального юридического представителя д-ра Хееба, известное русскоязычное издательство «ИМКА-пресс» и меня, тайного доверенного лица и хранителя рукописи «Архипелаг ГУЛАГ».

Каждому из трех соучастников предприятия отводилась своя особая роль, при том, что д-р Хееб выступал в роли официального представителя интересов своего клиента (за исключением прав на рукопись «Архипелаг ГУЛАГ»), а Марсель — в роли связующего звена между нами и парижским издательством «ИМКА-пресс».

При всей неясности его собственной роли в этой связке Марсель горел желанием примирить нововведения Солженицына с нашими интересами.

В тот день нам всем очень хотелось верить, что подобный треугольник окажется эффективным на деле. Мы с пониманием отнеслись к идее Солженицына переместить центр действий из США в Европу, чувствуя, что он, возможно, считает, что предоставил нам слишком большую власть над своими доходами, и теперь ему захотелось поделить свою империю на ряд сатрапий, чтобы те поспевали друг за дружкой, а их представители соревновались между собой в преданности общему далекому господину.

Мы пытались понять, какова, собственно, цель Солженицына и каким образом придется нам приспосабливаться к этой новой ситуации. Мы не раз еще беседовали с Марселем, проявлявшим горячую преданность Солженицыну. Уехав в Москву нашим гонцом, он возвратился оттуда гонцом Солженицына. Марсель прекрасно справился с нелегким заданием: непростые инструкции Солженицына звучали категорично.

В самолете на пути в Нью-Йорк я дала волю своим чувствам. Самообладание покинуло меня, во мне нарастала тревога. Я предчувствовала беду от этого триумvirата, учрежденного по обе стороны Атлантики. Генри думал точно так же. Вынув записную книжку, он пристально вглядывался в нарисованный Марселем треугольник.

— Кабалистика какая-то, — пробормотал Генри. Потом помолчал и сказал — Он уже не слышит нас...

В апреле д-р Хееб был официально объявлен представителем Солженицына в Европе и США. Тот беспрецедентный факт, что Солженицын позволил открыто огласить свое решение доверить дела западному юристу, произвел страшный переполох. Это был первый случай, когда советский писатель открыто переходил все границы дозволенного в своих взаимо-

отношениях с Западом. Официальное сообщение д-ра Хееба вызвало шок за пределами СССР и одновременно чувство страха за дальнейшую судьбу Солженицына. В Советском Союзе тоже наблюдалось смятение. Но тем не менее что-то удержало советские власти от расправы над писателем.

В своем заявлении в прессе д-р Хееб уведомлял читателей, что отныне всякая публикация произведений Солженицына возможна лишь при наличии контракта, подписанного автором или его законным представителем. В лондонской «Таймс» на эту тему мы прочли следующее: «Говорят, что очередное значительное произведение писателя «Архипелаг ГУЛАГ» — буквально означает «архипелаг трудовых лагерей» и посвящается описанию сталинских концентрационных лагерей — предложено издателям Европы и Америки».

Слух, только что опровергнутый, возник снова!

Нам срочно пришлось пуститься на поиски надежных путей, чтобы передать в Москву заверения, что на самом деле ни один экземпляр «Архипелаг ГУЛАГ» ни в какое издательство не передавался. И вскоре удобный случай для этого подвернулся.

В конце весны в России на лесном пикнике оказались в одной компании с Солженицыным наши друзья.* В тот день с утра шел дождь, и начало пикника выдалось не самое удачное. Опустившись на траву, облаченный в бушлат, Солженицын с мрачным видом напустился на вышедшую на Западе книгу «В круге первом».

— Возмутительно! — говорил он. — Вся работа абсолютно насмарку! Взгляните!

И он ткнул пальцем в какое-то искажение в тексте. Наши друзья встревожились. Они стали уверять Солженицына, что книга имеет огромный успех, однако их уверения не помогли. Солженицын с яростью наткнулся на очередной изъян.

Тогда одна из наших знакомых деликатно попросила у него книгу и взглянула на титульный лист.

— Александр Исаевич! — мягко сказала она. — Это ведь не та книга, которую готовили ваши друзья. Это как раз то пиратское издание, которое наделало столько шума. По слухам, его финансировало КГБ, и теперь его выход приостановлен.

Солженицын снова взял книгу, взглянул с удивлением — и... отбросил прочь.

— Друзья мои, друзья мои, надо верить друг другу! — наконец произнес он. — Что бы ни случилось, надо друг другу верить!

* Имеются в виду Наталья Столярова и родители автора, Ольга Викторовна и Вадим Леонидович Андреевы.

Рассказывая мне об этом, друзья утверждали, что тут как раз и небо прояснилось.

...21 августа 1970 года Андрей Сахаров заявил на пресс-конференции в Москве, что СССР представляет собой огромный концентрационный лагерь, огромную лагерную зону.

Одновременно в Ленинграде разворачивались трагические события. Солженицын некогда доверил на хранение Елизавете Денисовне Воронянской, своей преданной, благоговевшей перед ним помощнице, экземпляр рукописи «Архипелага». Удостоверившись, что микрофильм книги нами (а затем, возможно, и д-ром Хеебом) получен, Солженицын велел Воронянской уничтожить хранившийся у нее экземпляр. Она этого не сделала — скорее всего из опасения, что другие экземпляры могут оказаться конфискованными. В то же лето ее арестовали, подвергли допросу и в конце концов вынудили сказать, где хранится рукопись. После того как ее освободили, Воронянская повесилась в своей квартире. Хотя — кто знает? — не было ли это убийством...

В этот явный кризисный момент, как никогда, обострилось у Солженицына чувство своего предназначения.

Он был преисполнен воодушевления.

До этого постоянные откладывания публикации «ГУЛАГА» крайне угнетали писателя. Нынешнее роковое событие явилось сигналом к началу решительного противостояния. Смерть ослушавшейся помощницы означала для Солженицына угасание свечи, одной из миллиона тех, что были зажжены им. Он решил, что настала пора отомстить за все жертвы советского террора. Ринуться в последний бой. И он пошел на это с готовностью.

В книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын так описывает свое состояние того периода:

«Теперь — ударов много будет, взаимных, но и я же стою насколько сильней, и в первый раз, в первый раз выхожу на бой в свой полный рост и в свой полный голос.

...Для моей жизни — момент великий, та схватка, для которой я, может быть, и жил. (А когда б эти бои — да отшумели? Уехать на годы в глушь и меж поля, неба, леса, лошадей — да писать роман неторопливо...)

Но — для них? Не то ли время подошло, наконец, когда Россия начнет просыпаться? Не тот ли миг из предсказаний пещерных призраков, когда Бирнамский лес пойдет?

Вероятно, опять есть ошибки в моем предвидении и в моих расчетах. Еще многое мне и вблизи не видно, еще во многом поправит меня Высшая Рука. Но это не затемняет мне груди. То и веселит меня, то и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять.

О, дай мне, Господи, не переломиться при ударе! Не выпасть из руки Твоей!»

5 сентября Александр Солженицын выступил с «Письмом вождям Советского Союза». По совету жены он не стал пока переправлять копию на Запад. Надо было дать возможность вождям ответить.

Однако именно в этот день он отдал долгожданное распоряжение в отношении «Архипелага ГУЛАГ»: «Печатать немедленно!»

4 сентября, за сутки до того, как Солженицын отправил ему приказ опубликовать книгу, д-р Хееб писал Тони, в частности, следующее:

«Прошу Вас и миссис Карлайл выслать мне первую часть К-2* нашего друга в английском переводе. Как Вы помните, мы условились, что будет использован перевод м-ра Т.У. Но после решения миссис Карлайл устранилась от дел, нам необходимо искать какого-либо другого эксперта. Для этой цели мне нужно иметь образец перевода. Буду весьма признателен, если Вы пришлете мне как можно скорее первую часть перевода».

Когда Тони получил это письмо, мы с Генри были в Нантакете, куда отправились на первый длительный летний отпуск за последние несколько лет. Но и туда до нас доходили известия, что в Москве разворачиваются из ряда вон выходящие

события. С помощью радио, газет и сообщений от друзей из Европы теперь мы, уже не скрывая, следили за каждым этапом битвы советских властей с Сахаровым и Солженицыным. К тому времени, когда мы получили от Тони копию письма д-ра Хееба, нам уже было известно в подробностях о самоубийстве Елизаветы Воронянской, и мы поняли, что наконец-то настала пора издать «ГУЛАГ».

Я написала Тони в Нью-Йорк, что надо послать д-ру Хеебу не только первую часть перевода Тома, как тот просил, но и весь английский перевод «ГУЛАГА», целиком, чтобы, не теряя времени, цюрихский эксперт познакомился с произведением. И еще я просила Тони сообщить д-ру Хеебу, что он может воспользоваться также и отредактированным нами первым томом «ГУЛАГА».

Ответ д-ра Хееба последовал незамедлительно. Он позвонил Тони и сказал, что ждет только перевод Уитни, причем всех трех томов, если уже готово. На вопрос о первом томе, отредактированном нами, адвокат ответил: «Пока не требуется».

Меня это удивило — и я переспросила Тони. Тот был совершенно уверен, что понял д-ра Хееба правильно. В подтверждение этого Тони привел фразу из письма цюрихского адвоката от 4 сентября: «Как Вы помните, мы условились, что будет использован перевод м-ра Т.У.»

Было договорено, что 17 октября Тони отправит лично д-ру Хеебу в Цюрих весь перевод, сделанный Уитни.

Всю осень, вплоть до самой зимы, мы и остальные участники нашего «тайного круга» оставались в стороне, в то время как д-р Хееб вел от имени своего клиента длительные переговоры с «Харпер энд Роу». Солженицын в апреле писал мне, что можно «с большой достоверностью предположить, что ему («Харпер энд Роу») не понравятся мои условия». И мы в отчаянии наблюдали, как все наши усилия по подготовке публикации первого тома в США разлетаются в прах.

В тот период у нас создалось впечатление, что, так как все распоряжения из Москвы шли через Цюрих, в результате, умышленно или неумышленно, публикация «Архипелага ГУЛАГ» на английском языке затягивалась. Несмотря на благожелательный отзыв эксперта, приглашенного д-ром Хеебом, Солженицын, казалось, не был намерен пересмотреть свое, ни на чем не основанное мнение, будто перевод Тома находился «в хаотическом состоянии». В письме, приказывавшем мне сжечь этот перевод, были такие строки: «Единственным последствием будет — некоторая задержка этого языка сравнительно с другими. Ничего».

Неужто он так думал?..

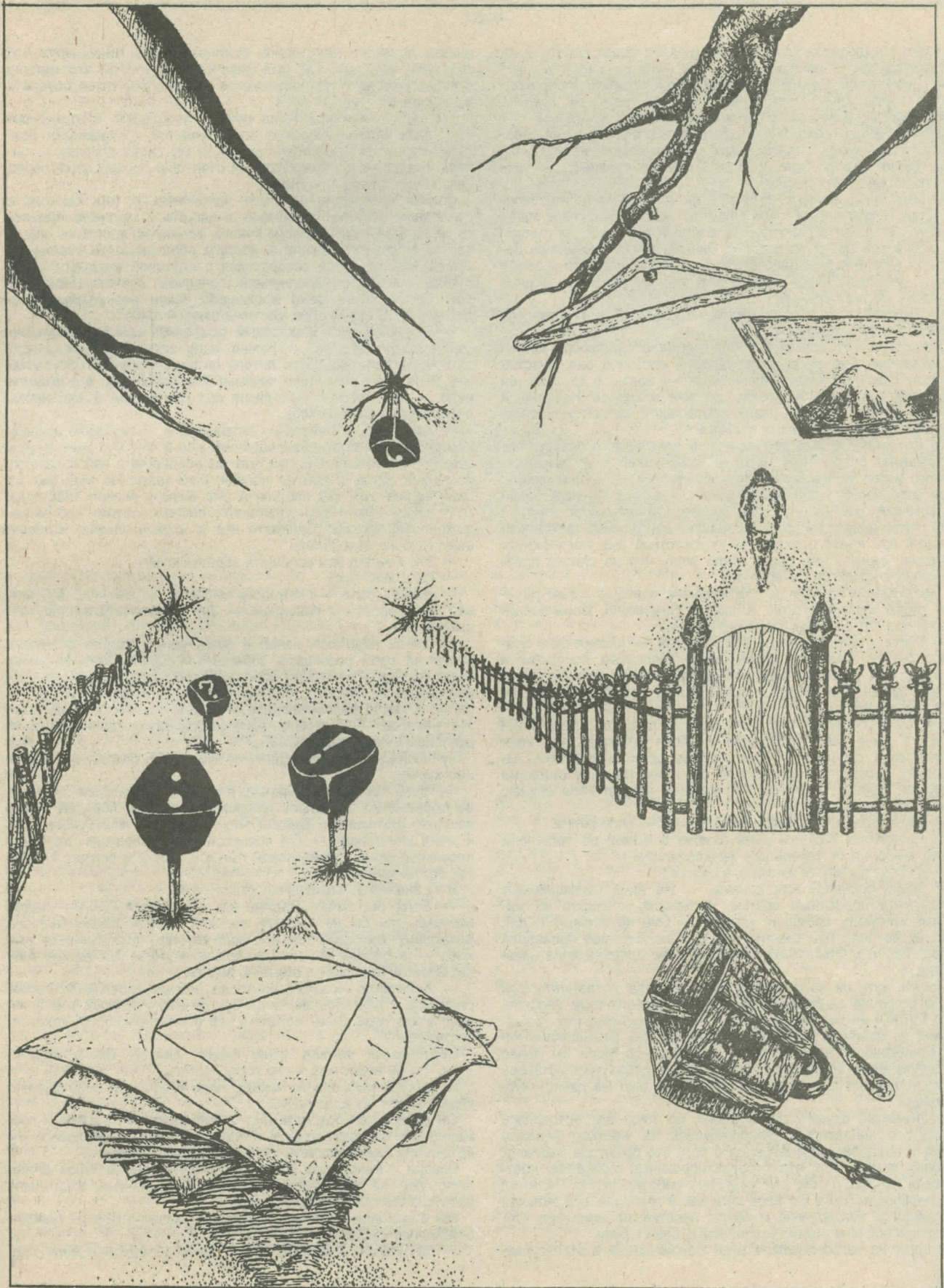
13 февраля 1974 года Солженицын был арестован, лишен гражданства и на следующий же день выслан из отечества. Его встречали как героя, как когда-то встречали Линдберга после опасного и длительного перелета через океан! В марте я оказалась в Европе по своим журналистским делам и решила спросить у Солженицына разрешения навестить его в Цюрихе. На мою записку с предложением о встрече я получила дополнительную открытку следующего содержания:

«Итак, я могу пригласить Ольгу Вадимовну на часик-другой в четверг 21-го марта к 2—3 часам пополудни. Если это не удобно, пусть позвонит адвокату (36 38 64). Но лучше бы не менять. Поговорить действительно накопилось о чем. Ведь честно говоря, друзья мои: если б американское издание вышло в январе — меня не посмели бы выслать из России...»

Прочитанное меня потрясло. За утренним кофе в Женеве я вновь и вновь вчитывалась в строки, выведенные паутинообразным почерком Солженицына. Кофе остывал в чашке. И в худших снах о будущем нашего предприятия мне такое привидеться не могло!

Назавтра поездом я отправилась в Цюрих. Утро было ясное, первый календарный день весны оказался воистину первым весенним днем. За окном тянулся пейзаж в духе Пауля Клее: склоны гор, все еще под тонким покровом снега, пятна пробирающейся зелени и графически четкие на этом фоне ограды, стада, кирпичные амбары с остроконечными черепичными крышами. Путь был долгий, и я попыталась работать над завершением собственной рукописи. Но ни работа, ни пейзаж за окном не могли развевать моих чувств...

*Условное название «Архипелага». — Ред.

Приехав в Цюрих около двух дня, я взяла такси. Дорога была воспитательной. В мановение ока я взмыла высоко над городом, уносясь все дальше от мрачной изысканности городского центра в воздушный мир садов и уютных домиков. Машина остановилась у дома номер сорок пять по Штапферштрассе.

Солнце щедро грело. Я оказалась перед типичной для европейского пригорода виллой: узкая металлическая калитка, огорада, садик и в глубине, в тени огромных деревьев, — дом с оштукатуренными стенами.

Калитка была заперта. Я никак не могла обнаружить звонка. Кричать бесполезно, дом слишком далеко. Я стояла, минуты шли... Всплыли в памяти воспоминания о Москве — городе, где почти все двери на запоре... Внезапно мне захотелось бежать — вниз с горы, прямо к вокзалу, — как когда-то я сломая голову ринулась через площадь к гостинице после первой встречи с Солженицыным.

Но вместо этого я продолжала искать звонок. Попыталась стучать в калитку кулаком.

Следующее, что помню, — Солженицын, открывающий калитку, подающий мне руку, приглашающий пройти в сад. Чувство радости охватило меня. Солженицын — здесь, в Цюрихе, он такой же, как тогда в Москве, он жив и здоров! Наверно, и все наши недоразумения развеются с такой же легкостью, как отворилась передо мной эта калитка.

Но Солженицын был другим, чем в день нашего знакомства. Моложавый, энергичный человек преобразился в величественного мэтра. В нем было одновременно что-то и от военного, и от бордого священнослужителя, а взгляд — еще более пронзающий, чем прежде. На какое-то мгновение я ощутила себя унтер-офицером перед главнокомандующим, церковным служкой при князе церкви. Тон приветствий был подчеркнuto сердечен, однако мне сразу стало ясно, что из списка приближенных я навсегда вычеркнута...

Перед домом на солнце, под высоким, все еще голым деревом, стоял кухонный стол. К моему удивлению, Солженицын присел на него, вынимая записную книжку.

— Секунду! Мне надо кое-что дописать, — сказал он и принялся быстро выводить слова своим убористым почерком, в то время как я стояла рядом. «Командир партизан набрасывает план дневных операций...» Через минуту он поднялся со стола и повел меня в дом.

Это была типичная для богатого европейского предместья вилла: в доме было прохладно и царил полумрак. Гостиная меблирована скромно — стол, стулья, детская кроватка, наполовину распахнутый высокий стульчик. На полу столками высились книги и рукописи. Солженицын усадил меня спиной к окну, сам сел напротив.

— Как ваша семья, Александр Исаевич? — спросила я.

— Прекрасно! Каждый день говорю с женой по телефону. Степа приболел, но теперь уже выздоравливает.

— И когда вы ждете их сюда, в Цюрих?

— Жена собирает мои архивы. — На лице Солженицына, освещенном солнечным светом, мелькнула, невзирая на железный контроль, победная улыбка. — Она не покинет СССР, пока ей не позволят вывезти все архивы. Это мое последнее слово. Так что, Ольга Вадимовна, дата ее приезда пока неизвестна...

Помню, чуть ли не с первых фраз я стала доказывать ему, что в отсрочке американского издания первого тома «Архипелага ГУЛАГ» ни мы, ни Том Уитни, ни «Харпер энд Роу» решительно не повинны. Я подробно описала, как развивались наши отношения с д-ром Хеебом, добавив, что, если бы право на заключение контракта и завершение редактуры осталось за нами, первый том на английском языке был бы давно опубликован.

Солженицын слушал внимательно, но лицо его оставалось холодно и неподвижно. Выпрямившись на жестком венском стуле, я подробно рассказывала о том, что были два варианта первого тома, о том, что отредактированный экземпляр востребован не был, о том, как медленно работал Майкл Скэмвел над переводом Тома. По мере того как я говорила, все сильнее прорывались негодование и обида, охватившие меня при чтении открытки. Мне стоило усилий взять себя в руки.

И вдруг на непроницаемом лице Солженицына я стала улав-

ливать признаки некоторого смягчения. Мне показалось, что этот человек, который был способен допустить, что именно я спровоцировала его изгнание из России, уже готов поверить моим словам.

Он поднялся и пригласил меня в небольшую кухоньку выпить чаю. Промучившись с электроплитой, Солженицын все-таки умудрился вскипятить чайник, и мы снова присели — теперь уже за маленький кухонный стол друг против друга перед чашками с дымящимся чаем.

Солженицын вдруг принялся вспоминать о том, как они с Сахаровым успешно сражались в августе и сентябре прошлого года. Затем он внезапно смолк, поднялся, вспомнив еще о чем-то. Наверное, решила я, настала пора записать очередную мысль. Но нет — он возвратился с огромной квадратной жестяной коробкой, наполненной печеньем всевозможных видов. Солженицын явно восхищался такое разнообразие содержимого. Я взяла одно. Он тоже взял печенье.

— Поначалу мы с Сахаровым сражались каждый в одиночку, — продолжал он. — Нужно было заранее синхронизировать наши действия. Пули летели со всех сторон. — Он заставил меня взять еще одно печенье. Внезапно лицо его помрачнело. — Я постоянно находился под обстрелом! А вам ничем рисковать не приходилось...

— Александр Исаевич, — возразила я, — в своем последнем письме из Москвы вы обвинили нас в том, что мы предали сам дух вашей книги. В том, что мы сообщили о ней издателью, тогда как никто о ней не должен был знать. Но ведь вы же сами велели нам так поступить. Это было в январе 1968 года. Духу вашей книги мы не изменяли, именно поэтому нас встревожило то, что вы обвиняете нас в меркантилизме. Я лично была глубоко оскорблена.

— Это я велел вам сообщить издательству?

— Да, в 1968 году.

— Может быть, — неохотно выдавил он наконец, протягивая мне коробку с печеньем. — Да. Кажется, было так, как вы сказали...

Он вновь поднялся, начал в возбуждении ходить по кухне, завершая свой рассказ о событиях прошлого лета и осени. Перестрелка, контратаки, победы! Запах пороха, артиллерийские залпы! Он говорил, говорил — и до меня вдруг дошло, что он ни словом не обмолвился о самом трагическом событии тех месяцев — о гибели ленинградки, принужденной выдать рукопись «Архипелага ГУЛАГ»...

Тут Солженицын сообщил мне, что в КГБ сожгли его лагерную куртку.

— Жена тут же отправилась в тюрьму попытаться получить ее обратно, но оказалось поздно. Эти стражи порядка прямо какие-то фетишисты. Думали, что, уничтожив мой бушлат, они и меня уничтожат! — Он коснулся рукой висевшей на стуле новенькой синей швейцарской лыжной куртки и сказал: — Мне так его не хватает!

И — внезапно, с настойчивостью:

— Если бы, Ольга Вадимовна, «Архипелаг ГУЛАГ» вышел вовремя, они бы не посмели изгнать меня! Я выработал потрясающий план действий, все было готово к бою. Сколько трудов... — в словах его чувствовалась неутоленная жажда битвы. Словом, мне уже он опять не верил.

— Александр Исаевич, ничто не мешало д-ру Хеебу распорядиться, чтобы «Харпер энд Роу» печатали первый том в январе этого года. Быть может, у вас с ним произошла какая-то нестыковка?

Солженицын слушал меня, кивая головой. Снова показало, что он верит мне, — но лишь на миг...

И все же напряжение между нами спало. Он возбужденно излагал свои текущие планы.

Он собирается потрясти мир целой серией новых своих произведений. Он говорил — и я снова и снова убеждалась в его потаенном, сдерживаемом железной волей ликовании.

Вскоре у меня, если я хотела сегодня же вернуться в Женеву, уже не оставалось времени. Солженицын подал мне пальто, надел свою лыжную куртку.

Мы с ним шли к остановке трамвая, серые, влажные сумерки спускались на Цюрих.

— На трамвае быстрее, чем на такси, — заверил меня Сол-

женщины. Снова, как тогда, в первый раз, в Москве, я отметила зковскую привычку Солженицына становиться незаметным на улицах города. Человек в лыжной куртке, шагавший быстрой, уверенной походкой, внезапно перестал быть Александром Солженицыным. Он превратился в обычного цюрихского прохожего, направлявшегося в центр города.

На остановке он купил мне билет, воспользовавшись одним из автоматов, управлять которым умеют только швейцарцы. Коротко попрощался, лишь только многогагонный трамвай гусеницей подполз к тротуару. Я вскочила на подножку, оглянулась через плечо. Подняла было руку махнуть на прощанье — но Солженицын исчез, растворился в серых цюрихских сумерках...

Примерно через неделю, как раз когда я собиралась отбыть из Парижа домой, я получила незапечатанное письмо от Солженицына, отправленное через «ИМКА-пресс»:

7.4.74

Ольга Вадимовна! Я очень сожалею, что всю ту неделю, когда Вы могли приехать в Цюрих, д-р Хееб отсутствовал, и так я не имел встречной информации для разговора с Вами. По его возвращении я узнал:

— что в июне 73 он просил у Вас английский перевод, но Вы ответили, что это невозможно без согласования с Уитни и при «не окончательной готовности» («небольшой готовности») перевода;

— что в октябре 73, получив три тома «перевода», д-р Хееб так и не был осведомлен (и только сегодня узнал от меня), что это был так называемый «подстрочник», что вся дальнейшая работа Вашего коллектива над I-м томом так и не была никогда нам показана.

Ныне, обсудив печальное состояние перевода I-го тома, мы пришли к необходимости задержать теперь и русское издание. Поэтому отпадает вопрос о срочной публикации отдельных глав II-го тома на английском языке. Все дальнейшие детали и сроки д-р Хееб рутинным образом решит с издательством «Харпер энд Роу».

*С наилучшими пожеланиями
Александр Солженицын.*

Я сидела на открытой террасе кафе, на круглом столике передо мной лежало раскрытое письмо. Это, расположенное

в рабочем квартале кафе было памятно мне со времен моего парижского детства. Здесь собирались рабочие в синих комбинезонах из располагавшихся по соседству мастерских да еще хорошенькие молоденькие секретарши болтали здесь в свой обеденный перерыв. Когда-то в этом кафе сходились обитавшие в этом квартале русские художники, но теперь единственным русским посетителем здесь была я.

Забыв про кофе, я еще и еще раз прочитывала гневное послание Солженицына. В стремлении понять происходящее я вынула из сумочки записную книжку и, раскрыв на чистой странице, стала письменно анализировать обвинения:

«1. Как утверждает Солженицын, д-р Хееб заявил, что в июне 1973 года он просил меня передать ему английский перевод. Но ни разу за свой июньский визит в США официальный представитель Солженицына не попросил ни у меня, ни у кого другого ни один из имевшихся двух английских вариантов «ГУЛАГа». Я точно помню, что просил он только русский текст, который и забрал с собой. Значит, так как у меня никто ничего не просил, нелепо говорить об отказе с моей стороны. И откуда эти разговоры о неготовности перевода? В действительности, в июне 1973 года перевод был совершенно готов к сдаче в издательство. И поскольку во время своего пребывания в США сам Хееб лично встречался с Томом, как же я тогда могла говорить от лица переводчика?»

2. Видимо, д-р Хееб сказал Солженицыну, что, получив в октябре 1973 года три тома «перевода», он решил, что это отредактированный вариант. И, как следует из письма, которое я держу в руках, он заявляет, что только теперь и именно от Солженицына узнал, что полученный им перевод трех томов отредактирован не был. Как же так! Начнем с того, что в июне 1973 года, потчужа обедом чету Хеебов и Тони, я лично разъяснила адвокату, что лишь один из трех томов перевода «ГУЛАГа» отредактирован и готов к печати. Затем в сентябре того же года, узнав о решении Солженицына печатать «ГУЛАГ» и одновременно получив копию письма Хееба, где он просил выслать перевод Уитни, я попросила Тони предоставить «работу нашего коллектива над I-м томом» в распоряжение д-ра Хееба и получила ответ, что представитель Солженицына в этом нашем варианте не нуждается. Может быть, это Тони перестарался, отстаивая интересы Тома Уитни?..»

Я спрятала записную книжку в сумку. Возмущения, как тогда в Цюрихе, я уже не испытывала. Мне было ясно: я не сумела убедить Солженицына в том, что не мы виноваты в задержке английского издания «ГУЛАГа». Из его послания вытекало, что меня не замедлят закидать обвинениями в тайном сговоре, прямо в духе итальянской оперы. Я сложила записку и также убрала ее в сумку. Заказав очередной кофе со сливками, я развернула собственную рукопись и стала читать.

Это были мои воспоминания о детстве, над которыми я наконец-то, не так давно, начала работать.

Парижское кафе — идеальное для работы место.

Той же весной Солженицын опубликовал свое объемное автобиографическое произведение «Бодался теленок с дубом». Там есть одно место, относящееся к изданию «ГУЛАГа» на английском языке:

«... Еще раньше, вслед за русским тотчас, должно было появиться американское издание, мною все было сделано для того, но два-три сухих корыстных человека западного воспитания все обратили в труху... Американское издание опоздает на полгода, не поддержит меня на перетяге через пропасти — и только поэтому, думаю, наступила развязка. А могло быть, могло бы быть — чуть ли бы не отступление наших вождей, если бы на Новый 1974 год вся Америка читала бы реальную книгу, а в Кремле только умели сплести, что она воспевае гитлеровцев...»

Меня уже ничто подобное не задевало.

Немногие читатели остановят свое внимание на этой ремарке во французском или русском издании; лишь самые близкие нам люди, участники нашего «тайного круга», поймут, о ком идет речь. Но все же в глубине души я была потрясена несправедливостью такого обвинения...

Осенью мне стало известно, что Солженицын в присутствии моих родителей заявил, что в финансовом вопросе мы вели себя по отношению к нему непорядочно. Тогда я поняла: если не рассказать все, как было, то это ложное обвинение приплюсуется к его заявлению, будто это мы виновны в его изгнании из России.

...К началу 1976 года мы обустроились на зиму в Сан-Франциско, и я снова взялась за клетчатую тетрадь, в которую когда-то заносила начальные эпизоды этого моего повествования. Создавая рассказ о Солженицыне, осмысливая его роль в моей жизни, я обнаружила, что вскрываю такие тайники памяти, о которых я и не подозревала. Нескончаемая весна в Сан-Франциско лишь усугубляла чувство разрыва с прошлым. Я то впадала в отчаяние, то испытывала приливы боодушевления. Изю всех сил старалась я превозмочь это нелегкое для нас время, когда веселость чередовалась с депрессией, а моменты удовлетворения — с душевными терзаниями. Близкие постоянно советовали мне не ворошить прошлое. Я и сама хотела бы, чтоб время пригасило память о событиях почти целого десятилетия, но меня неудержимо влекло к ним.

Как-то раз мы пили чай, глядя в окно на живописную бухту, всю в белых крыльях парусов, — и тут Генри вспомнил слова «Нобелевской лекции» Солженицына: «И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддер-

живать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире, — но не через меня».

— Я буду помогать тебе в работе над книгой, — сказал Генри.

Собственно, нам и надо было вместе делать ее, как вместе мы участвовали во всем, что касалось Солженицына.

В тот солнечный день я сделала радостное открытие, которое, не будь я столько лет связана с советскими людьми и советской системой, сделала бы давным-давно. Оказывается, я — свободный человек. Я могу говорить правду.

В Советском Союзе — общаясь ли той давней весенней ночью у гостиницы «Ленинградская» с Солженицыным; глядя ли с негодованьем на таможенника, рывшегося в моем белье; навещая ли испуганных друзей, которые порой в ужасе показывали на потолок, — я, как и они, постоянно находилась в атмосфере той деградации, которая, сколь бы ни были велики внутренние ресурсы человека, всегда сопутствует живущим под прессом, привыкшим стараться жить украдкой, чтобы не позвонили тайные службы в дверь друзей или в твою собственную. И я, как они, испытывала потребность глушить в себе желание говорить открыто; и даже в собственной записной книжке выводила шифрованные каракули.

Наш круг не был единственным источником связей Солженицына за пределами СССР. Однако, пока Солженицын находился в России, наше предприятие было самым рискованным. Вопреки всяческому претонам наш круг остался, как и надлежало, тайным — пока его создатель не очутился на Западе.

Лишь ревнителям советской тоталитарной системы покажется дикой эта история о людях, живших по разные стороны железного занавеса, но преданных общему делу и работавших ради одного — ради правды.

Возможно, наш опыт послужит неким залогом, что в будущем этот разрозненный мир сможет объединиться в единое целое.

Той весной пианист Владимир Горовиц, выходец из России, давал концерт в «Окленд Одиториум». Помню открытый зал со стенами, украшенными позолоченной резьбой в стиле ар-деко, — и то, как он вышел на сцену, церемонно раскланялся и сел за черный рояль. Для своих семидесяти с хвостиком Горовиц выглядел на удивление молодо. Я слушала его игру и ощущала гордость и за то, что я русская, и за то, что я американка. Россия взрастила этого музыканта; Соединенные Штаты дали ему возможность выжить и сделаться одним из величайших артистов нашего времени.

Внимая звукам соль-минорной баллады Шопена, я думала: как поразительно богата человеческая натура! Я думала о Солженицыне. О том, как он распорядился своей жизнью. Впервые за многие годы я зримо представила себе весь его путь — как из лагерных глубин, грязи и несправедливости вел он свою борьбу, свою военную кампанию, направлял свои армии-книги маршем победоносного духа; и это навеки оставит свой след в истории двадцатого столетия. Под возвышенные аккорды я думала о человеке, который поднялся так высоко над обычной толпой, что приблизился к сонму далеких и даже суровых божеств.

Под звуки Шопена, мне казалось, я поняла, что за человек Александр Солженицын.

Всего за 20 рублей (включая стоимость пересылки) вы можете получить полный комплект журнала «Столица» за полгода

(26 номеров за январь — июнь 1991 г.).

Почтовый перевод с указанной суммой направляйте по адресу:

**101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.
Журналы будут высылаться незамедлительно.
Не забудьте сообщить свой адрес.**

Румынский вариант — что это все-таки такое? Заговор верхов? Восстание? «И то, и другое», — считает кандидат исторических наук Наталья КАЛАШНИКОВА.

Отечественные средства массовой информации 22 декабря 1989 года взяли очередной барьер на тернистом пути к гласности: после долгих лет умолчания все радиостанции каждые полчаса давали сводки о событиях в Румынии. Бухарест восстал. Кавалер ордена Ленина Николае Чаушеску именовался диктатором. Кровь и тысячи жертв на улицах Тимишоары и Бухареста. Перестрелки, изощренные действия «террористов», бегство правящей четы, трибунал и, наконец, казнь. Видеозапись с изображением окровавленных трупов Николае и Елены обошла многие страны. Европа давно не видела такого финала жизни государственных руководителей, восторги на Западе несколько поугасли.

Осмысление происшедшего в декабре 1989 года стало для румынского народа, пожалуй, не меньшим испытанием, чем двадцатипятилетние тяготы «золотой эпохи» Чаушеску. Каждая из почти тысячи появившихся в новой Румынии газет искала свою версию, своих очевидцев и информированных лиц, проводила самостоятельные журналистские расследования, интервьюировала бывших представителей высшей партийной номенклатуры.

Разнообразие самой прессы, различность свидетельств непосредственных участников события при молчании тех, кто действительно мог бы пролить на них свет, — все это создает картину туманную, где все меньше места находится для спонтанного выступления уставших от страданий людей и все больше — неясным силуэтам неких заговорщиков и еще более загадочным силам, поддержавшим их. Трудно отделить зерна от плевел в этом многоликом потоке информации, пока что можно лишь сопоставить те или иные версии, высказываемые на страницах румынской печати.

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

16—17 декабря 1989 года в трансильванском городе Тимишоара произошли столкновения между силами правопорядка и демонстрантами, организовавшими живую цепочку вокруг дома протестантского священника Ласло Текеша, которому грозила депортация. Эти выступления переросли в протест тысяч людей против режима Чаушеску. Подразделения милиции, которым противостояла толпа, вынуждены были отступить. Против демонстрантов были применены слезоточивый газ и огнестрельное оружие.

17 декабря состоялось заседание по-

литисполкома ЦК РКП под председательством Н. Чаушеску. Он оповестил собравшихся о происходящих волнениях, подчеркнув, что «здесь имеет место вмешательство иностранных шпионских кругов, прежде всего Будапешта». Обвинив в нарушении спокойствия и Запад, и Восток, он обрушился с гневной тирадой на своих подчиненных, не обеспечивших немедленное подавление движения. Подчиненные и на самом деле вели себя странно: несмотря на объявление чрезвычайного положения, войсковые части были лишены боекомплектов и вскоре заведены в казармы.

20 декабря возвратившийся из Тегерана Н. Чаушеску обратился к народу по радио и телевидению. Действия демонстрантов в Тимишоаре были охарактеризованы им как «инцидент с участием хулиганствующих антинациональных террористических элементов». 21 декабря по его указанию был созван митинг. К 10 часам утра Дворцовую площадь в Бухаресте заполнили манифестанты. Над их головами виднелись лозунги в защиту социализма в Румынии, портреты Николае и Елены Чаушеску, являвшейся членом политисполкома ЦК РКП и фактически на пару с мужем, а часто и вместо него, правившей страной. В полдень Чаушеску начал гневную речь, которой суждено было стать последней в его жизни. Он еще раз подчеркнул, что беспорядки в Тимишоаре были подготовлены и инспирированы враждебными силами, которые хотят «территориального расчленения страны». Примерно посередине его выступления в гущу толпы кто-то взорвал петарду, что внесло нервность в настроение манифестантов. Видеозапись, сделанная с прямой телетрансляции, отчетливо зафиксировала, что после этого негромкого хлопка Чаушеску так и остался стоять с открытым ртом и поднятой рукой. Телетрансляция была прервана, но возобновилась через три минуты. Вождь продолжал выступление, но в толпе уже слышались выкрики: «Долой тирана!», «Долой коммунизм!», «Долой преступников!». В то же самое время на соседних улицах формировались группы демонстрантов. К ним примыкали бежавшие с официального митинга. К 18 часам вся Университетская площадь была заполнена народом, скандирующим: «Румыния не побойтся скинуть Чаушеску!» Раздавались взрывы гранат со слезоточивым газом, толпу разгоняли водометами. В 23 часа там послышались первые выстрелы. Появились танки.

22 декабря последнего года «золотой эпохи» в 2.30 ночи министр внутренних дел Тудор Постелнику доложил «главнокомандующему», что в городе «уста-

новлены тишина и порядок». От 3 до 4 часов утра по его приказу поливальные машины мыли залитый кровью асфальт, закрашивались исписанные антиправительственными лозунгами стены. Но уже с 6 часов утра у университета снова стали собираться студенты с лозунгами «Долой Чаушеску!». В 11 часов вся Дворцовая площадь заполнилась людьми. Чаушеску в последний раз показался на балконе здания ЦК РКП, пытаясь воззвать к спокойствию. В 11.45 над крышей ЦК появился вертолет, на котором сбежали супруги Чаушеску. В здание ворвались манифестанты. Над балконом, где только что выступал диктатор, появился трехцветный румынский флаг с дырой вместо прежнего герба. В 17 часов того же дня на Дворцовой площади началась стрельба, осуществляемая вооруженными группами, получившими название «террористов». Горели здания королевского дворца, университетской библиотеки, национальной картинной галереи.

... История бегства, ареста, расстрела и погребения супругов Чаушеску до сих пор остается белым пятном румынской революции. Собрана масса свидетельств людей, видевших их по дороге, участников трибунала и погребения, и все же вопросов возникает немало.

Взлетев на вертолете с крыши здания ЦК, Чаушеску направились в сторону своей летней резиденции в Снагове. Об этом рассказал корреспонденту агентства Рейтер офицер службы охраны дворца. Он сообщил также, что супруги сделали из замка три телефонных звонка, потом Елена искала что-то в спальне, достала, по словам офицера, несколько сборгательных книжек, лежавших под матрацем. Поднявшись с парковой площадки Снагова, чета Чаушеску через некоторое время сменила вертолет на машину «секуритате» (служба безопасности), а вскоре и на другую, гражданскую. В нескольких километрах от города Тырговиште некто Н. Петришор мыл свой автомобиль, когда к нему подбежал какой-то человек и, угрожая пистолетом, приказал сесть за руль и взять двух пассажиров. По рассказу Петришора, Николае Чаушеску сидел рядом с ним, а его жена — сзади. При этом Елена выказывалась за то, чтобы укрыться в лесах, а Николае полагал, что они должны искать помощи у рабочих на фабриках. Он был крайне расстроен и постоянно повторял: «Во времена моей молодости здесь ничего не было. Я дал им все. Я дал им все...» После бесполезных поисков убежища на улицах близлежащего поселка и сельских дорогах беглецы остановились у районного центра по охране предприятий, где около десятка человек, смотревших телевизор, рас-

смеялись, когда Петришор сказал им, что супруги Чаушеску на улице. Румынское телевидение незадолго до этого передало сообщение об их аресте, которое затем было опровергнуто, но впоследствии подтверждено. И только испуганный вид водителя смог убедить их. Они вызвали военных, пока тот вводил Чаушеску в помещение. Этот рассказ, опубликованный почти всеми румынскими, рядом французских и американских газет, имеет альтернативные версии. По одной из них, например, супруги Чаушеску были найдены в помещении зернохранилища в том же поселке.

В течение трех дней арестованных содержали в одной из воинских частей, помещая на ночь в кабину бронетранспортера. Генерал Войкан Войкулеску, которому была поручена организация трибунала, отмечал в одном из интервью, что в условиях усиления сопротивления со стороны «террористов» этот процесс необходимо было провести в самом срочном порядке. Румынская «Диминьяца» опубликовала материалы, связанные с организацией самой процедуры трибунала. На основе заранее подготовленного прокуратурой дела были приглашены двое военных судей, военный прокурор и секретарь суда. В то время когда отведенный под суд зал уже был оборудован мебелью, Войкан Войкулеску настраивал судебный состав на то, как вести дело. Речь шла о нескольких общих рекомендациях, согласно которым супругов Чаушеску надо было считать «просто злодеями». Было предложено относиться к ним с таким презрением, «которого заслуживают одиозные преступники», что и было осуществлено на практике: к ним обращались в непарламентской манере и «на ты». У адвоката не было времени, чтобы заранее обсудить с подзащитными возможные варианты хода процесса: когда он прибыл, они уже сидели в помещении. Свидетели на суд не вызывались. Вся процедура заняла два-три часа. Стенограмма процесса, сделанная на основе видеозаписи, была опубликована и у нас. Останавливаться на этом подробно нет смысла. Бросалось в глаза, что обвиняемым не давали говорить, вопросы обвинителя касались частных сюжетов и избегали главного, роль адвоката свелась к предложению обвиняемому признать свою умственную неуравновешенность, что было с возмущением отвергнуто ими, после чего защита выступила уже в роли обвинения. Одним словом, при всей одиозности личностей Н. и Е. Чаушеску следует заметить, что трибунал этот скорее походил на фарс и, как отмечали некоторые западные газеты, честнее

было бы пристрелить их «при попытке к бегству».

Чаушеску инкриминировали геноцид более чем 60 тысяч человек. Трибунал настаивал на цифре 64 тысячи погибших в течение 17—25 декабря 1989 года. Эта страшная статистика фигурировала в заявлениях официальных лиц и в прессе почти месяц, и лишь спустя полгода она была «скорректирована». Это потрясло. Термин «румынский вариант» стал синонимом самого кровавого народного восстания в Европе со времен второй мировой войны, символом переполнения чаши народного терпения и мощного взрыва людской ненависти к порабощающей власти.

С тиранами было покончено, общее ликование и скорбь о погибших родных и близких, окрыленность победой и свободой — все это сплеталось в единый эмоциональный клубок. В условиях длительного времени нагнетавшегося вакуума политической культуры свержение диктатора стало желанной и конечной целью для многих в стране. Между тем вопрос «что дальше?» вставал все с большей остротой. Политическое размежевание в едином в прежней ненависти к режиму Чаушеску обществе активизировалось законодательно оформленным курсом на политический плюрализм. Переведя дыхание после декабрьской драмы, многие задумались: а что же произошло?

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ НОВОЙ РУМЫНИИ

Анализируя происшедшее 16—22 декабря 1989 года, независимый бухарестский еженедельник «Экспрес» сформулировал целый блок оставшихся без ответа вопросов. Являлись ли события государственным переворотом или все-таки имели стихийный характер? Имело ли место и в какой форме иностранное вмешательство или влияние на непосредственное развитие событий? Кто отдал приказ стрелять в Тимишоаре? Кто посоветовал Чаушеску в обострившейся до предела обстановке 21 декабря провести митинг в Бухаресте и кто взорвал там петарду, вызвавшую неуправляемое движение толпы? Кто дал приказ стрелять на Университетской площади? Почему чета Чаушеску бросила вертолет — растерянность или действие людей, кое-что знающих и понимающих в происходящем? А если решение бросить вертолет принял не он, то кто же? Почему на митинге 22 декабря «террористы» не стреляли по появившимся на балконе здания ЦК пред-

ставителям ФНС? Как составлялся список членов ФНС? Когда они впервые собрались вместе? Кто стрелял на Дворцовой площади и кто эти «террористы»? Почему не был предъявлен ни один из них ни живым, ни мертвым? Почему удалось так быстро подключить к действиям людей из ближайшего окружения Чаушеску — переводчиков, личных секретарей, пресс-атташе? Почему так странно велся допрос супругов Чаушеску на трибунале, почему им не давали говорить? Перечень вопросов можно было бы продолжить. Почему, например, не сработал план «М» («Мобилизация») и другие секретные планы; предусматривавшие обеспечение бегства диктаторов из страны? Почему так неестественно завывалась численность погибших и сколько их было на самом деле?

С определенной достоверностью пока можно ответить лишь на последний вопрос. К счастью, жертв оказалось значительно меньше. В конце декабря 1989 года погибло 1030 человек, из которых 534 — в Бухаресте; молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет — 352 человека. Определен и социальный состав погибших: 513 — рабочие и инженерно-технические работники; 33 — представители интеллигенции; 139 — военные, кроме того, солдат срочной службы — 134; лиц без определенных занятий — 127; детей школьного и дошкольного возраста — 58; студентов — 9 человек; иностранных граждан — 7. Цифры в некоторой степени опровергают тезис о «революции детей».

В конце августа 1990 года газеты опубликовали сенсационное интервью активных участников этих событий политолога С.Брукана и генерала армии Н.Милитару. В интервью откровенно говорилось о заговоре против Чаушеску, который и привел в конечном счете к его падению. По их словам, заговор был задуман как часть народной революции, а не только как военный путч. Однако, поскольку диктатура была весьма сильной, заговорщикам не удалось установить необходимую связь между военным заговором и возмущенными народными массами. В интервью говорилось, что «террористами» были члены четырех спецгруппировок: военной школы госбезопасности, спецподразделения по борьбе с терроризмом, 5-го управления, отделения «секуритате» Бухарестского округа — всего 4000 человек. Переход армии на сторону демонстрантов не был спонтанным: к 1989 году заговорщиками была обеспечена поддержка большей части армии и всех регулярных войск «секуритате» численностью до 25 тысяч. При этом события в Тимишоаре были

действительно стихийными и возникли без предварительной подготовки. В отличие от массы других высказываний данное интервью нашло отклик у президента. Размышляя над тем, была ли декабрьская революция результатом заговора, И.Илиеску отметил, что «исторический процесс был гораздо сложнее», и если уж вести разговор о заговоре, скорее нужно говорить «о многих заговорах. Весь народ участвовал в своего рода заговоре против Чаушеску». Возвращаясь к проблеме «террористов» в интервью газете «Универсул», президент Румынии признал, что этот вопрос «продолжает оставаться неясным» и для его прояснения «нет достаточной информации».

«Официальная версия» не удовлетворила многих в стране. Требование раскрыть правду стало серьезным препятствием на пути к последующему национальному примирению и было подхвачено сформировавшейся оппозицией как программное. Основным камнем преткновения явился оставшийся без ответа вопрос о причинах гибели военных и гражданских лиц, детей. В ответ на молчание властей оппозиционная печать предпринимает попытку за попыткой вскрыть истинный характер декабрьских событий. Большая часть таких расследований склоняется именно к версии о государственном перевороте, подготовленном группой лиц заранее. В свою очередь реакция населения 16—22 декабря позволила замаскировать подготовку заговора против Чаушеску и успешно осуществить его. Мелькают версии и о «руке Москвы», не подтвержденные, однако, до сих пор какими-либо серьезными аргументами. Существуют и контрверсии заговора, основой которых является весьма здравое по сути предположение, что если допустить, что в период 16—22 декабря Чаушеску не окончательно выжил из ума, то удивительно, что «секуритате» не выдала ему нескольких заговорщиков. Вывод отсюда следующий: или «секуритате» работала с ними рука об руку, или самостоятельно решила избавиться от Чаушеску. О том, что недовольство вождем зрело во всех эшелонах власти, включая самые высшие ее структуры, свидетельствует и бывший министр иностранных дел Штефан Андрей, давший серию интервью газете «Тинеретул либер». Происхождение же «террористов» все более увязывается с наличием на территории Румынии специальных центров подготовки боевиков, «коммандос», как их называет румынская пресса, где, среди прочих, проходили обучение представители иностранных наиболее ортодоксальных ближневосточных прокоммунистиче-

ских режимов. На этот счет «Румыния либерэ» опубликовала очередное сенсационное интервью с «весьма осведомленным лицом, пожелавшим остаться неизвестным», в соответствии с которым через несколько недель после революции «президент одной из стран», непосредственно «замешанной» в событиях, начал «угрожать румынскому правительству репрессиями против нескольких тысяч румынских специалистов», работавших на территории этого государства, в том случае, если не будут выданы как живые, так и мертвые «террористы». В результате этого шантажа, по версии «Румыния либерэ», через несколько дней раненые люди и гробы были погружены на самолет и отправлены в неизвестном направлении.

Можно ли полностью положиться на это и другие «компетентные мнения»? Молва продолжает гадать. В этом смысле царствует слово «говорят». Говорят, что феномен терроризма в Румынии является частью заранее подготовленного сценария. Говорят, что где-то существует другая, отличная от официальной, версия румынской революции. Ни то, ни другое, ни третье, ни десятое опровергнуть пока невозможно, так как офици-

альная информация «запаздывает». А вопрос, между тем, не праздный, речь идет о человеческих жизнях, потерянных навсегда. В этом молчании слухи разрастаются и становятся изощренными, подчас нелепыми, и все слабее надежда, что все уляжется и позабудется.

И все же, что главное в декабрьских событиях 1989 года? О чем можно говорить с полной уверенностью? В стране был опрокинут страшный монстр тоталитаризма. Учитывая цену этой победы, можно с уверенностью сказать, что больше в стране подобного не повторится. Если и была определенная подготовка смещения Чаушеску, а, судя по многочисленным данным, такие разговоры велись всеми и везде, то назвать это заговором в полном смысле нельзя эти действия отвечали чаяниям всей нации. Кроме того, мощное движение снизу воспрепятствовало бы любой паллиативной мере, смяв всю прежнюю государственную машину, что и произошло на практике. До свержения Чаушеску и в самом акте одобрения решения трибунала вся страна была едина. Разногласия начались позже, когда остро встал вопрос о власти. Вопрос для Румынии непростой. Компартия страны

была немедленно запрещена и заклеймена, проклятия на нее сыпались и слева, и справа. Но в «золотую эпоху» каждый четвертый гражданин страны являлся коммунистом, партбилет был пропуском к должностям и образованию. Нет, пожалуй, специалиста в стране, который не состоял бы в ее рядах. Так что «коммунистическому проклятию» подлежит, учитывая численность членов РКП и их семьи, половина страны. И в новых структурах власти также большинство «бывших», и абсурдны в этой связи требования оппозиции «долой номенклатуру из правительства!». Где же взять других профессионалов?

Один из первых законов-декретов ФНС касался департизации армии, суда, прокуратуры, ряда правительственных и государственных структур. Что же до социалистической идеи, то она вызывает в стране священный ужас у большинства населения; слишком сильны еще воспоминания о «всесторонне развитом социализме» Чаушеску. Но только ли «идея» двигала массами людей, вышедшими на улицы Тимишоары и Бухареста? Анализируя декабрьские события, газета «Адевэрул» писала: «Любой румын знает, что в те дни и незадолго до начала событий люди были озабочены тем, где достать лекарства, еду, как обогреть дом. Почему же сегодня мы боимся признать, что при диктатуре Чаушеску мы прекрасно приспособились к двойному образу мышления, делая и говоря не то, что думаем, но не могли приспособиться к жизни без еды, медикаментов, тепла? Мы согласились заменить мысли идеологией, но не могли согласиться заменить еду голодом. В этом и заключается объяснение революции: люди, более всего страдавшие от нищеты и лишений, с самыми низкими материальными возможностями, с самыми большими заботами — именно они острее всего почувствовали необходимость прекращения этого издевательства над народом. И под танки бросались не те, кто осознал банкротство идеологии, а те, кто из-за этой идеологии сам стал экономическим банкротом». И нельзя не признать, что есть в этих горьких словах сермяжная правда.

Давшая истории пример одного из наиболее жестких тоталитарных режимов Румыния медленно и трудно выбирается из тяжелейшего экономического, политического и духовного кризиса: общество делает первые, еще нетвердые шаги к демократизации, но без проблем, но продвигается процесс разгосударствления, вступил в силу удовлетворивший практически все политические партии закон о земле. Но это уже тема для нового разговора..

После казни

«РУПЬ У САВЕЛОВСКОГО ВОКЗАЛА»?

Заметки по пути к выставке

Кто видел 18 лет назад крошечную выставку литографий Шагала в Третьяковке, в Лаврушинском, — тишком, по-мыши, открытую и так же точно свернутую, впихнутую в заласник, «в шапку, в подкладку», едва мэтр, прилетевший на вернисаж, улетел обратно к себе в Сен-Поль де Ванс...

Кто дежурил со мною в то жаркое утро у служебного входа (всего-то — два десятка обожателей, невест как разведавших, каждый своим путем, что: да, уже в Москве! и на вернисаже — будет!)

Кто помнит — вряд ли свяжет в памяти тот третьяковский закуток с феерической ретроспективой на Волхонке к столетию Марка Шагала. Здесь — эффект примерно такой, как если бы в ряд были вывешены «Мона Лиза», «Менины», «Ночной дозор» и «Едоки картофеля»: такие знаменитые были впервые показанные нам, в России, шагаловские женихи и невесты, скрипачи и раввины! А та, первая выставка в Третьяковке — да у любого парижского букиниста выбор эстампов Шагала куда щедрее!

Меж тем связь двух выставок — самая прямая. Тогда, 18 лет назад, Шагал приезжал, чтобы принести в дар родному Витебску то, что не стал никому продавать — оставил себе. Самое любимое, дорогое — из созданного за целый век!

От картины к картине, из зала в зал ида теперь на Волхонке, полтора десятилетия спустя, я с грустью читал на ярлыках под едва ли не двумя из трех картин: «Собрание семьи художника».

ШАГАЛУ нужно было немного: чтобы мы построили для его картин в Витебске, на родине, дом. Крыша над головой нужна была.

Ему слишком часто в жизни приходи-

лось менять место жительства. Он хотел, чтобы картины в итоге вернулись туда, откуда он сам когда-то вышел в мир.

Госпожа Фурцева в ответ на предложение Шагала заметила, что у нас не принято создавать прижизненные памятники.

Соврала — во-первых.

Не отказала — заметьте. Порокомендовала « подождать до смерти». Тогда — другое дело. Можно будет подумать о двух-трех залах в городском музее...

Шагал обиделся. Отказался от поездки в Витебск. Заехал в Ленинград, зашел в Академию художеств — куда его когда-то не приняли, разумеется, из-за «пятого пункта». Постоял там на пороге, мило побеседовал с консьержкой-сверстницей.

Рано утром вернулся в Москву. А днем в гостинице «Россия» принял на прощание нескольких гостей.

В подземном переходе под Старой площадью колхозницы, странно похожие на шагаловских молочниц, продавали букеты васильков. Не знаю почему — я выбрал их, а не гвоздики или розы.

Кому-то еще до меня они приглянулись: в банке на столе в гостиничном номере стоял точно такой же букет.

Об этих васильках А.Вознесенский потом написал стихи:

Марка Шагала, загадка Шагала —
рупь у Савеловского вокзала!.

У художника есть множество натюрмортов с цветами. С васильками, помоему, ни одного. Так что тут не о какой-то его особой симпатии к этим «всемирно красивым сорнякам» надо говорить — а о совпадении. Впрочем, промыслительном. Надо же было, чтобы эти две тетки, спасаясь от жары, нырнули под расплавленный асфальт, облом-

Музеи еврейского искусства есть во всех крупнейших столицах мира. Не исключено, что однажды такой музей будет открыт и в Москве. И тогда его основатели наверняка вспомнят о выставке «ДИАСПОРА. Евреи и Россия: XX век». Создал ее в неправдоподобно краткий срок Григорий БЕНЬКОВИЧ — человек, чье имя решительно ничего не говорит музейным работникам и коллекционерам, но который смог воплотить блестящую художественную идею, твердо сознавая: красота действительно способна спасать мир, в самом буквальном смысле, — если следовать примеру не только Достоевского и доктора Швейцера, но также Третьяковых и доктора Хаммера. Бенькович — бизнесмен, меценат и президент Фонда помощи еврейским детям — инвалидам и сиротам.

Мы публикуем заметки нашего обозревателя об этой готовящейся к показу в Москве выставке и своеобразный эпиграф к ней — эссе философа Г.С.Померанца (оно открывает каталог экспозиции)...

ки Китай-города, фундамент ЦК — и стали на нашем пути к Шагалу!.

В Третьяковке, проходя ее насквозь, он остановился лишь дважды. Перед Левитаном. Вспомнил смешную историю: в молодости много и удачно копировал. Один антиквар купил у него за гроши довольно удачное повторение левитановского «Марта». В одном углу написано было «Левитань», в другом — «копироваль Шагаль». На следующее утро впервые в кои-то веки позавтракавший художник шел мимо витрины того антикара — и увидел выставленную в ней его копию. Только подпись теперь красовалась лишь одна: «Левитань». Фамилия Шагала была за ночь замазана... Знать бы, улыбался он теперь, кому та копия досталась!.

И еще остановился — надолго — перед «Троицей» Андрея Рублева.

Вот он откуда в действительности просочился на поверхность шагаловских холстов — его «непобедимо синий завет: небом единым жив человек!» И не надо нам слишком уж насчет наших запоздалых букетов обольщаться!

...ПОЧЕМУ я все это вспоминаю, глядя на «Бродячих артистов» Шагала из коллекции «Диаспора»? Работа, не содержащая намека на тему еврейскую, совсем из другого — циркового цикла, она все же символична.

Странники мы на земле. Воистину так.

Но что-то есть в фактуре этого графического листа — не то от осыпавшейся фрески, не то от разбитого античного барельефа, — напоминающее хрупко и строго: нет в человеческой природе ничего такого, что понуждало бы кого-то одного, целый ли народ бежать сломя голову, катиться по миру, будто перекапти-поле... И если начался этот бег, если разлагается на наших глазах какой-

то космический иммунный механизм, до последней минуты стоит бороться с ним, препятствовать ему в этой грозной тяге, в этом беге к саморазрушению.

«Деловой человек» (так это у нас называется) Григорий Бенькович возглавил год назад Фонд помощи еврейским детям — инвалидам и сиротам. Дело совсем не простое.

— В самом начале работы на все наши запросы советские учреждения отвечали: у нас таких детей нет. Но уже в первом Доме ребенка, который мы посетили в Москве, мы обнаружили троих детей-сирот, — рассказывает Бенькович. — Беда еще в том, что «детские учреждения» у нас подчиняются разным ведомствам. А сколько еще детей-инвалидов, проживающих с родственниками! А сколько сирот, находящихся на попечении дядюшек, или бабушек, или посторонних лиц!

Короче говоря: огромная часть самого юного поколения евреев в СССР сегодня — точно по ветру развеянный прах. Мы хотим собрать этот прах воедино, вдохнуть в него жизнь. Несколько интернатов в Москве и Петербурге в этом году станут базовыми для создания групп детей, собранных из разных мест поодиночке. С ними мы будем заниматься изучением истории еврейского народа, его языка, религии и традиций. В занятиях, впрочем, смогут участвовать, если захотят, ребята и других национальностей. Материальная помощь будет оказываться не только еврейским детям — но всему детскому дому, интернату, Дому ребенка или исправительно-трудовой колонии.

Мы купим детям одежду, лекарства, игрушки, книги, оборудование и мебель — мы уже нашли достойных партнеров за границей.

Разумеется, у нас все время возникают серьезные финансовые проблемы (особенно в валютной части). Но в гораздо большей мере мы озабочены созданием реального общественного резонанса на деятельность Фонда: ведь она тесно переплетена с нынешним массовым исходом евреев из СССР. Его невольными жертвами ежедневно становятся дети... Вот почему мы заложили уже в ближайшие планы несколько ярких культурных проектов. «Диаспора» — первый из них...

КОЛЛЕКЦИЯ сложилась спонтанно из двух частей. Первая — искусство начала века. Это как бы художественный контекст жизни евреев в России на рубеже революции. Бакст, Штеренберг, Юдовин, Фальк — превосходные вещи из личных собраний, ни разу доселе нигде не экспонированные. Неожиданна и сразу узнаваема графика Валентина Серова.

Вот — один из остроумных ходов в сюжете построения коллекции! Она словно бы пародирует классифи-

Марк Шагал.
Странствующие музыканты. 1950-е годы.

кацию «Памяти»: этот — «чистопородный», этот (как Серов) — «полукровка», а этот (хуже всех!) — «породненное лицо»... Ну а эти — попросту «жидовствующие». И вообще: все эти — евреи! Так изъясняются «памятники» в России в 1991-м.

А вот так восклицала в 1941-м в оккупированном Париже мать Мария (Е.Ю.Кузьмина-Караваева): «Да как же вы не поймете, что не евреев гонят! Всех нас гонят!»

Тема Освенцима не присутствует на выставке буквально — и, однако ж, это контрапункт выставки. Пепел Освенцима, кажется, припорошил гуаши А.Тышлера и наивную живопись С. Рубашкина, акварельную сюиту Евг. Добровинского «Исход» и гротескно-зловещие рисунки тушью Л.Тишкова. Это не политическая — но поэтическая тема, и поэтика ее — библейская по сути. Острее всего она чувствуется, как ни странно, там, где разговор заходит о любви, — как, например, у покойного В.Сидура или в живописных вещах И.Затуловской.

Хрупок человек...

Начало века — и его конец.

Элегические, почти дагерротипные по пластике и атмосфере, рисунки Л.Пастернака (рука тянется снять с полки том ранней прозы его сына...) — и

жесткие по композиции и колориту холсты фаворитов «Сотбис» И.Кабакова, Л.Табенкина, Г.Брускина, впитавшие всю желчь и слезы доживающего свой век века.

Редкая выставка: смотрящаяся на едином дыхании, переживаемая как сплошной, непрерывный сюжет. Что за пружина движет им? Надобно, разумеется, воздать должное помощникам Г.Беньковича: художникам, искусствоведам, коллекционерам, буквально по нитке соткавшим эту, в прямом смысле, «нищему рубашку», — их вкусу, терпению, изобретательности. Многих художников (а современный раздел «Диаспоры» полностью состоит из работ, представленных самими авторами) приходилось уговаривать по несколько месяцев подряд.

И практически все, что задумывалось, удалось.

Теперь — начинается самое главное. Выставке предстоит долгое путешествие. Ее ждут чрезвычайно престижные музеи Парижа, Рио-де-Жанейро, Копенгагена, Лондона, Иерусалима, Праги, Нью-Йорка. Там она будет показана на условиях коммерческо-благотворительных: все сборы пойдут в пользу Фонда, возглавляемого Г.Беньковичем.

Но, кажется, именно это обстоятельство и препятствует пока открытию экспозиции «Диаспора» в Москве. И ведь о малом — в сравнении с тем, что уже удалось, — идет речь.

О крыше над головой.

Диаспора, рассеяние, распыление народов, существует, по крайней мере, четыре с половиной тысячи лет.

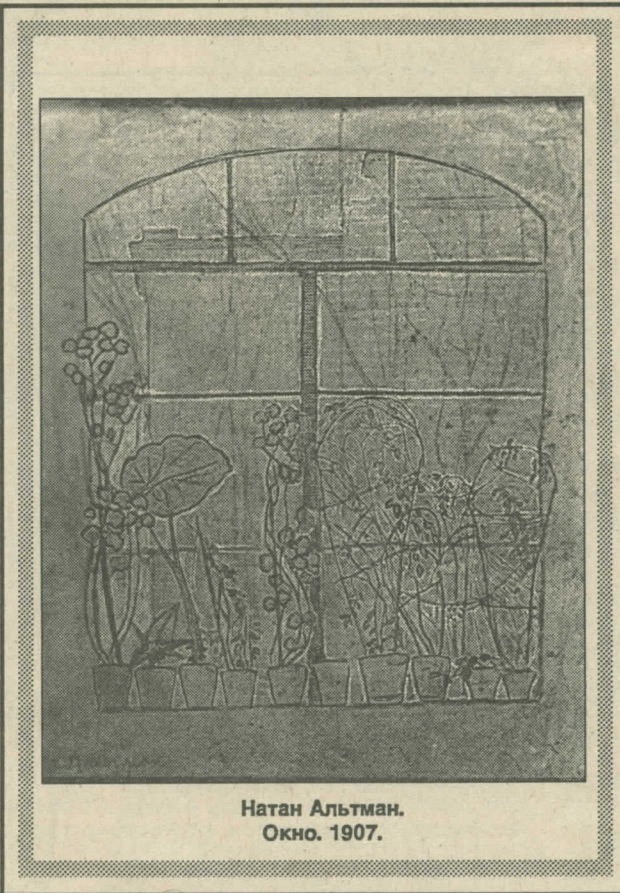
Первые упоминания об иберу (чужаках, метеках) — в архиве Эблы, разрушенной в XXIII в. до Р.Х. Это был большой по тем временам город — 250 000 жителей, торговый центр, притянувший людей со стороны, освещенных там, но не до конца слившихся с местным населением. Однако неустойчивые группы на периферии местных культур постепенно всасывались в этногенез народов земли.

Подобные текучие диаспоры возникают и сейчас, в XX веке: эмигранты из Ирландии, Италии, Польши. При нынешней простоте передвижения почти каждый народ пустил облако диаспоры. Да и в сердцевине своей земли он до какой-то степени «диаспоризован», двукультурен, многокультурен; он европеизирован, американизирован, ориентализирован... Этническая

подлинность становится статистическим, вероятностным явлением, она сделала еще один шаг от монолитного племени к чему-то новому. Тем не менее Соединенные Штаты остаются Соединенными Штатами. И через одно-два поколения итальянцы и ирландцы становятся американцами; даже у расово обособленных групп нет тяги назад — в Африку, в Азию.

Мой знакомый спросил американского еврея, за кого бы он стал воевать в случае конфликта с Израилем. Помявшись, американец ответил: «За эту страну» (Америку). Однако ему долго не хотелось отвечать. Между тем генерал Эйзенхауэр, по происхождению немец, не испытывал, кажется, никакого внутреннего раскола, командуя союзными войсками во вторую мировую войну.

Евреи представляют особый случай. У них почва в небе и корни в земле. Полностью ассимилируются отдельные люди, для которых потеряла силу обособленная и в то же время всеобщая (по идее) вера, ассимилируются как атеисты или как неохиты. Народы, сохранившие веру, не ассимилируются. Их Бог — единый Бог, не связанный накрепко ни с какой землей и в то же время заключивший Завет со своей избранной, единственно верной общиной: еврейской,

Натан Альтман.
Окно. 1907.

Григорий ПОМЕРАНЦ БУДЬ МИЛОСТИВ К ЧУЖАКУ

армяно-грегорианской, — несторианской. Такая диаспора может быть названа народом-церковью (или церковью-народом). Для нее «всякое отечество чужбина и всякая чужбина отечество» (это сказал один из апологетов III века о христианах; потом повторил блаж. Августин. Раннее христианство еще сохраняет духовную связь с диаспорой, из которой выросло). Но диаспора — не кочевое племя, как цыгане; это вообще не племя, а особая ветвь высокой, детрибализованной цивилизации. Это группа с высоким интеллектуальным потенциалом, способная подниматься на высшие ступени культуры любого народа — и в то же время остающаяся инородным телом (Соломон Лурье, автор книги «Антисемитизм в древнем мире», видит в неразстворимости еврея одну из главных причин антисемитизма. Современные попытки отделить «русскую» литературу от «русскоязычной» связаны с тем же: с каким-то оттенком еврейства, остающимся во многих русских писателях еврейского происхождения).

Опыт показал, что только народы с крепко укоренившейся плюралистической культурой, основанной на самостоятельности каждой личности, способны вынести человека диаспоры без вспышек ненависти. Культуры соборные (где соборность компенсирует недостаточную оформленность личности) воспринимают человека диаспоры как нерешенную проблему ассимиляции или (в крайних случаях) как угрозу, как «жидомасонский заговор». Не научившись быть самими собой, люди ищут тождества с собой в национальном тождестве, и для них еврей-писатель, вне зависимости от его дара, представляется агентом сионизма, разлагающим самую душу России (которая мыслится, в

духе Шатова, как нечто совершенно особое, не с чем не тождественное, как языческий племенной бог). Отсюда болезненно обидчивое восприятие отдельных фраз, типа «Россия — сука» (у Абрама Терца — Андрея Синявского в «Прогулках с Пушкиным»). Никто не анализирует процесса обогащения культуры «чужим», ставшим своим (украинское у Гоголя, абхазское у Искандера и т.п.). Никто не вспоминает Моцарта, музыка которого зазвучала на немецко-итальянско-

венгерско-славянско-цыганском перекрестке. Всякое нарушение стандарта ненавистно. Всякое неповторимо-личное, уклоняющееся от толпы — раздражает.

Корни противостояния уходят в религию. Устойчивая диаспора связана с особым типом монотеизма. Там, где нет монотеизма, есть бродячие племена (цыгане — выходцы из Индии), но диаспоры нет. А там, где нет особого монотеизма, слившегося с плотью народа, диаспора быстро растворяется. Дети Инессы Арманд, чистокровные французы, записались русскими. Денис Иванович фон Визин, чистокровный немец, всеми почитается русским.

Эта связь монотеизма с диаспорой подсказала мне мысль, что и первые шаги монотеизма не обошлись без диаспоры или, по крайней мере, без «плена» (египетского, вавилонского), без угона с земли. Попадая на землю, евреи начинали молиться ваалам. Только потеряв землю, они со всей силой тянулись к Единому, который в небе. История евреев — чередование периодов (земли обетованной и диаспоры). В диаспоре народ освобождался от почитания земли и богов земли. В земле обетованной — разворачивал свою культуру, которую хранил в изгнании, как Книгу. Если спросить, что важнее, то это отчасти напоминает вопрос: курица раньше яйца или яйцо раньше курицы; но я все же думаю, что диаспора важнее своей необычностью, нестандартностью. Нестандартность еврейства (сравнительно с народами земли) легче объяснить из периодов рассеяния и плена, чем из довольно обыкновенной истории маленького ближневосточного царства. Это не аргумент против сионизма: время от времени храм надо восстанавливать. Но я против идеологической гордыни, против презрения к галуту. Мне смешна самонадеянность цыпленка, презирающего яйцо, из которого он только что вылупился.

Диаспора — колыбель вселенского монотеизма. Апостол Павел создал церковь из диаспоры: взял народ-церковь, отбросил специфически народное (обрезание, кошерное) и оставил христианский кагал. Диаспора — одно из орудий вселенского просвещения. Диаспора, теряя свой религиозный стержень, становится одной из нитей в

Лев Табенькин.
Человек с собакой. 1985.

сплетении современной западной культуры. Этот процесс убийствен для существования малого народа, но нельзя сказать, что он не имеет смысла. Ассимиляция евреев в русской, немецкой, французской, американской и других культурах так много дала, что просто невозможно выдернуть из науки и искусства еврейские имена: рассыплется вся ткань. Однако Бог недаром создал антисемитов: должно сохраниться нечто и для следующих жертвоприношений, и потому процесс ассимиляции вызвал встречный процесс диссимиляции, возник Израиль, возродился народ Израиля. Сколько он продержится? Не знаю.

Волны будут еще долго подыматься и опускаться...

Я убежден, что трагизм израильской истории — в незримом гетто закона, в противоречии между мировой идеей и племенным ее воплощением. Но указание на трагизм не есть отрицание. То, что существует три тысячи лет, не могло быть простой ошибкой, которую разум способен устранить. Существует Диаспора. Существует тяга в Землю обетованную. Существует восстановление израильского государства. Су-

ществует серия катастроф Израиля.

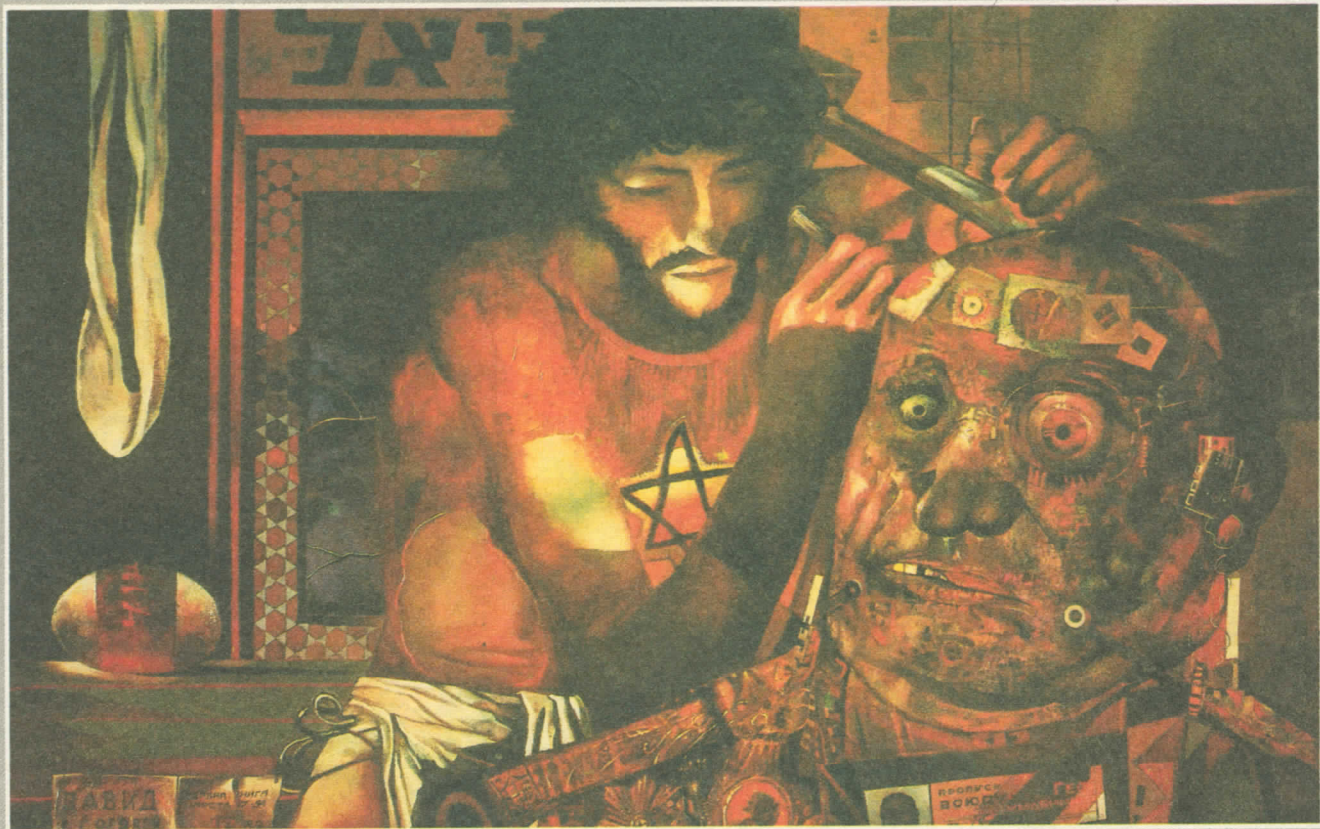
Почти каждый успех израильского оружия связан с новыми страданиями палестинских арабов. Есть какое-то высшее проклятье, не дающее разрешить проблему беженцев. При расколе Британской Индии на два государства беженцев было 16 млн., но они «всосались», хотя Индия и Пакистан очень бедны. В Восточной Европе изгнаны миллионы немцев. Их воссала ФРГ в первые свои, бедные годы. А несколько сот тысяч палестинцев остаются бельмом на глазу человечества, несмотря на миллиарды нефтедолларов. Более того, именно щедрая помощь ООН дала возможность беженцам оставаться беженцами (их сорок с лишним лет кормят, поят и дают бесплатное образование, воспитывая кадры террористов). Для арабов дело чести — уничтожить Израиль, и беженцы сохраняются как аргумент в споре, как язвы у вестника лишения. Восстановление арабского национального очага рядом с еврейским — смертельная угроза для Израиля; но избежать ее морально невозможно, разве только ценой отказа от Библии. Там несколько раз сказано: будь милостив к чужаку (пришельцу, страннику), ибо сам ты был чужаком (пришельцем, странником) в земле Египетской.

Если бы часть Палестины захватили турки (как захватили часть Кипра), все скоро бы успокоилось. Но от евреев чего-то ждут, чего-то большего, чем от других народов. Или великого добра, или великого зла (отсюда легковерие к Протоколам Сионских Мудрецов, к писаниям Емельянова, к житиям Евстратия и Гавриила и т.п.).

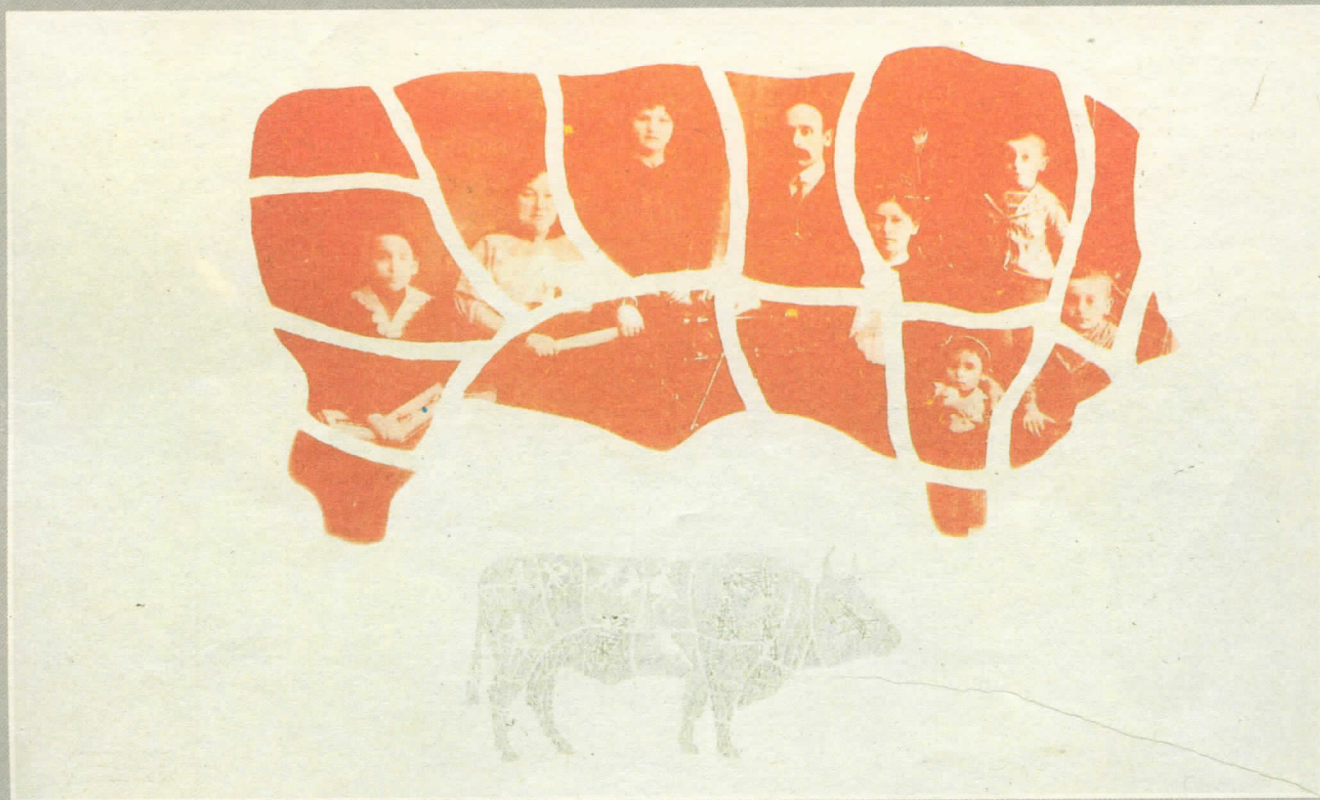
Израилю, как пророку Ионе, никому не деться от своей задачи — явить миру образ выполненного закона. Задача, которую пока никто не выполнил. Но за невыполнение которой Бог еще раз отверзнет свое лицо, и героизм спасет защитников Массады.

Куда бы ни бросались евреи — в Израиль, в революцию, в Америку, — им не вырваться из своей судьбы. Спасутся лишь те, на лбу которых ангел начертает «тов...». Но в вечном напряжении, на краю бездны, творится заново искусство, философия, наука...

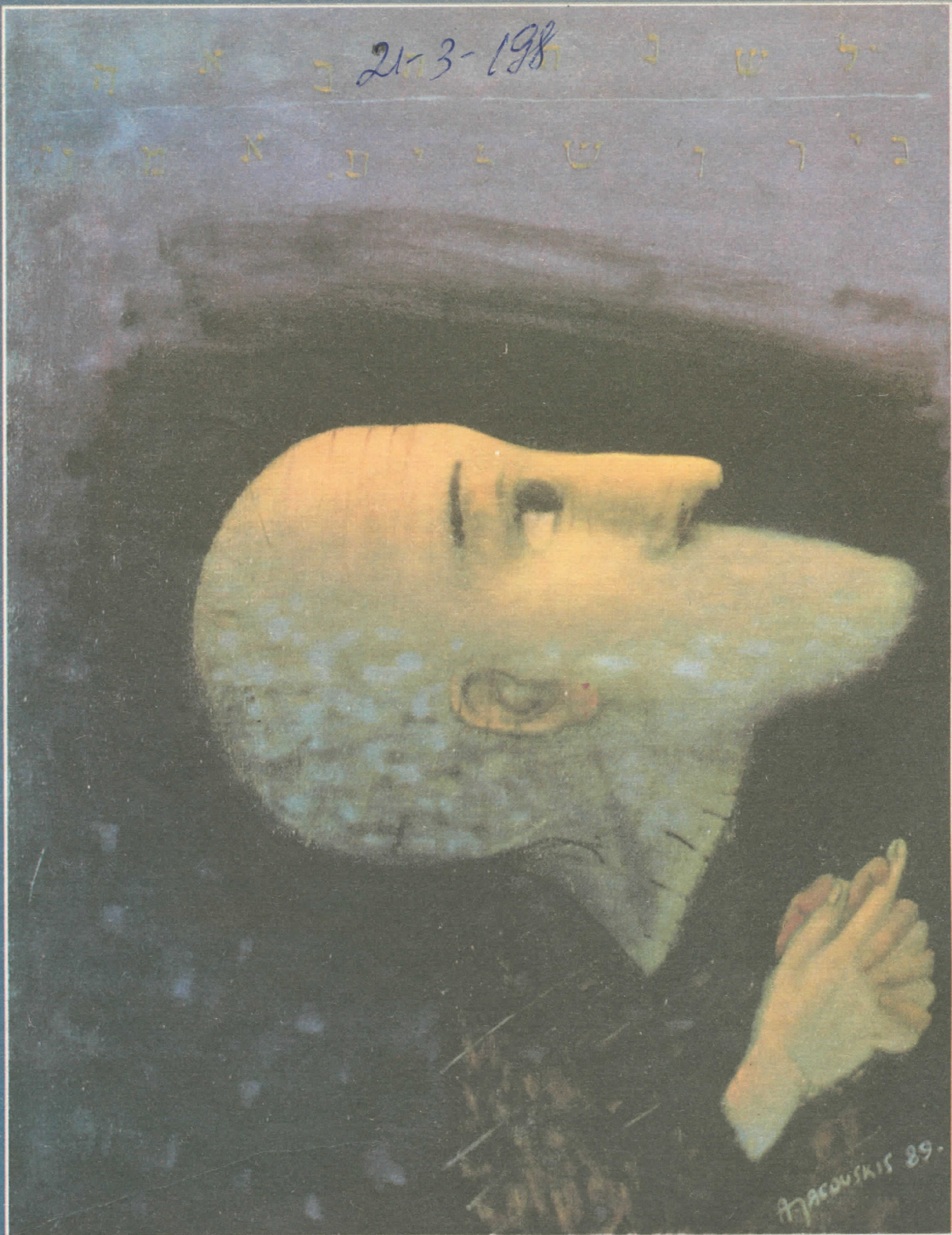
И то, что создано немногими, принадлежит всем.

ГУРЕВИЧ Александр
Давид и Голиаф. 1989. (холст, масло; 110 x 130)

ГОРОХОВСКИЙ Эдуард
Русская магия. 1989. (Бумага, шелкография; 70 x 100)

ЯЦОВСКИС Адамас
Старик, считающий звезды. 1989. (Холст, масло; 92x73)